

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материалы Межведомственного круглого стола
(Рязань, 14 апреля 2016 г.)

Рязань
2016

УДК 343.985

ББК 67.408

П 78

Рецензенты:

Кувалдин Валерий Павлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Москва);

Готчина Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург).

П 78 Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы Межведомственного круглого стола (Рязань, 14 апреля 2016 г.) / под ред. Г.В. Ищука, Е.Н. Билоуса, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. – Рязань : Издательство «Концепция», 2016. – 182 с.

ISBN 978-5-4464-0093-5

В сборнике опубликованы статьи участников Межведомственного круглого стола «Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности», проходившего 14 апреля 2016 г. в Рязанском филиале Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. На основе результатов научных исследований, обобщения судебно-следственной практики и зарубежного опыта авторы анализируют существующие проблемы применения норм уголовного права при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, аспирантов и студентов юридических вузов, иных читателей, занимающихся проблемами уголовного права и оперативно-разыскной деятельности.

УДК 343.985

ББК 67.408

ISBN 978-5-4464-0093-5

© Коллектив авторов, 2016

© Издательство «Концепция»

Содержание

Бадалянци Э.Ю. Теоретические основы провокации преступления.....5	5
Бабкин Л.М., Лыткин Н.Н. О некоторых проблемах использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.....8	8
Билоус Е.Н., Васильев Н.Н. Некоторые проблемы правового регулирования оперативно-разыскной деятельности.....15	15
Батрова Т.А. 19.....Правовые аспекты проверочной закупки	
Борков В.Н. Нужно предусмотреть ответственность за участие в фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности.....24	24
Бохан А.П. Уголовное законодательство и оперативное внедрение.....30	30
Галахов С.С. Роль уголовного законодательства в решении превентивных задач оперативно-разыскной деятельности.....35	35
Денисов Н.Л. Пути оптимизации уголовного законодательства для повышения эффективности квалификации преступлений в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности.....45	45
Дмитренко А.П., Рускевич Е.А. Социально-правовая обусловленность регламентации правомерного причинения вреда при проведении оперативного внедрения.....50	50
Ефанов С.И. О необходимости трансформации некоторых положений оперативно-разыскного законодательства в Уголовный кодекс России с учетом зарубежного опыта.....57	57
Кадников Н.Г., Кадников Б.Н. К вопросу об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни граждан при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий, связанных с негласным получением информации.....66	66
Карнов А.Н. Проблемы установления признаков получения взятки на стадии возбуждения уголовного дела.....72	72
Ковалев А.В., Петроченков С.Д. Актуальные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 138 ¹ УК РФ, выявленных в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности.....76	76
Кондрашечкин Р.В. К вопросу о социальной и правовой защите граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность: уголовно-правовой и оперативно-разыскной аспект.....83	83
Крыканов В.Е. Понятие провокации преступления (по материалам исследования судебной практики).....90	90

<i>Кузьмин С.С.</i> К вопросу о сбалансированности уголовного и оперативно-разыскного законодательства.....	96
<i>Ларин В.Ю.</i> Уголовно правовая защита сотрудников органов внутренних дел при проведении оперативно-разыскных мероприятий.....	102
<i>Ларина Л.Ю.</i> Уголовная ответственность за незаконное осуществление оперативно-разыскной деятельности в отношении адвокатов.....	107
<i>Лобанов М.А.</i> К вопросу о провокации преступления при документировании взяточничества.....	113
<i>Лопатин Е.А.</i> Провокация преступлений как способ борьбы с преступностью в США и Канаде.....	117
<i>Милюков С.Ф., Никуленко А.В.</i> Неиспользованные возможности Уголовного кодекса России в противодействии коррупции.....	121
<i>Петрашева Н.В.</i> Социально-правовое назначение «мнимого соучастия» в форме выполнения специального задания органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность.....	129
<i>Петрянин А.В.</i> Уголовно-правовые аспекты оперативно-разыскной характеристики преступлений экстремистской направленности: особенности определения признаков экстремистского сообщества.....	134
<i>Плешаков А.М.</i> Невинное причинение вреда при оперативном внедрении (к постановке проблемы).....	140
<i>Сысоев Р.А.</i> О наличие провокации преступления при проведении оперативно-разыскных мероприятий.....	149
<i>Топильская Е.В.</i> Уголовно-правовая оценка действий членов организованных преступных групп, привлеченных к сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.....	153
<i>Чечетин А.Е.</i> О некоторых проблемах применения оперативного эксперимента в оперативно-разыскной деятельности.....	159
<i>Чистяков А.А.</i> Общие начала уголовной ответственности за провокационно-преступную деятельность.....	164
<i>Шкабин Г.С.</i> Уголовно-правовая категория вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.....	173

БАДАЛЬЯНЦ ЭЛЕОНОРА ЮРЬЕВНА,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Теоретические основы провокации преступления

Аннотация. Статья посвящена теоретическим основам провокации преступлений.

Ключевые слова: провокация преступления.

BADALYANTS ELEANORYU,
Associate Professor of Criminal Law and Criminology
Ryazan branch Moscow University
Russian Interior Ministry Name VY Kikot,
Associate Professor

The theoretical basis of provocation of a crime

Annotation. The article is devoted to theoretical bases of provocation crimes

Keywords: provocation of a crime.

Проблема законодательной регламентации провокации преступления в настоящее время не решена. Научный и практический интерес к данной проблеме обусловил большое количество мнений ученых и практических работников, которые нашли свое отражение в диссертационных исследованиях, монографиях, научных статьях.

Многочисленные точки зрения юристов прошлых лет по данной проблеме можно разделить на две группы – сторонники и противники провокации как метода борьбы с преступностью.

Гроций Г., признавая легитимность провокации в войнах справедливых, в то же время резко осуждал ее в борьбе с уголовной преступностью. Он считал, что «каждый, кто подает повод другому совершить преступление, тот сам виновен в преступлении» [1, с. 592].

Жилинский В.Б. отмечал, что за провокационную деятельность сотрудники царской полиции справедливо привлекались к уголовной ответственности [2, с. 27].

В уголовном законодательстве России XIX века специально не выделялось ответственности за провокацию. Но в общих нормах об ответственности за взяточничество данное понятие подразумевалось. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года в разделе пятом «О преступлениях и проступках по службе государственной и общест-

венной» в главе шестой «О мздоимстве и лихоимстве» ст. 412 гласила: «Давшие или обещавшие деньги, вещи или же иной какой-либо подарок состоящему в службе государственной или общественной лицу по делу или действию, касающемуся до обязанности его по службе, подвергаются взысканиям и наказаниям в следующей постепенности: те, которые будут стараться предложением взяток или иными обещаниями, или же угрозами побудить должностное лицо к уклонению от справедливости и долга службы, и, не взирая на его отвращение от того, будут возобновлять свои предложения или обещания, подвергаются за такое покушение на обольщение служителей правительства заключению в тюрьме на время от одного года до двух лет или же и лишением некоторых прав и преимуществ и заключению в смиренном доме на время от двух до трех лет». Фактически в описанной ситуации речь идет именно о провокации, хотя на прямую так она не называется.

В теории уголовного права того времени Н.С. Таганцев провокацию рассматривал как особый вид подстрекательства [3, с. 348–349].

В ведомственных документах, регулирующих деятельность агентов жандармерии, агентам категорически запрещалось провоцировать кого-либо на совершение преступления, то есть «создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли» [4, с. 279–284].

В 20-х годах применение провокации оправдывалось низким профессионализмом и слабостью уголовно-разыскного аппарата [5, с. 119]. В этот период развернулась дискуссия об ответственности спровоцированных лиц. По мнению А.Н. Трайнина [6, с. 256] и А.А. Жижиленко [7, с. 68], лица, получившие взятку или давшие взятку в результате провокации, не должны привлекаться к уголовной ответственности.

Иной точки зрения придерживался: Г. Волков [8, с. 387], который считал, провокацию психическим принуждением, являющимся обстоятельством, смягчающим наказание. С середины 30-х и до начала 50-х годов, проблема провокации преступлений в научной сфере практически не поднималась.

В 50-е годы вопрос, об ответственности лица, спровоцированного на дачу или получение взятки, вновь стал освещаться в научной литературе. Например, Трайнин А. отмечал, что лица, принимающие взятку, от ответственности не освобождаются, и факт провокации может иметь значение лишь при определении меры наказания [9, с. 166].

В теории уголовного права того времени провокация преступления рассматривалась в рамках института соучастия в преступлении. В частности, А.А. Пионтковский отмечал, что «провокация, с точки зрения советского уголовного права, хотя бы он и разоблачил преступника до окончания преступления, является подстрекателем к совершению преступления» [10, с. 567].

С конца XX века в теории уголовного права вопросы провокации преступления стали гораздо чаще рассматриваться отдельно от проблем провокации взятки или коммерческого подкупа.

На сегодняшний день приобрели наибольшую популярность уголовно-правовые исследования не конкретных видов провокации преступлений, а в целом, как таковой. Проблема провокации преступления нашла свое отражение в ряде диссертационных исследований, к числу которых следует отнести работы Говорухиной [11, с. 176], А.А. Мастеркова [12, с. 184], С.Н. Радачинского [13, с. 367].

В последние годы актуальными становятся темы, связанные с исследованием проблем провокации преступления при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Они нашли свое отражение в монографических работах Назарова А.Д. [14], Шкабина Г.С. [15] и др.

Назаров А.Д. изучил и отразил подходы к понятию провокации в уголовном праве, проблемы связанные с применением провокации в оперативно-разыскных мероприятиях; позиции национального и европейского правосудия в отношении провокации.

Г.С. Шкабин рассматривает проблемы нормативного закрепления понятия провокации, как в уголовном, так и в оперативно-разыскном законодательстве.

Проводя анализ специальной литературы с 1996 г., следует сказать, что проблемам провокации преступления посвящалось достаточно большое количество научных статей. В зависимости от содержания и ключевых вопросов их условно можно разделить на несколько групп:

- ридическая природа провокации преступлений;
- вопросы квалификации действий провокатора;
- проблемы уголовно-правовой оценки действий спровоцированного лица;
- проблемы отграничения провокации преступления от оперативно-разыскной деятельности;
- исследование зарубежного и международного опыта борьбы с провокацией преступления.

Подводя итог обзора проблем провокации преступления в теории уголовного права следует сделать вывод о незавершенности научных изысканий данного вопроса. На сегодняшний день, по-прежнему, остается актуальным и целесообразным проведение комплексного исследования рассматриваемой темы, как в уголовно-правовом, так и оперативно-разыскном аспектах.

Список использованных источников

1. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г.О. Гроций. – М., 1956.
2. Жилинский, В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти / В.Б. Жилинский. – М., 1918.
3. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая : в 2 т. – Т. 1. – М. : Наука, 1994.
4. Синельников, И.Ю. Агентурная работа правоохранительных структур царской России в начале XX века : проблемы организации и правового регулирования / И.Ю. Синельников, Г.С. Шкабин // Российский научный журнал. – 2015. – № 3.

5. Зильберштейн, Н. Ответственность за дачу взятки при провокации / Н. Зильберштейн // Вестник советской юстиции. – 1925. – №1.
6. Трайнин, А.Н. Уголовное право. Часть Особенная / А.Н. Трайнин. – 2-е изд., – М. : Юриздат, 1927.
7. Жижиленко, А.А. Должностные (служебные) преступления / А.А. Жижиленко. – 2-е изд., доп. и испр. – М., 1924.
8. Волков, Г.И. Взяткодательство при провокации взятки / Г.И. Волков // Вестник советской юстиции. – 1926. – № 10.
9. Трайнин, А. Уголовный кодекс РСФСР: Комментарий / А. Трайнин, В. Вышинская, З. Вышинская; под ред. И.Т. Голякова. – М. : НКЮ СССР, 1946.
10. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А.А. Пионтковский. – М., 1961.
11. Говорухина, Е. В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Говорухина. – Ростов н/Д, 2002.
12. Мастерков, А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Мастерков. – Владивосток, 2000.
13. Радачинский, С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права : проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук / С.Н. Радачинский. – Н. Новгород, 2011.
14. Назаров, А.Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности / А.Д. Назаров. – М. : Юрлитинформ, 2010.
15. Шкабин, Г.С. Провокация преступления в уголовном праве и оперативно-разыском законодательстве: учеб. пособие / Г.С. Шкабин. – Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2013.

БАБКИН ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЛЫТКИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

**О некоторых проблемах использования результатов
оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве**

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные вопросы использования результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным

делам, указана необходимость соблюдения требований к материалам оперативно-разыскных мероприятий как к доказательствам, в их числе законность и допустимость их получения, относимость к данному делу, соблюдение требований нормативно-правовых актов при предоставлении органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, полученных результатов в орган дознания, следователю и в суд.

Ключевые слова: закон, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, доказательства, доказывание, допустимость доказательств, уголовное судопроизводство.

BABKIN LEONID,

Candidate of Law Sciences, associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Interior of Russian Federation named after V.Y. Kikot

LYTKIN NIKOLAY,

Candidate of Law Sciences, associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Interior of Russian Federation named after V.Y. Kikot

Revisiting some problems of usage of investigative activity results in criminal justice process

Annotation. This article is devoted to some problems of usage of investigative activity results in proof process. The authors justify the need for compliance with the requirements to the criminal investigation files including legitimacy and admissibility of evidence, relevance, regulatory compliance in the provision of evidence by criminal investigation bodies to agencies of the inquiry, investigators, courts etc.

Keywords: law, investigative activities, investigative and operative actions, evidence, proof admissibility of evidence, уголовное судопроизводство.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, детально регламентируя процесс доказывания, упорядочивает деятельность по установлению фактических обстоятельств дела, создает надежные гарантии равенства прав сторон и обеспечение состязательности в доказывании.

В соответствии со ст. 87 УПК РФ проверка доказательств производится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников и получения новых доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Результатом проверки является оценка каждого отдельно взятого доказательства как:

- а) относящегося к данному делу;

б) допустимого с точки зрения соответствия закону субъекта, источника и процедуры его получения;

в) достоверного с точки зрения возможности его проверки и сопоставления с другими доказательствами, а также оценка достаточности всей совокупности доказательств для вывода о наличии (отсутствии) в действиях конкретного обвиняемого состава преступления. А в целом все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

Существует несколько вариантов обнаружения признаков преступления, одним из них являются материалы, которые собраны по результатам служебной работы органов государства, имеющей своей направленностью обнаружение преступлений. И прежде всего, данными материалами являются результаты оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее ОРМ).

Конечно, полученные оперативно-разыскным путем фактические данные доказательствами сами по себя являться не смогут. Закон об ОРД в ст. 11 предусматривает возможность применения результатов ОРД при доказывании по уголовным делам согласно положениям УПК РФ, которые регулируют оценку, проверку и сам сбор доказательств, а ст. 89 УПК РФ указывает, что при доказывании строго запрещено использование результатов ОРД, в случае если они по каким-либо причинам не соответствуют требованиям, которые предъявляются к доказательствам согласно нормам уголовно-процессуального законодательства [1, с. 30].

Таким образом, проверка доказательства – это проверка достоверности (реальности существования) источников доказательственной информации, сопоставление сведений, полученных из разных источников, а также законности способа получения информации. Согласно мнению Химичевой Г.П. включение в ч. 1 ст. 144 УПК РФ полномочий дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа по даче органам дознания обязательных для исполнения письменных поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) дает возможность, к примеру, легализовать получение объяснений, которые служат наиболее распространенным способом проверки сообщения о преступлении, хотя и не предусмотренных в УПК РФ [2, с. 25].

Результаты ОРД, осуществляемой для решения вышеуказанных задач, могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, если они легализованы и отвечают требованиям допустимости.

Во-первых, это означает, что сами по себе материалы ОРД не являются процессуальным источником доказательств, а выступают лишь материальными носителями информации об обстоятельствах преступления и лицах, его совершивших. Содержащиеся в материалах ОРД сведения, имеющие значение для дела, должны быть переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов опе-

ративно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной Приказом МВД России № 776, Министерства обороны РФ № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, Федеральной таможенной службы № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков № 398, Следственного комитета РФ № 68 от 27 сентября 2013 г.

После этого данные сведения должны быть закреплены и приобщены к делу в установленном законом порядке, т.е. путем проведения предусмотренных УПК следственных и иных процессуальных действий [3, с. 148–152].

К примеру, по результатам оперативной проверки заявления гражданина о вымогательстве взятки органу предварительного расследования могут быть переданы фонограмма и бумажный носитель телефонных и иных переговоров вымогателя, записи акта описи и вручения гражданину помеченных денег и аудио- и (или) видеозаписывающей аппаратуры, других технических средств, аудио- и (или) видеозапись разговоров гражданина с вымогателем, вручения гражданином требуемых денег взяткодателю, акт задержания взяткополучателя с поличным, изъятия у него и осмотра денег. Для того чтобы содержащиеся в перечисленных материалах ОРД сведения стали доказательствами, в отношении их необходимо провести следующие процессуальные действия: фонограмма и бумажный носитель записи телефонных и иных переговоров осматриваются с участием понятых и при необходимости специалиста. Фонограмма прослушивается, о чем составляются протокол осмотра, после чего фонограмма и бумажный носитель признаются вещественными доказательствами и в качестве таковых приобщаются к делу. Кассеты, диски с аудио- и (или) видеозаписями осматриваются с участием понятых и при необходимости специалиста, прослушиваются, просматриваются, о чем составляется протокол осмотра и прилагаемая к нему стенограмма аудио- и (или) видеозаписи, после чего кассеты, диски признаются вещественными доказательствами и приобщаются к делу. Заявитель и оперативные работники, проводившие указанные ОРМ, допрашиваются в качестве свидетелей, а изъятые в ходе задержания взяткополучателя деньги осматриваются с участием понятых, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к делу и т.д.

Во-вторых, органы предварительного расследования, прокурор и суд обязаны проверить и убедиться в том, что:

– ОРМ, по результатам которых получены материалы, проводились уполномоченными на то физическими и юридическими лицами и в строгом соответствии с требованиями Конституции РФ и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в том числе его ст. 2 «Задачи оперативно-розыскной деятельности», ст. 5 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», ст. 7 «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий», ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий», ст. 9 «Основания

и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий»;

– в случаях, предусмотренных указанными статьями, ОРМ проводились на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, на основании судебного решения и при наличии соответствующей информации.

В-третьих, ОРМ не должны подменять следственные и иные процессуальные действия, которые в той или иной ситуации могут и должны быть проведены в целях обнаружения и закрепления доказательств (к примеру, оперативный опрос не должен подменять получение объяснений в порядке ст. 144 УПК или допрос, а обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств не должно подменять осмотр или обыск).

Применительно к тем случаям, когда в материалах уголовного дела имеются данные, например, об осуществлении проверочной закупки наркотических средств, психотропных веществ или растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание судов на то, что «необходимыми условиями законности ее проведения являются соблюдение оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных статьей 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и требований части 7 статьи 8 указанного Федерального закона, в соответствии с которыми проверочная закупка веществ, свободная реализация которых запрещена, проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность» [4]. В другом Постановлении, касающемся дел о любых преступлениях, Пленум ВС РФ разъяснил судам, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, установленных федеральным законом), могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством» [5].

Исходя из требований ст. ст. 2, 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», если в результате проведенного ОРМ выявлено преступление и получены достаточные данные для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и для осуществления уголовного преследования лица, совершившего преступление, правоохранительные органы обязаны пресечь дальнейшую преступную деятельность лица и обеспечить его привлечение к уголовной ответственности [6, с. 273–278].

Дознаватель или следователь, получив материалы с результатами оперативно-разыскного мероприятия, убедившись о наличии в них достоверной

и достаточной информации о признаках преступления, незамедлительно возбуждает уголовное дело и производит необходимые неотложные следственные действия.

Дальнейшая проверка производится на последующем этапе предварительного расследования и заключается в анализе и сопоставлении всей имеющейся доказательственной информации, устранении пробелов и противоречий в системе доказательств с помощью производства других необходимых и целесообразных следственных действий.

Одним из наиболее ответственных аспектов оценки результатов оперативно-разыскного мероприятия является проверка версии о возможной провокации.

Для исключения провокации следует с особой тщательностью подойти к изучению материалов, содержащих основания для проведения таких оперативно-разыскных мероприятий, как проверочная закупка и оперативный эксперимент [7, с. 116–117].

При документировании преступлений коррупционного характера, связанных с вымогательством взятки или коммерческого подкупа, к уголовному делу следует прежде всего приобщить заявление лица, подвергшегося такому вымогательству, так как оно может быть использовано и как повод к началу оперативной разработки, и как повод к возбуждению уголовного дела.

Результаты оперативно-разыскной деятельности представляются в уголовный процесс по инициативе органов, осуществляющих ОРД, либо при выполнении поручения органов расследования, указания прокурора или постановления (определения) суда по уголовным делам, находящимся в их производстве [8, с. 191].

Результаты оперативно-разыскной деятельности осуществляются на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем). Данное постановление составляется в двух экземплярах, первый из которых направляется органу дознания, следователю или в суд, второй приобщается к материалам дела оперативного учета или, в случае его отсутствия, – к материалам специального номенклатурного дела.

При использовании в доказывании результатов ОРД следует помнить, что сами по себе результаты оперативно-разыскной деятельности доказательствами в уголовно-процессуальном смысле не являются. Их нужно рассматривать только в качестве основы, на базе которой в уголовном процессе могут быть в установленном законом порядке сформированы доказательства. При этом необходимо учитывать:

– соответствия результатов ОРД требованиям ФЗ «Об ОРД» и иным подзаконным актам;

– результатами ОРД, является источник – носитель любых сведений, то есть в результате каких ОРМ получены эти результаты, что позволит в дальнейшем доказать их истинность, объективность и достоверность, перепроверить доказательства, сформированные на их основе в ходе производства следственных или судебных действий, в том числе соответствующей экспертизы;

– способы фиксации результатов ОРД. Сведения фиксируются в оперативно-служебных документах. К таким документам относятся: рапорт, справка, акт, сводка, отчет, меморандум и т.п. Кроме того, к ним могут прилагаться различные материальные (физические) носители информации (фонограммы, видеogramмы, кино- и видеокассеты, фотоснимки, а также предметы, вещи и другие материальные объекты). При этом доказательства, сформированные на основе результатов ОРД, должны позволить в условиях судопроизводства провести их проверку и оценку;

– порядок передачи «результатов ОРД» органу дознания, следователю или суду. Без этого составляющего результаты ОРД теряют свою основную цель;

– результаты ОРД должны быть получены уполномоченными на то органами и их должностными лицами.

При этом необходимо соблюдать требование о том, что полученным оперативно-разыскным сведениям должна быть придана соответствующая легализующая их процессуальная форма, но здесь недопустима расшифровка сил, средств, методов и других сведений, определяющих организацию и тактику оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий, так как они являются государственной тайной.

Список использованных источников

1. Фролова, Т.А. Закрепление результатов ОРД и передача их следственным органам и суду / Т.А. Фролова // Уголовный процесс. – 2008. – № 3.

2. Химичева, Г.П. Уточнить процедуру доследственной проверки / Г.П. Химичева // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1.

3. Зуев, С.В. Доказательственное значение результатов оперативно-разыскной деятельности: проблемы нормативного регулирования и практики правоприменения / С.В. Зуев // Проблемы права. – 2015. – № 2. – С. 148–152.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. – 2006. – 28 июня. – № 137.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации № 247. и при осуществлении правосудия» // Российская газета. – 28 дек. – 1995.

6. Бабкин, Л.М. Информация о подготавливаемом либо совершенном преступлении как основание для проведения оперативно-разыскных мероприятий и использование полученных результатов в доказывании по уголовному делу / Л.М. Бабкин, Н.Н. Лыткин, Г.С. Шкабин // Российский научный журнал. – 2015. – № 5 (48). – С. 273–278.

7. Капканов, В.В. Разграничение пресечения преступлений и провокации их совершения / В.В. Капканов // Уголовное право. – 2007. – № 6. – С. 116–117.

8. Нагоева, М.А. Использование результатов ОВД в ходе предварительного расследования / М.А. Нагоева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1.– С. 191.

БИЛОУС ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ,

Заместитель начальника
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор

ВАСИЛЬЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ,

Профессор кафедры
организации оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России
заслуженный юрист Российской Федерации

**Некоторые проблемы правового регулирования
оперативно-разыскной деятельности**

Аннотация. В работе обращается внимание на наиболее насущные проблемы применения оперативно-разыскного законодательства и несогласованности с другими отраслевыми законами.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, освобождение от уголовной ответственности, конфидент.

BILOUS EVGENY NIKOLAEVICH,

Deputy chief Ryazan branch of the Moscow university
The Ministry of Internal Affairs of Russia of V. Ya. Kikotya,
candidate of jurisprudence, professor

VASILEV NIKOLAY NIKOLAEVICH,

Professor of department
of the organization of investigation and search operations of
Academy of management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Honored Lawyer of the Russian Federation

**Separate problems of legal regulation
investigation and search operations**

Annotation. In work the attention to the most pressing problems of application of the operational and investigation legislation and inconsistency with other industry laws is paid.

Keywords: investigation and search operations; investigation and search operations; release from criminal liability; confidant.

На сегодняшний день в системе правового регулирования правоохранительной деятельности оперативно-разыскное законодательство занимает одно из центральных мест. Оно регламентирует такую специфическую функцию государственных органов, как оперативно-разыскная деятельность, которая осуществляется в интересах защиты общества, государства и человека от преступных посягательств. Однако двадцатилетняя практика применения норм Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД» или закон), позволили установить ряд проблем в применении его отдельных положений. На некоторые из таких проблем мы обратим внимание.

К числу недостатков, следует отнести отсутствие общего понятийного аппарата. Считаем, что в главе I «Общие положения» ФЗ «Об ОРД» целесообразно предусмотреть норму, посвященную основным понятиям, используемым в данном правовом акте. К их числу следует отнести дефиницию оперативно-разыскного мероприятия, а также представить понятие оперативно-разыскного метода. Также требует определения понятие общего процесса осуществления оперативно-разыскных мероприятий. Отсутствие общих правил осуществления такого процесса равнозначно отсутствию в уголовно-процессуальном законодательстве положений, регламентирующих порядок осуществления конкретных следственных действий, без чего процесс раскрытия и расследования преступлений фактически невозможен. Уже давно назрела необходимость включения в содержание ст. 6 ФЗ «Об ОРД» понятия (формулировки) всех 14 оперативно-разыскных мероприятий. Их простой перечень в виде названий только затрудняет уяснение их содержания. Фактически это можно сравнить с ситуацией, когда в уголовном законодательстве Российской Федерации будет отсутствовать понятие преступления или признаков конкретных составов преступлений. Кроме того, считаем правильным закрепить на законодательном уровне понятие оперативно-разыскной профилактики [1; 2].

Стоит обратить внимание, что ст. 11 ФЗ «Об ОРД» не корреспондируется с рядом норм уголовно-процессуального закона (ст. 74, 84, 89, 143 УПК РФ). В связи с этим предлагаем трансформировать положения названной нормы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, чтобы результаты оперативно-разыскной деятельности имели равную юридическую силу при их использовании в доказывании по уголовным делам. Согласно ст. 89 УПК РФ «запрещается использовать в доказывании результаты оперативно-разыскной деятельности, если они не соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Это положение представляется излишним, поскольку если результат оперативно-разыскной деятельности отвечает всем требованиям, предъявляемым к доказательствам, то он перестает быть собственно результатом оперативно-разыскной деятельности, а становится полноценным доказательством. В этом случае не требуется ни специальный режим его использования, ни соответствующая статья Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Содержание одного из важнейших направлений оперативно-разыскной деятельности – разыскной работы в ФЗ «Об ОРД» фактически не раскрывается (только в числе задач оперативно-разыскной деятельности) и регламентируется исключительно ведомственными нормативными актами, носящими, как правило, закрытый характер. Подобная ситуация нарушает права и свободы граждан, которые необоснованно могут быть объявлены в розыск. Поэтому, на наш взгляд, необходимо либо создание отдельного раздела в ФЗ «Об ОРД», посвященного раскрытию содержания разыскной работы, либо подготовка отдельного законодательного акта по данной проблеме.

Обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, безопасности общества и государства от преступных посягательств осуществляется во многом благодаря деятельности лиц, негласно содействующих государственным органам (далее – конфиденты), осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. ФЗ «Об ОРД» наделяет конфидентов государственных органов следующими правами:

- право выбора вида содействия государственному органу, осуществляющему оперативно-разыскную деятельность (на безвозмездной или возмездной основе);
- право на участие в подготовке и проведении оперативно-разыскных мероприятий;
- право на защиту информации о содействии конфидентов государственным органам;
- право на государственную защиту жизни, здоровья, имущества конфидентов, членов их семей и близких;
- право на освобождение от уголовной ответственности при выполнении определенных условий, предусмотренных данным законом;
- право на не облагаемую налогами и не указываемую в декларации о доходах оплату труда;
- право на зачисление работы по контракту в трудовой стаж;
- право на пенсионное обеспечение работающих по контракту конфидентов;
- право на выплату единовременного пособия иждивенцам в случае гибели конфиденнта;
- право на выплату конфиденнту единовременного пособия в случае получения им телесных повреждений или увечий.

Права конфидентов государственных органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в декларативной форме отражены в четырех статьях ФЗ «Об ОРД», а их обязанности в данном законе вообще не конкретизированы.

Отраслевое законодательство в рамках своего предмета должно наполнять определенным содержанием идеи, закрепленные в Конституции Российской Федерации, и соответствовать законам в других отраслях. Ряд норм ФЗ «Об ОРД» не только не соответствует, но даже противоречит нормам отраслевых законов в других сферах общественных отношений. Так, можно отметить, что они не в полной мере отражают требования трудового законодательства.

В ФЗ «Об ОРД» отсутствуют такие важные положения прав и свобод работающего на контрактной основе конфиденнта, как:

- право на изменение и расторжение контракта с государственным органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в соответствии с трудовым законодательством;
- право на предоставление ему работы, обусловленной контрактом (поскольку результаты работы конфиденнта зависят от даваемых ему оперативным сотрудником поручений, а неопытный сотрудник полиции не всегда правильно ставит задачи перед конфиденнтом);
- право на своевременную и в полном объеме выплату заработной платы в соответствии с квалификацией конфиденнта, сложностью труда, количеством и качеством выполненной работы;
- право на оплату особого режима работы (ненормированный рабочий день), возмещение расходов, связанных со служебными командировками, оплату ежегодного отпуска;
- право на служебную подготовку, повышение уровня знаний и умений в необходимых для решения служебных задач областях науки и техники;
- право на защиту своих трудовых прав, свобод и интересов всеми не запрещенными законом способами;
- право на возмещение вреда, причиненного имуществу конфиденнта в связи с исполнением им своих трудовых обязанностей, и компенсацию морального вреда в соответствии с трудовым законодательством;
- обязательное социальное страхование конфиденнта в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Среди конфиденнтов государственных органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, имеется определенное количество женщин, но действующее оперативно-разыскное законодательство также не предусматривает для них оплачиваемого декретного отпуска или отпуска по уходу за ребенком. Нормы оперативно-разыскного законодательства не содержат единого механизма пенсионного обеспечения конфиденнтов всех государственных органов – субъектов оперативно-разыскной деятельности, а установленный пенсионным законодательством порядок обеспечения трудовых пенсий в Российской Федерации не отвечает требованиям конспирации.

Одним из наиболее острых вопросов является недостаточная согласованность норм оперативно-разыскного законодательства с уголовным. Так, например, никем не оспаривается, что оперативное внедрение конфиденнтов в преступные структуры, как правило, невозможно без их участия в совершении преступлений. Однако нормы уголовного законодательства Российской Федерации не содержат положений, которые позволяли бы не привлекать к уголовной ответственности таких лиц. В ряде случаев для освобождения конфиденнта от уголовной ответственности иногда используются нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, определяющие такие основания освобождения, как в связи с деятельным раскаянием или в связи с примирением с потерпевшим. Но, этого явно недостаточно. В уголовном кодексе следует предусмотреть самостоятельное основание для освобождения от уголовной

ответственности лиц, принимавших участие в проведении оперативного внедрения.

Приведенные нами проблемы оперативно-разыскного законодательства являются лишь частью огромного массива трудностей его применения и несогласованности с другими законами. Данное обстоятельство указывает на острую необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования оперативно-разыскной деятельности.

Список использованных источников

1. Галахов, С.С. Организация оперативно-розыскной профилактики : монография / С.С. Галахов.– М. : ВНИИ МВД России, 2010.
2. Ищук, Я.Г. Оперативно-разыскная профилактика: проблемы законодательного регулирования / Я.Г. Ищук // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: материалы регионального круглого стола / под ред. Е.Н. Билоуса, Г.С. Шкабина. – 2015. – С. 88–92.

БАТРОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА,
Профессор кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

Правовые аспекты проверочной закупки

Аннотация. В статье рассматривается правовая сторона проведения проверочной закупки. Прежде всего, речь ведется о соотношении этого оперативно-разыскного мероприятия с гражданско-правовыми положениями.

Ключевые слова: провокация преступления, оперативно-разыскная деятельность, сделка.

BATROVA TATYANA ALEKSANDROVNA,
Professor in the Department of state law disciplines and civil law disciplines
of the Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of internal Affairs of
Russia in the name of S. J. Kikot, doctor of law, associate Professor

Legal aspects of the test buy

Annotation: The article examines the legal aspect of the test buy. First of all, it is conducted on the ratio of operational and investigative activities with the civil law provisions.

Keywords: crime provocation operatively-search activity, the transaction

Проверочная закупка как разновидность оперативно-разыскных мероприятий, проводимых в соответствии с положениями Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Федеральный закон «Об ОРД») нередко используется для выявления, а также проверки сообщений о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений. Прежде всего, это касается преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, преступлений против интеллектуальной собственности и др.

Совершаемые при этом сделки имеют весьма специфическую правовую природу, если принять во внимание процессы волеобразования и волеизъявления их участников. Лица, реализующие товары в нарушение установленных законом требований, заведомо совершают сделку, противную основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), преследуя свои интересы. В то же время применение положений ст. 168 ГК РФ, указывающей на недействительность сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта, вряд ли возможно, учитывая характер допускаемых нарушений.

Как было отмечено Конституционным Судом РФ, понятия «основы правопорядка» и «нравственность», как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика, однако они не являются настолько неопределенными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений. Статья 169 ГК РФ указывает, что квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является ее цель, т.е. достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит – заведомо и очевидно для участников гражданского оборота – основам правопорядка и нравственности [1]. Основы правопорядка определяются судами как установленные государством основополагающие нормы об общественном, экономическом и социальном устройстве общества, направленные на соблюдение и уважение такого устройства, обеспечение соблюдения правовых предписаний и защиту прав и свобод, регулируемые как нормами отдельных отраслей права, так и Конституцией РФ [2]. Неслучайно, Верховным Судом РФ было отмечено, что содержание понятия публичный порядок не совпадает с содержанием национального законодательства Российской Федерации [3].

В свою очередь сотрудники, осуществляя соответствующее оперативно-разыскное мероприятие, руководствуются диаметрально противоположными целями – выявление и пресечение незаконной деятельности субъекта. При этом, очевидно, что достижения классической цели совершения гражданско-правовых сделок также не ставится. Не случайно Минфин России в свое время в отношении контрольных закупок указывал на необходимость разграничения приобретения проверяющими товаров (услуг) в личное пользование для собственных нужд и приобретение товаров (услуг) сотрудниками органов, наде-

ленных правом контрольной (проверочной) закупки [4]. Как следует из ст. 49 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ, сущность проверочной закупки образует приобретение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов или оборудования с ведома и под контролем органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

В таком контексте она иногда расценивается как мнимая сделка, поскольку проводится с целью, не очевидной для лица, являющегося объектом оперативной заинтересованности, то есть совершается лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия (ч. 1 ст. 170 ГК РФ). В одном из комментариев к Федеральному закону «Об ОРД» проверочная закупка определяется как совокупность действий по искусственному созданию в противозаконной деятельности (обмане потребителей, торговле запрещенными товарами и т.д.) [5]. О мнимом характере сделки говорит и М.П. Смирнов, указывающий на то, что «зашифрованная форма предполагает мнимую сделку купли-продажи под видом обычного покупателя с последующим объяснением продавцу о фактической цели покупки, контрольным взвешиванием товара и составлением в его присутствии акта о состоявшемся мероприятии» [6].

В то же время существует иная позиция. По мнению Д.В. Морозова и Ю.В. Филатова, оснований для классификации проверочной закупки в качестве мнимой сделки нет, поскольку она не преследует цели обмана лиц, в ней не участвующих, относительно действительных намерений самих участников. Нет оснований для квалификации проверочной закупки и в качестве сделки, совершенной под влиянием обмана (ст. 179 ГК РФ), поскольку действия покупателя являются правомерными с точки зрения действующего законодательства [7].

Анализ судебных правовых позиций показывает, что суды, прежде всего, дают оценку действиям продавца. Как было указано в одном из решений, с позиции гражданского законодательства РФ способ возмездной передачи наркотических средств другим лицам, оборот которых запрещен в Российской Федерации, при проведении проверочной закупки должны квалифицироваться как ничтожная сделка, совершенная в целях противных основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ) [8]. Свою позицию некоторые суды дополнительно обосновывают тем, что совершение сделки по сбыту (продаже) наркотического средства, является сделкой, направленной на отчуждение определенного вида объекта, ограниченного в гражданском обороте (наркотиков), то есть цель указанной сделки заведомо противоречит основам правопорядка и нравственности, а сама сделка нарушает основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои [9].

При этом неизбежно поднимается вопрос о применении последствий недействительной сделки. В связи с этим судами отмечается, что в качестве

специального последствия недействительности ничтожной сделки применяется взыскание всего полученного (причитавшегося) по сделке в доход государства. В тех случаях, когда сделка сама по себе образует состав публичного правонарушения либо указанное правонарушение связано с совершением такой сделки, в рамках рассмотрения спора, вытекающего из публичных правоотношений, подлежат применению санкции, установленные законодательством в качестве меры ответственности за совершение данного правонарушения, а не последствия, предусмотренные ст. 169 ГК РФ [10].

Суды обращают внимание на то, что согласно ст. 19 Федерального закона «Об ОРД» обеспечение оперативно-разыскных мероприятий относится к расходным обязательствам Российской Федерации, и осуществляется в порядке, устанавливаемом руководителями государственных органов, оперативные подразделения которых уполномочены осуществлять эту деятельность. Это дает правовые основания для взыскания в доход государства соответствующих сумм с лиц, признанных судом виновными в совершении преступления. Иногда в качестве правового основания для этого указываются нормы ст. 1064 ГК РФ, предусматривающей возмещение в полном объеме вреда, причиненного имуществу юридического лица, лицом, причинившим вред [11], что вряд ли оправдано.

Следует отметить, что подобная практика не является повсеместной. Более того, встречается позиция, согласно которой взыскание с ответчика переданных по сделке сумм в доход Российской Федерации приведет к двойной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств и ядовитых веществ, поскольку лицо уже привлечено к уголовной ответственности [12]. Очевидно, что подобная позиция не имеет под собой достаточных правовых оснований, поскольку привлечение лица к уголовной ответственности, как наиболее сильной реакции государства на противоправное поведение, не освобождает от претерпевания негативных гражданско-правовых последствий совершенного деяния, которые нередко в этом случае имеют своей целью компенсацию имущественных потерь потерпевшей стороне. Впрочем, подобная трактовка ситуации скорее является исключением из общего правила.

С иском о взыскании денежных средств в суд в подобных случаях должен обращаться прокурор, действуя в интересах РФ и неопределенного круга лиц. Если гражданский иск не заявлен и соответственно, не разрешен в рамках уголовного дела, прокурор вправе заявить иск о применении последствий ничтожности сделки в порядке гражданского судопроизводства.

Анализ судебных решений позволяет прийти к выводу о том, что заявленные требования подлежат удовлетворению при соблюдении следующих условий:

- 1) вина продавца в совершении противоправных действий установлены приговором, вступившим в законную силу, ибо предъявление искового заявления к субъекту о применении последствий недействительности ничтожной сделки по сбыту наркотического средства и взыскании полученного по сделке

до вынесения судебного постановления по уголовному делу, следует рассматривать как предрешение прокурором вопроса о его виновности, что недопустимо в силу ст. 49 Конституции РФ [13];

2) средства, затраченные на проверочную закупку не возвращены уполномоченным субъектам;

3) требование заявлено в пределах срока исковой давности, который начинается течь с момента установления виновности конкретного лица в совершении указанных сделок, а именно с момента вступления в законную силу соответствующего приговора суда.

При совершении преступных действий в соучастии указанные суммы взыскиваются солидарно со всех виновных лиц.

Список использованных источников

1. Определение Конституционного Суда РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О.
2. Решение Сандовского районного суда Тверской области от 15 марта 2013 г. № 2-10/2013.
3. Определение Верховного Суда РФ от 29.12.1998 № 5-Г98-78.
4. О контрольных закупках товара (заказах услуг) при проведении налоговыми органами проверок применения ККТ: Письмо Минфина РФ от 07.02.2006 № 03-01-15/1-23 // Финансовый вестник. Финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2006. – № 9.
5. Киселев, А.П., Васильев, О.А., Беянинова, Ю.В. Комментарий к Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) [Электронный ресурс] / А.П. Киселев, О.А. Васильев, Ю.В. Беянинова // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2016).
6. Смирнов, М.П. Комментарии законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом : учебное пособие (постатейный). – 5-е изд., расш. и перераб. – 2012 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.04.2016).
7. Морозов, Д.В. Проверочная закупка наркотических средств и психотропных веществ как сделка, совершенная с целью, противной основам правопорядка, и применение последствий ее недействительности в виде взыскания затраченных бюджетных средств с лиц, осужденных за совершение преступлений / Д.В. Морозов, Ю.В. Филатов // Наркоконтроль. – 2007. – № 3.
8. Апелляционное определение Североморского районного суда Мурманской области от 2 ноября 2015 г. № 11-34/2015.
9. Решение Пролетарского районного суда г. Твери № 2-1160/2014 2-1160/2014~М-854/2014 М-854/2014 от 1 августа 2014 г.
10. Определение Ростовского областного суда от 22 августа 2011 г. по делу № 33-11567.
11. Решение Пролетарского районного суда г. Твери № 2-1160/2014 2-1160/2014~М-854/2014 М-854/2014 от 1 августа 2014 г.

12. Решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 7 июля 2011 г.

13. Определение Мирнинского городского суда Архангельской области от 4 апреля 2011 г.

БОРКОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,
Профессор кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Нужно предусмотреть ответственность за участие в фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности

Аннотация. В статье анализируются составы фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности и фальсификации доказательств. Устанавливается соотношение фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности с провокацией взятки. Аргументируются предложения по изменению уголовного закона, учитывающие возможное участие в фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности общего субъекта.

Ключевые слова: фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, фальсификация доказательств, провокация взятки.

BORKOV VIKTOR NIKOLAEVICH,
Professor of Criminal Law
Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal
Affairs PhD, candidate of law sciences

To provide responsible for participation in rigged operatively-search activity

Annotation. The article analyzes the composition of falsification of the results of operational-investigative activity and falsification of evidence. Sets the ratio of falsification of the results of operational-investigative activity with provocation bribes. Argues the proposals to amend the criminal law allows for the possibility of participation in the falsification of the results of operational-investigative activity of general subject.

Keywords: falsification of the results of operational-investigative activity, falsification of evidence, provocation bribes.

Ведущую роль в обеспечении законности в любом государстве играют правоохранительные органы. Уголовное судопроизводство и оперативно-разыскная деятельность призваны обеспечить эффективную реализацию уголовного закона, предупреждение преступлений, неотвратимость ответственно-

сти за их совершение. «Чтобы эта санкция не оставалась пустой угрозой, закон должен опираться на действенную силу, достаточную для приведения его в исполнение во всяком случае. Другими словами, право должно иметь в обществе действительных носителей или представителей, достаточно могущественных для того, чтобы издаваемые законы и произносимые суждения могли иметь силу принудительную» [1, с. 460]. Учитывая репрессивный потенциал отношений, развивающихся в сфере уголовного судопроизводства, важно, чтобы все принимаемые решения были законными и обоснованными. Поэтому уголовный закон предусматривает ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу и фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ).

Специальная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности в России установлена впервые. В части 4 ст. 303 УК РФ дан ответ на один из вопросов, которые возникали при квалификации фальсификации доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 303 УК РФ). Законодатель определил цель фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности – это уголовное преследование лица, заведомо непричастного к совершению преступления. Применительно к ч. 2 ст. 303 УК РФ проблема признания либо непризнания преступлением такого внесения изменений в процессуальные документы, которое не искажает существа изложенных в носителях доказательств обстоятельств в теории и на практике решалась неоднозначно. С точки зрения В.В. Демидова, при фальсификации доказательств не имеет значения то, какую роль они сыграли при рассмотрении уголовного дела [2, с. 128]. Так, по делу Р. разъясняется: «Если имела место подделка документа, значит, она была совершена независимо от мотива, с прямым умыслом, который обнаружен в фальсифицированном документе, в данном случае в протоколе допроса, составленном от имени Р., с его фиктивной подписью». В данном судебном решении примечательно также то, что предметом преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, признан протокол допроса, хотя в качестве доказательств выступают показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого.

Президиум Омского областного суда признал виновным в фальсификации доказательств дознавателя, который сначала на улице побеседовал со свидетелем, а через некоторое время в служебном кабинете оформил протокол допроса. «Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ, – отмечается в постановлении суда надзорной инстанции – содержит формальный состав и становится общественно опасным с момента совершения лицом действий, независимо от того, какие вредные последствия повлекли эти действия».

Безусловно, любое нарушение норм УПК РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. Но это вовсе не значит, что любое, даже формальное, нарушение процессуальных норм общественно опасно и является преступлением. Следует

согласиться с А. М. Барановым и С. В. Супруном: «Целью производства в конечном счете является не само производство и даже не обеспечение прав его участников, а разрешение вопросов: было ли нарушено материальное право лиц и государства, защищаемое уголовным законом? Каким образом оно должно быть восстановлено?» [3, с. 81]. В отдельных решениях по делам о предусмотренных ст. 303 УК РФ деяниях, высшая судебная инстанция обращает внимание на необходимость выяснения мотивов и целей их совершения. Так, было прекращено уголовное дело в отношении следователя, который сам изготовил протокол допроса потерпевшей, основываясь на обстоятельствах, изложенных в ее объяснении. Суд установил, «...что фальсификация доказательств не оказывала влияния на разрешение дела по существу».

В ст. 303 УК РФ понятие «фальсификация» не раскрывается. «Фальсификация (подделка), – отмечается в одном из определений высшей судебной инстанции, – означает сознательное искажение представляемых доказательств». Применительно к фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности преступление состоит в искажении таких результатов. Полагаем, что преступлением, предусмотренным ч. 4 ст. 303 УК РФ, является создание видимости документирования и оформления результатов, свидетельствующих о якобы совершенном преступлении, которого фактически не было. И в этом смысле интересно соотношение исследуемой нормы со ст. 304 УК РФ, предусматривающей ответственность за попытку передачи должностному лицу без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления. Если исходить строго из диспозиции ст. 304 УК РФ, то получается, что попытка передачи материальных ценностей осуществляется с целью последующей фальсификации «результатов», фактически не проводившегося оперативно-разыскного мероприятия.

В соответствии с п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», ответственность за провокацию взятки (ст. 304 УК РФ) наступает только в случае, когда попытка передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа. Должностное лицо заведомо для виновного не совершает действий, свидетельствующих о его согласии принять взятку, или отказывается ее принять. Провокация взятки является окончанным преступлением с момента передачи имущества, а также после оказания услуг имущественного характера без ведома должностного лица либо вопреки его отказу принять незаконное вознаграждение. Сама по себе попытка передачи материальных ценностей должностному лицу, без его согласия, оперативным экспериментом не является. Такие действия создают условия для последующей фальсификации результатов, якобы имевшей место, оперативно-разыскной

деятельности, которая фактически не осуществлялась и, соответственно, никаких легитимных результатов иметь не может.

Квалификация действий виновного по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 304 УК РФ и ч. 4 ст. 303 УК РФ, возможна в случае признания допустимости наличия множественности двух преступлений, если при совершении одного из них реализуется цель другого. Например, совокупность преступлений имеет место в действиях должностного лица, которое за взятку злоупотребляет должностными полномочиями. В получаемой взятке реализуется корыстная заинтересованность должностного злоупотребления. По совокупности преступлений следует квалифицировать подделку официального документа, в целях его использования (ч. 1 ст. 327 УК РФ), и последующее использование этого документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ).

Практика применения нормы о фальсификации доказательств по уголовному делу выявила проблему квалификации данного преступления совершенного в соучастии, которая актуальна и для фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности. Рассматривая уголовное дело в отношении следователя М., суд признал, что подпись от имени потерпевшей в протоколе допроса выполнена не следователем, а «другим лицом». При этом суд не выяснил, при каких обстоятельствах и с какой целью «другое лицо» исполнило подпись потерпевшей в протоколе допроса, и какова в этом была роль М. Установив, что следователь не исполнял подпись за потерпевшую в протоколе допроса, суд не указал в приговоре, в чем именно заключалась фальсификация ею доказательств.

В качестве основного обстоятельства, подлежащего доказыванию, выступает событие преступления, его время, место и способ совершения (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Но при обвинении конкретного лица самого события преступления очевидно недостаточно, важно установить факт совершения преступления именно данным субъектом. Это вытекает из законодательного понятия преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Как было показано выше, объективную сторону фальсификации доказательств составляют действия по искусственному созданию или уничтожению доказательств в пользу обвиняемого или потерпевшего. Как видим, в приведенном примере следователь преступления непосредственно не совершал, а лицо, которое учинило подложную подпись в протоколе допроса, не установлено. Получается, что преступление осталось нераскрытым.

Возможен второй вариант развития ситуации. Допустим, что личность гражданина, который по просьбе следователя расписался в подложном протоколе допроса за потерпевшую, известна. Не будучи лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником (ч. 2 ст. 303 УК РФ), человек, подделавший такую подпись, не может выступать в качестве исполнителя исследуемого посягательства. В соответствии с ч. 4 ст. 34 УК РФ, лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса, участвовавшее в совершении пре-

ступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника. Следовательно, действия гражданина, учинившего чужую подпись, нужно квалифицировать по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 303 УК РФ, т.е. как пособника в фальсификации доказательств. Однако заметим, что в ч. 4 ст. 34 УК РФ речь идет об участии в совершении преступления наряду с другими лицами, т.е. возможными субъектами вменяемых составов. В рассматриваемой ситуации объективная сторона фальсификации была усмотрена судом в учинении подложной подписи потерпевшей, в ее реализации следователь непосредственного участия не принимал. Если мы признаем его подстрекателем, склонившим другое лицо к фальсификации, то преступление остается без исполнителя.

В соответствии с Инструкцией «О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», такие результаты предоставляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения. В рапорте указываются, когда, где и какое оперативно-разыскное мероприятие проводилось и какие получены результаты. К рапорту могут прилагаться предметы, вещества, материальные (физические) носители информации с описанием их индивидуальных признаков, времени, места и обстоятельств изъятия (получения). Следующий документ, о котором идет речь в Инструкции – это постановление о предоставлении результатов оперативно-разыскной деятельности, которое представляет собой решение руководителя органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, о направлении оперативно-служебных документов, отражающих результаты этой деятельности. Получается, что результаты оперативно-разыскной деятельности, о которых идет речь в ч. 4 ст. 303 УК РФ, не ограничиваются рапортом или сообщением оперативного работника и физическое участие в их фальсификации могут принять другие лица.

Полагаем, что проблему квалификации следует решать с учетом юридической природы фальсификации доказательств и фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности как должностных преступлений. В ч. 4 ст. 303 УК РФ субъект прямо определен как лицо, уполномоченное на проведение оперативно-разыскных мероприятий. Подобно служебному подлогу посягательство, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ, выступает в качестве специального вида превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Так, при совершении преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, внесение виновным в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно исправлений, становится возможным благодаря его должностному или служебному положению. Никто не может быть уполномочен на совершение подобных действий. Субъект служебного подлога использует лишь свою близость к документам, которая обусловлена характером его должностных или профессиональных обязанностей.

Не существует полномочий, которые состояли бы в искажении содержания и подделке доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельно-

сти. Совершая такие действия, дознаватель, следователь и оперативный уполномоченный явно выходят за пределы предоставленных им прав. В исследуемом аспекте обращает на себя внимание подход законодателя к установлению ответственности за принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), которое также является частным видом превышения должностных полномочий. Данное посягательство совершается «...со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание».

Подобным образом субъектами преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 и 4 ст. 303 УК РФ следует признать не только лицо, производящее дознание, следователя, прокурора, защитника и оперативного работника, но и других лиц, если они действуют с ведома лица, производящего дознание, следователя, прокурора защитника или лица, уполномоченного на проведение оперативно-разыскных мероприятий, с целью последующего использования сфальсифицированных доказательств или результатов оперативно-разыскной деятельности. Изменения позволили бы снять вопрос о юридической оценке действий того, кто фактически принял участие в фальсификации, осуществляемой сотрудниками правоохранительных органов. Деяние должностных лиц в предлагаемом подходе к описанию преступления выразилось бы в осведомленности об искажении доказательств. Очевидно, что следователь не может выступать в роли статиста, который фиксирует информацию, связанную с расследуемым преступлением. Устанавливая истину по делу, он одновременно призван гарантировать допустимость собираемых доказательств.

Формулируя запрет на фальсификацию доказательств, нужно учитывать динамичное развитие уголовно-процессуального закона. Например, Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. о внесении изменений в УПК РФ существенно расширены процессуальные полномочия руководителя следственного органа. Теперь он вправе сам возбуждать уголовные дела и непосредственно осуществлять уголовное преследование. Статья 5 УПК РФ дополнена п. 40¹, где законодатель дает определение такому участнику процессуальной деятельности, как следователь-криминалист. Он уполномочен «...осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству».

В целях обеспечения надежной и стабильной охраны отношений, развивающихся по поводу собирания доказательств, следует признать субъектом участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Учитывая изложенное, предлагаем следующую редакцию ч.ч. 2 и 4 ст. 303 УК РФ:

«2. Фальсификация доказательств по уголовному делу, совершенная участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защитником,

а равно другим лицом с ведома участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защитника, –...

4. Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий, а равно другим лицом с ведома лица, уполномоченного на проведение оперативно-разыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации, –...».

Заметим, «другие лица» должны осознавать, что они фальсифицируют именно доказательства или результаты оперативно-разыскной деятельности, которые влияют на принятие процессуальных решений. Наличие данного обстоятельства должно устанавливаться. Например, признаки сконструированного нами состава отсутствовали бы в действиях лица, фактически сфальсифицировавшего доказательства, если он был обманут следователем, который заявил, что готовит макет уголовного дела в связи с обучением в вузе. В данном случае исполнителем преступления будет следователь, так как он использовал введенное в заблуждение лицо, которое фактически выполнило объективную сторону посягательства при отсутствии вины (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Список использованных источников

1. Соловьев, В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – 479 с.
2. Галахова, А.В. Преступления против правосудия / А.В. Галахова [и др.]. М. : Норма, 2005. – 416 с.
3. Баранов, А.М., Супрун, С.В. Процессуальная форма досудебного производства как условие обеспечения законности в деятельности органов предварительного расследования / А.М. Баранов, С.В. Супрун // Современное право, 2007. – № 2.

БОХАН АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ,

Заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Уголовное законодательство и оперативное внедрение

Аннотация: Рассматриваются проблемные вопросы уголовно-правовой характеристики оперативного внедрения. Делается вывод о необходимости дополнения уголовного законодательства новым обстоятельством, исключаящим преступность деяния.

Ключевые слова: оперативное внедрение, уголовное право, обстоятельства, исключаящие преступность деяния.

BOKHAN ANDREI PETROVICH,
Deputy head of the Department of criminal law and criminology Rostov law
Institute Ministry of internal Affairs of Russia, PhD in law,
associate Professor

**Criminal legislation
and the operational implementation**

Annotation: this article Deals with the problematic issues of criminal-legal characteristics of the operative implementation. The conclusion about necessity of criminal law a new circumstance excluding criminality of act.

Keywords: operational implementation; criminal law; the circumstances excluding criminality of act.

Одним из важнейших, и в то же время эффективных оперативно-разыскных мероприятий, является оперативное внедрение, как самих сотрудников оперативных аппаратов, так и действующих по их заданию граждан в криминальную среду, в том числе и в организованные группы и преступные сообщества, для решения задач выявления подготавливаемых и совершаемых преступлений, их предупреждения и пресечения.

По своему содержанию оперативное внедрение всегда основывается на легендируемом вводе сотрудников оперативных подразделений и лиц, оказывающим им содействие, в криминальную среду и различные объекты в целях разведывательного сбора информации, необходимой для решения задач по борьбе с преступностью. Таким образом, рассматриваемое оперативно-разыскное мероприятие совершается только негласными методами.

Внедренное в криминальную среду лицо должно имитировать преступную деятельность с другими соучастниками. В этом залог успеха внедряемых лиц. Однако на практике не всегда это получается. И во многих случаях для избежания своего разоблачения они вынуждены не имитировать, а участвовать в совершении преступления. Более того, для успешной своей разведывательной деятельности внедряемые лица должны как можно ближе «подбираться» к руководителям организованных групп, либо преступного сообщества или к «авторитетным» лицам в группе либо сообществе, а также к организаторам совершения преступления.

К сожалению, УК РФ не предусматривает специальной нормы, исключая ответственность внедренных лиц в совершении преступлений. И в этой связи заслуживает внимания положение ст. 43 УК Украины, согласно которой не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым интересам лицом, которое в соответствии с законом выполняло специальное задание, принимая участие в организованной группе или преступной организации в целях предупреждения или раскрытия им преступной деятельности.

Лицо подлежит ответственности лишь за совершение в составе организованной группы или преступной организации особо тяжкого преступления, совершенного умышленно и соединенного с насилием над потерпевшим или тяжкого преступления, совершенного умышленно и связанного с причинением тяжкого повреждения потерпевшему или наступлением иных тяжких либо особо тяжких последствий. Однако при совершении особо тяжкого преступления лицо не может быть осуждено к пожизненному лишению свободы, а наказание в виде лишения свободы не может быть назначено ему на срок, более половины максимального срока лишения свободы, предусмотренного законом за данное преступление.

Близкой к данной позиции является и ст. 38 УК Белоруссии, которая определяет, что лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению или раскрытию преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление. Однако данное правило не применяется к лицу, совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека.

Анализ указанных статей показывает, что даже при совершении преступлений небольшой и средней тяжести внедренные лица от уголовной ответственности освобождаются. Однако при вынужденном совершении внедренными лицами тяжких и особо тяжких преступлений они от ответственности не освобождаются. И, как подчеркнуто в ч. 2 ст. 43 УК Украины смертная казнь данным лицам не назначается, а за содеянное наказание им снижается наполовину санкции статьи, предусматривающей наказание за совершенное преступление.

При отсутствии законодательного закрепления вынужденного участия внедряемых лиц в совершении преступления в УК РФ, среди ученых сложилось мнение, что при совершении данными лицами преступлений уголовная ответственность этих лиц должна исключаться на основании нормы о крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) [1].

На наш взгляд, такой подход к оценке деятельности внедренных лиц в преступные группировки и в преступные сообщества вряд ли следует признать правомерными. И вот почему.

Внедряя лиц в криминальную среду, сотрудники оперативных аппаратов, как правило, лишены возможности оказывать влияние на данную среду. И внедренные лица сами обязаны принимать участие в обеспечении своей безопасности перед преступниками. Преступники же, особенно из числа руководителей и организаторов, как правило, весьма настороженно относятся к новичку и, нередко, устраивают его проверку, с целью выявления в нем сотрудника оперативного аппарата. Эти проверки связаны в подавляющем большинстве, с обязательным участием этих лиц в совершении преступления.

При этом, как показывает практика, проверяются эти лица путем именно совершения преступления.

Считается, что законодательство допускает совершение внедренными лицами преступления небольшой или средней тяжести. Однако данное положение законодателя носит скорее теоретический характер, а не практический, поскольку организованные группы и преступные сообщества совершают, как раз, тяжкие и особо тяжкие преступления. Не будет организованная группа и преступное сообщество «связываться» и совершением преступлений средней тяжести, не говоря уже и небольшой тяжести. Об этом свидетельствуют и материалы следственно-судебной практики. Так, в результате анализа преступлений, совершенных 73 организованными группами и преступными сообществами (бандами), 86% относились к категории особо тяжких, и лишь 14% – тяжких [2, с. 24].

Проверяя внедренное лицо, и стремясь «прицепить его к себе» организаторы и руководители преступных групп и преступных сообществ заставляют проверяемых совершать, как правило, особо тяжкие преступления, главным образом, убийство. И оказавшись в таких условиях, внедренное лицо обязано совершать убийство потерпевшего, ибо и без его участия он будет убит другими участниками либо отказываться от убийства и раскрывать свою истинную роль.

Приведем один из таких примеров. Б., внедренный для разработки преступного сообщества (банды), был вынужден по приказу организатора сообщества принять участие в нападении на икассаторский автомобиль. Поскольку водитель автомобиля К. оказался раненым для избавления от лишнего свидетеля П. решил пристрелить его, для чего вручил Б. пистолет и заставил стрелять в К. Оказавшись в условиях разоблачения, Б. вынужден произвести выстрел в К.

Приведенный пример свидетельствует, что, отказавшись стрелять в К., Б. оказался, во-первых, не только под угрозой разоблачения, но и в условиях расправы над ним, а во-вторых, – и без его усилий К. был бы застрелен организатором сообщества [3, с. 37].

С позиций же ст. 43 УК Украины Б. должен нести уголовную ответственность за убийство. Однако, выполнив задание П. и застрелив водителя автомобиля К., который был бы застрелен и без его усилий, Б. был бы раскрыт и сам застрелен. Оставшись же в живых, Б. еще больше вошел в доверие руководителей преступного сообщества и по его информации было задержано 6 активных бандитов.

Поэтому, на наш взгляд, когда совершение тяжких или особо тяжких преступлений неизбежно, без чего нельзя обойтись, то внедряемый может вынужденно совершить их, когда это грозит его жизни.

Данное обстоятельство должно найти закрепление и в отдельной статье УК РФ, т.е. если лицо вынужденно, хотя и совершает тяжкие и особо тяжкие преступления, то он должен быть освобожден от ответственности, поскольку последующая его информация будет носить ценный характер и позволит выявить ни одно преступление.

Осуществляя оперативное внедрение, оперативные сотрудники заведомо ставят жизнь внедряемых ими лиц под угрозу ее лишения. И в таких условиях вряд ли мы найдем охотников внедряться в криминальную среду, зная, что каждую минуту может произойти их разоблачение из-за отказа совершить преступление. Криминальная среда не только хорошо знает законы, но и ежедневные просмотры телесериалов позволяет им хорошо знать и об оперативно-разыскных мерах, принимаемых сотрудниками оперативных аппаратов в борьбе с преступностью, включая организованные группы и преступные сообщества.

При проведении оперативного внедрения, как сами сотрудники оперативных аппаратов, так и внедряемые ими лица, собирая информацию, имеющую важное значение для борьбы с преступностью, не могут заниматься провокацией преступления, т.е. направлять деятельность участников организованных групп и преступных сообществ на совершение заранее определяемых ими преступлений и сообщать об этом сотрудникам оперативных аппаратов, чтобы те могли принять меры по разоблачению виновных. Однако соучастниками преступлений, т.е. пособниками и подстрекателями преступлений, совершение которых организуют организаторы и руководители, внедряемые лица могут быть привлечены к ответственности, что прямо вытекает из содержания ст. 43 УК Украины и ст. 38 УК Белоруссии. При проведении же провокации преступления внедряемые лица сами непосредственно подталкивают других преступников к совершению преступления при отсутствии умысла у них на это. Они могут совершать только те преступления, которые подготавливаются ими, а не те преступления, к совершению которых их толкает провокатор.

Список использованных источников

1. Шкабин, Г.С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.С. Шкабин. – М., 2004.
2. Иванов, В.Д. Правовые последствия оперативного эксперимента / В.Д. Иванов // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью: сб. статей. – Ростов-на-Дону: АкадемЛит. – 2012.
3. Иванов, В.Д. Ответственность за провокацию преступления / В.Д. Иванов // Сб. матер. междунар. науч. практ. конференции. Т. 1. – Краснодар: КрУ МВД России. – 2011.

ГАЛАХОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,
Главный научный сотрудник Федерального казенного учреждения
«Научно-исследовательский институт ФСИН России»
(НИИ ФСИН России);
профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности
Федерального казенного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Вологодский институт права и экономики ФСИН России»
(ВИПЭ ФСИН России),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

**Роль уголовного законодательства
в решении превентивных задач оперативно-розыскной деятельности**

Аннотация. Анализируются вопросы применения норм уголовного законодательства в решении задачи предупреждения преступлений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и роль уголовно-правовых запретов в достижении ее цели.

Ключевые слова: правовая основа, оперативно-розыскная деятельность, уголовное право, предупреждение преступлений, объекты оперативно-профилактического воздействия, оперативно-розыскные мероприятия.

GALAKHOV SERGEJ SERGEEVICH,
Chief Researcher Federal Government agencies
Scientific-Research Institute of the Federal Penal Correction Service»
(The RESEARCH INSTITUTE Of The Federal Penal Correction Service);
Professor of criminal procedure, Criminology
and operatively-search activity
Federal State educational institution
higher vocational education
«Vologda Institute of law and economics
of the Federal Penal Correction Service»
(VIPÈ Of The Federal Penal Correction Service)
doctor of legal sciences, Professor,

**The role of criminal law
in the decision of preventive tasks of operatively-search activity**

Annotation. Analyses the application of the criminal law in addressing crime prevention in carrying out investigative activities and the role of criminal law prohibitions in achieving its objectives.

Keywords: legal framework, operatively-search activity, criminal law, crime prevention, operational objects of preventive impact, operational-search actions.

В современных условиях продолжающегося роста количества совершаемых преступлений перед всеми субъектами борьбы с преступностью в целом и оперативно-разыскной деятельности в частности вновь встал вопрос о необходимости повышения защищенности граждан России от криминальных угроз. В этих условиях становится как никогда ранее актуальной задача реализации идей, связанных с предупреждением преступлений. Важнейшими факторами, обуславливающими необходимость ее решения, стали: сдача правоохранительными органами позиций в деле упреждающего противодействия преступности в целом, полный развал превентивной деятельности в России, неоспоримые достижения и эффективность которой были в свое время признаны всем мировым сообществом и зарубежными правоохранительными органами.

Сегодня в практике оперативно-разыскной деятельности и в ее теории существуют разнополярные подходы к понятию предупреждения преступлений. От известного афоризма Г. Жеглова – «вор должен сидеть в тюрьме»; предложений по установлению административной и уголовной ответственности в отношении руководителей и других должностных лиц учреждений, предприятий, организаций, министерств и ведомств, независимо от форм собственности, не обеспечивающих защиту объектов от возможных террористических актов, до реализации региональных профилактических программ и активизации работы с органами прокуратуры по укреплению учета и регистрации преступлений.

Однако до сих пор ни один нормативный правовой акт не определил единых подходов к понятию и содержанию предупреждения преступлений, а главное – к ее организации. Продолжается использование в разной интерпретации такие термины, как «предупреждение», «профилактика», «предотвращение» преступлений, объединенные, тем не менее, единой смысловой нагрузкой. Но их буквальное толкование приводит к тому, что главным при этом остается пресечение преступлений на стадии покушения с последующим привлечением таких лиц к мерам уголовного наказания. В то время как предупреждение преступлений в первую очередь связано с недопущением совершения преступлений и, соответственно, с устранением причин и условий, способствующих их совершению. Следовательно, отсутствие базового подхода к понятию предупреждения преступлений позволяет практическим сотрудникам, особенно руководителям, выдавать работу по раскрытию преступлений за работу по предупреждению преступности. Привлечение же к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, выдается за реальные успехи в предупреждении совершения последующих преступлений. Однако такая позиция, кстати, стимулируемая системой отчетности, противоречит здравой логике и решению задач в сфере борьбы с преступностью.

В современных условиях роль правовых и нормативных основ регулирования правоотношений, возникающих в сфере организации оперативно-разыскной деятельности и проведения оперативно-разыскных мероприятий,

повышается в связи с тем, что без их существования и развития невозможно создать необходимых предпосылок совершенствования управления деятельностью органов внутренних дел в целом и оперативных подразделений, в частности [1]. Правовые основы оперативно-разыскной деятельности не только оказывают целенаправленное управленческое воздействие на общественные отношения, но и служат важным средством совершенствования функционирования непосредственно самого процесса управления правоохранительными органами в их деятельности по борьбе с преступностью [2, с. 23–24].

Учитывая изложенное, главными задачами деятельности правоохранительных органов являются предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений. Указанные задачи реальны и достижимы. А главное – они вытекают из содержания уголовного законодательства, Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», иных нормативных правовых предписаний, регулирующих деятельность по борьбе с преступностью в целом.

Поэтому не говорить о предупреждении преступлений, которая реализуется при осуществлении оперативно-разыскной деятельности в рамках одной из ее организационно-тактических форм – оперативно-разыскной профилактики, как объективной необходимости в борьбе с преступностью – значит закрывать глаза на один из неиспользованных резервов профессионального противодействия криминальным угрозам личности, обществу, государству. «Предупреждение преступности оперативно-разыскными мерами, – подчеркивал В.А. Лукашов, – весьма действенное и перспективное направление деятельности органов внутренних дел... Оно позволяет достичь поставленных целей в сжатые сроки, с меньшими материальными потерями, обеспечивает надежное предупреждение вредных последствий, сужает сферу применения мер уголовного наказания... Можно с уверенностью сказать, что в перспективе значение оперативно-разыскных мер предупреждения и пресечения преступлений... существенно возрастет» [3, с. 7].

Наряду с вышеизложенным следует отметить, что наличие мощного криминогенного потенциала в России напрямую связано не только с современными экономическими, социальными и другими кризисными явлениями, но, главным образом, с отсутствием как системы предупредительного воздействия на процессы, детерминирующие преступность, так и жесткого не только уголовно-правового, но и социального, включая оперативно-разыскной, контроля над криминальной и криминогенной ситуациями в преступной среде и ее окружении.

Преступность, как известно, сама порождает новые антиобщественные акты, т.е. происходит процесс ее самодетерминации. Этот процесс имеет, по меньшей мере, четыре формы проявления.

Первая форма – одно удачно совершенное и нераскрытое преступление часто порождает другое. Именно на этой основе существует групповая преступность, превращающая совершение преступлений в регулярный кри-

минальный бизнес. Именно первая форма самодетерминации преступности широко распространена в различных социальных группах.

Вторая форма – совершение преступлений небольшой и средней тяжести, что влечет за собой тяжкие и особо тяжкие преступления. Такими преступлениями являются, например, приобретение или изготовление огнестрельного оружия для совершения убийства, разбойного нападения и т.п. К этой форме примыкает «посткриминальная» деятельность, которая также нередко связана с совершением новых (иных) преступлений – сокрытие более тяжкого преступления менее тяжким. Таким образом, одно преступление порождает другое и это неизбежно сказывается на всей криминогенной и криминальной обстановке.

Третья форма связана с организованной преступностью и коррупцией. Однажды созданная организованная группа (преступное сообщество) порождает весьма широкий спектр различных преступных действий, в которых нередко принимают участие не только ее члены, но и правопослушные граждане. Причем, каждая такая группа содержит для «черновой работы» не только рецидивистов или ранее судимых лиц, но и государственных служащих, сотрудников уголовной юстиции и правоохранительных органов.

Четвертая форма проявляется через психологию преступника или лица, находящегося в предкриминальном состоянии. Если преступность высокая, а лица, совершающие преступления, не разысканы, возникает особое психологическое состояние у неустойчивых лиц, допускающих совершение ими криминальных действий и возможность избегания наказания. Это так называемый правовой нигилизм в поведении вышеуказанных лиц, при котором они не верят в нормы права и морали и легко склоняются к совершению преступления, ориентируясь на слабую эффективность правоохранительной системы. Таким образом, уже само наличие преступности не только не способствует ее снижению, но и в значительной мере провоцирует ее дальнейший рост [4, с. 25–26].

Самодетерминация преступности – опасное явление, сильно затрудняющее ее оперативно-разыскную профилактику. Для ее преодоления необходимы обеспечение принципа неотвратимости наказания для всех категорий преступников, профилактика рецидива, ликвидация преступных групп, члены которых, как правило, являются ярыми приверженцами преступной субкультуры, и воспитание граждан в духе уважения закона и правил общежития [5, с. 106–108].

Для разработки адекватных мер оперативно-разыскной профилактики преступлений необходимо учитывать основные их закономерности и тенденции. Основным в данном плане является то, что из года в год к уголовной ответственности привлекается значительное количество граждан, ранее не судимых, но совершавших преступления, а поэтому наименее запущенных в социальном отношении.

Поэтому еще раз хотелось бы подчеркнуть мысль, изложенную выше, о том, что нельзя связывать оперативно-разыскную профилактику только с раскрытием уже совершенных преступлений. В ходе раскрытия преступлений сотрудники оперативных подразделений могут выявить причины и условия, способствующие совершению конкретного преступления, обстоятельства, провоцирующие конкретного человека на его совершение, но мероприятия по их устранению, а также воздействие на конкретное лицо в целях обеспечения его отказа от совершения преступления выходят за рамки раскрытия преступления.

Правовое исполнение функции оперативно-разыскной профилактики преступлений – важнейший методологический аспект, обеспечивающий как теоретическое, так и практическое воплощение этой функции в жизнь. Однако вместе с тем право всегда вводит практику в жесткие рамки, создает определенные ограничения возможностей применения тех или иных организационных и тактических методов, способов и средств в том числе в предупреждении преступлений [6, с. 3, 6–9, 12–13]. Это в полной мере можно отнести к нормам уголовного законодательства, которые имеют непосредственное отношение к правовым основам оперативно-разыскной деятельности [7].

Функции уголовного права заключаются в направлении его воздействия на поведение людей путем нормативного закрепления и охраны предпосылок социально значимой деятельности субъектов. В социально значимой деятельности субъектов намечаются границы правового воздействия, пределы вмешательства права в жизнь людей. Хотя право – норма свободы, это не означает, что его функция – ограничение свободы путем максимальной регламентации поведения субъектов. Напротив, объективное значение юридической формы – закрепление условий свободной деятельности людей, ограниченной только необходимостью обеспечивать свободу остальных. Именно поэтому все исследователи правовых основ оперативно-разыскной деятельности отдают основополагающее место среди источников правового регулирования предупреждения преступлений при ее осуществлении уголовному законодательству [8].

Во-первых, само существование данной отрасли права играет важную роль в предупреждении преступлений, которая отражена в задачах УК РФ (ст. 2) и целях наказания (ст. 43). В ч. 2 ст. 43 УК определяется, что целью наказания является исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Таким образом, нормы уголовного права наряду с охранительной выполняют и предупредительную функцию. То есть, с одной стороны, они предостерегают от совершения необдуманных поступков, которые могут повлечь за собой уголовное наказание, а с другой – предупреждают рецидив преступлений. Это становится возможным с помощью формулирования уголовно-правовых запретов, а также так называемых управомочивающих, дозволительных норм [9, с. 9].

В интересах защиты потенциальной жертвы преступления в УК РФ значительно расширен перечень обстоятельств, исключаящих преступность дея-

ния (ст. 37–42). Кроме ранее известных (необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость), к ним отнесены физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения. Эти нормы, как справедливо отмечает И.М. Тяжкова, побуждают лицо активно противодействовать преступнику [10, с. 13].

Нормы, регулирующие систему наказания, порядок и условия их назначения, освобождение от наказания, смягчение наказания (см., например, ст. 43–96) создают юридические предпосылки предупредительной работы с лицами, вступившими в конфликт с законом (частная превенция). Речь идет об установлении определенного правового режима для осужденных, а также лиц, освобожденных от уголовной ответственности и наказания, в частности, об установлении для них определенных правовых ограничений, специальных правил поведения. Например, институт судимости (ст. 86) дает основание для осуществления мер профилактики в отношении лиц, уже подвергшихся уголовному наказанию и освободившихся из мест лишения свободы. УК РФ предусматривает возможность назначения принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним, совершившим преступления (ст. 90–92). Статьи 30 и 31 УК РФ регламентируют основания ответственности за приготовление и покушение на преступление, добровольный отказ от преступления.

В Особенной части УК РФ следует выделить, например, такие нормы превентивного характера: об ответственности за различного рода угрозы (например, ст. 119, 120, 127¹, 127², 131, 139, 161, 162, 296); вовлечение в совершение преступления, антиобщественных действий, (например, ст. 150, 151, 205, 240); действия, связанные с незаконным оборотом оружия (например, ст. 222, 223, 225) [11, с. 198].

Особенно следует обратить внимание на превентивный характер гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», которая введена в связи с изменениями экономических отношений в обществе. Впервые, например, установлена ответственность за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170), незаконное предпринимательство (ст. 171), незаконную банковскую деятельность (ст. 172), легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174), незаконное получение кредита (ст. 176), незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180), преступления связанные с банкротством (ст. 195–197), преступления связанные суклонением от уплаты налогов (ст. 198, 199).

В УК РФ есть нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, в том числе при добровольном отказе от преступления (ст. 31) и деятельном раскаянии (ст. 75). Это так называемые поощрительные нормы [12, с. 240–243]. Они имеются как в Общей, так и в Особенной частях УК РФ и также имеют предупредительное значение. Их перечень в УК РФ значительно расширен. В Особенной части это нормы об ответственности за преступления, предусмотренные, например,

ст. 122, 126, 127¹, 204, 205, 205¹, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275, 276, 278, 282¹, 282², 291, 307, 337, 338 и ряд других.

Во-вторых, нормы уголовного законодательства определяют понятие преступления и его признаки, то есть – против каких действий или бездействий должна быть направлена оперативно-разыскная деятельность в целях решения своих задач (ст. 14 УК РФ и ст. 1, 2 Федерального закона «Об ОРД»).

В-третьих, в ч. 3, 4, 5 ст. 15 УК РФ дается понятие преступления средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого преступления, знание чего позволяет принять решение о возможности или невозможности проведения тех оперативно-разыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища в случаях, не терпящих отлагательства, без предварительного получения судебного решения (ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об ОРД»).

С понятием преступления средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого связано также проведение оперативного эксперимента. Закон допускает его осуществление только в целях выявления, предупреждения и раскрытия таких преступлений и лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ч. 8 ст. 8 Федерального закона «Об ОРД»).

В-четвертых, конкретизируя виды преступного поведения в нормах Особенной части УК, законодатель тем самым позволяет оперативным подразделениям определить объекты оперативно-профилактического воздействия и оперативного обслуживания.

Так, ст. 325 УК РФ (похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков ответственности) нацеливает соответствующие оперативные подразделения на необходимость обслуживания мест изготовления указанных предметов – типографий, граверных мастерских и их сотрудников. Аналогичную нагрузку несут и нормы ст. 218 (нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий), ст. 221 (хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ), ст. 222 (незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов), ст. 223 (незаконное изготовление оружия), ст. 228 (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества), ст. 229 (хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества) УК РФ и ряд других.

Надо также учитывать положения такого уголовно-правового института, как крайняя необходимость (ст. 39), так как при выполнении оперативного задания может возникнуть ситуация, когда для предупреждения опасности, реально угрожающей законным интересам субъектов оперативно-разыскной деятельности и оперативно-разыскных мероприятий, общества или государства, причиняется вред третьим (посторонним) лицам при условии, что грозящая опасность при данных обстоятельствах не может быть устранена другими средствами, и причиненный ущерб будет менее значителен по сравнению с предупрежденным преступлением [13, с. 109–110].

Отдельные нормы уголовного законодательства можно применить и при организации работы по формированию негласного аппарата. Так, например, при проведении вербовочной беседы можно использовать обстоятельства, смягчающие наказание (ст. 61); возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление (ст. 64).

Кроме того, нормы уголовного законодательства предусматривают ответственность должностных лиц за нарушение оперативно-разыскного законодательства, которые как раз и могут быть выявлены при ведомственном контроле за оперативно-разыскной деятельностью.

Наиболее серьезные уголовно-правовые последствия наступают при нарушении требований ФЗ «Об ОРД» об обеспечении конституционных прав и свобод граждан (ст. 137 УК РФ – Нарушение неприкосновенности частной жизни; ст. 138 УК РФ – нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений; ст. 139 УК РФ – незаконное проникновение в жилище; ст. 140 УК РФ – отказ в предоставлении гражданину информации). За нарушение принципа конспирации и требований ст. 12 (Защита сведений об органах, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность) ФЗ «Об ОРД» должностные лица, допущенные к сведениям, составляющим государственную тайну, могут быть привлечены к уголовной ответственности за их разглашение (ст. 283) или утрату документов, содержащих государственную тайну (ст. 284) [14, с. 49–50].

Ну и наконец, отметим, что процесс фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности постоянно совершенствуется и приобрел массовый характер, что дезориентирует самих оперативных сотрудников. Подобное положение дел потребовало от законодателей изменить название ст. 303 УК РФ на «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности», дополнить ее частью четвертой, предусматривающей уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности [15].

В заключение можно отметить, что история становления и развития правового регулирования оперативно-разыскной деятельности, раскрывает сферу изучения того, чем, по сути дела, большинство исследователей этих проблем специально не интересовались. Конечно, они привлекали внимание ученых-специалистов, имеющих отношение к теории и практике оперативно-разыскной деятельности, но их интерес в данной сфере носил ограниченный

и не всегда объективный характер. Несмотря на это, в различные исторические периоды российской государственности предпринимались регулярные попытки правового регулирования оперативно-разыскной деятельности [16, с. 433–486]. Эти попытки были неразрывно связаны с историей становления и развития функций криминальной полиции в царской России, а в последующем оперативных подразделений – субъектов ОРД в Российской Федерации. К этому следует добавить, что главная сила права состоит в том, «что оно есть условие и гарант юридически защищенного активного поведения лиц ... и, следовательно, – условие и гарант активности людей, их самостоятельного действия, их инициативы, предприимчивости» [17, с. 97–98]. Это суждение С.С. Алексеева особенно важно применительно к негласной оперативно-разыскной деятельности, которая базируется на системе юридических норм, предусмотренных различными источниками права, которые и составляют ее правовую основу [18, с. 457]. И не менее важной из этих источников является уголовное законодательство Российской Федерации.

Что же касается принципа неотвратимости наказания, то привлечение лиц к уголовной ответственности за совершенное преступление, например, за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, то его следует рассматривать как норму с двойной превенцией. Благодаря ей можно предупреждать более тяжкие преступления, влекущие наступление необратимых последствий (акты терроризма, бандитизм, убийства, разбой и т.п.). Тем самым будет более эффективно претворяться в жизнь конституционная обязанность защиты прав и свобод человека и гражданина и цель оперативно-разыскной деятельности, решаться ее основополагающая задача – предупреждение преступлений в целом.

Список использованных источников

1. Галахов, С.С. Проблемы правового регулирования осуществления ОРД и направления его совершенствования в современных условиях / С.С. Галахов // Научный портал МВД России. № 4 (32). – М. : ВНИИ МВД России, 2015.
2. Бугель, Н. В. Организационно-правовой механизм управления органами внутренних дел (системно-правовой и методологический анализ): дис... д-ра юрид. наук / Н.В. Бугель. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001.
3. Лукашов, В.А. О некоторых морально-этических аспектах оперативно-розыскной деятельности / В.А. Лукашов // Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: Материалы международной научн.-практ. конф. – СПб. : СПб академия МВД России, 1998.
4. Галахов, С.С. Организация оперативно-розыскной профилактики: монография / С.С. Галахов – М. : ВНИИ МВД России, 2010.
5. Кудрявцев, В.Н., Эминов, В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ / В.Н. Кудрявцев, В.Э. Эминов. – М. : Норма, 2006.

6. Дидоренко, Э.А., Бараненко, Б.И. Методологические проблемы оперативно-розыскного предупреждения преступлений / Э.А. Дидоренко, Б.И. Бараненко // Вестник Луганской академии МВД Украины. – Луганск, 2004. – Ч. 1.
7. Галахов, С.С. Роль уголовно-правовых норм в регулировании оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и возможные направления их совершенствования / С.С. Галахов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – Уфа : УЮИ МВД России, 2013. – № 4 (62).
8. Галахов, С.С. Влияние творческого наследия профессора Ф.Н. Фаткуллина на становление и развитие правовых основ оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации / С.С. Галахов // Правореализация и юридический процесс: инновационные подходы к построению моделей: Сборник статей международной научно-практической конференции. 80-летию и памяти Ф.Н. Фаткуллина посвящается / научн. ред Н.Г. Муратова. – Казань : Казанский ун-т, 2011.
9. Наумов, А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации / А.В. Наумов – М. : Норма, 2005.
10. Российское уголовное право. Общая часть. – Т. 1 / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. – М. : Норма, 2006.
11. Заслуживает одобрения предложение о криминализации в качестве предупредительной меры обучение изготовлению, навыкам обращения и применения самодельных взрывных устройств, а также навыкам применения взрывных устройств серийного производства (Торопыгин, О.Ю. Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России / под общ. ред. А. К Долговой. – М., 2005.)
12. В литературе предпринята попытка классифицировать поощрительные нормы о деятельном раскаянии (Лустова, О.С. Системность в уголовном праве : материалы II Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М. : МГУ, 2007.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М. : ИНФРА-М-НОРМА, 1996.
14. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. В.В. Нилюка. – М. : Спарк, 2003.
15. Федеральный Закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
16. Илларионов, В.П. Синедрион и Кесарь против Иисуса Христа / В.П. Илларионов – М. : Academia, 2003.
17. Алексеев, С.С. Правовое государство – судьба социализма: Научно-публицистический очерк / С.С. Алексеев – М. : Юрид. лит., 1988.
18. Термин «основа» используется в русском языке для «обозначения определенного источника или главного начала, на чем строится социальная действительность» (см.: Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – 22-е. изд. М. : Рус. яз., 1990).

ДЕНИСОВ НИКОЛАЙ ЛЕОНИДОВИЧ,
Доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

**Пути оптимизации уголовного законодательства
для повышения эффективности квалификации преступлений
в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности**

Аннотация. В данной статье автор обозначает основные проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель при квалификации преступлений. Дается краткий анализ указанных проблем и предлагаются наиболее оптимальные пути их решения.

Ключевые слова: квалификация преступлений, конкуренция норм, разграничение уголовно-наказуемых и административно-наказуемых правонарушений, квалификация по разнородным статьям, система уголовного законодательства, оперативно-разыскная деятельность.

DENISOV NIKOLAY LEONIDOVICH,
Associate professor of Criminal Law
Moscow University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
named after V.Y. Kikot
candidate of juridical sciences, associate professor

**Ways of optimization of criminal legislation to improve the efficiency
of qualification of crimes in the course of operational-investigative activity**

Annotation. In this article, the author identifies the main problems faced by law enforcers in the classification of crimes. A brief analysis of these problems and offers the most optimal solutions.

Keywords: qualification of crimes, competition of norms, the distinction of criminal and administrative offences qualification in heterogeneous items, the system of criminal law.

Эффективность осуществления оперативно-разыскной деятельности уполномоченными должностными лицами зависит, в том числе, и от правильного применения норм уголовного законодательства. Однако практика указывает на наличие проблем в этой сфере. Они вытекают из содержания и соотношения норм, как уголовного, так и других отраслей права. Затрудняется как понимание самих норм, содержащихся в статьях Уголовного кодекса РФ, так и разграничение преступлений между собой и от других правонарушений.

В качестве негативных последствий такого положения вещей выступают как на глобальном уровне, предполагая повышение доли латентных преступлений и снижение качества и эффективности обеспечения криминологической безопасности [1, с. 35–37], так и на локальном уровне, когда происходит нарушение прав и интересов отдельных граждан. Кроме того, как указывает Кадников Н.Г. [2, с. 3] «от правильной квалификации зависят дальнейший ход расследования уголовного дела, его рассмотрение в суде и определение вида и размера наказания», т.е. предполагает в том числе и реализацию принципов неотвратимости и справедливости наказания уголовного закона.

Хотелось бы выделить несколько указанных проблем и пути их решения в рамках оптимизации уголовного законодательства.

Во-первых, в уголовном законодательстве имеется конкуренция общей специальной нормы. В Уголовном кодексе РФ закреплено существенное количество специальных норм. В качестве основания их выделения выступает особый предмет посягательства (например, общие нормы – ст. 158–162 УК РФ, а специальная – ст. 164 УК РФ), специфический статус потерпевшего (например, общая ст. 105 УК РФ, а специальная – ст. 277 УК РФ) и т.д. Наличие специальных норм порой существенно усложняет правильную квалификацию и может привести к ее ошибочности. Л.Д. Гаухман по поводу этого указывал, что неверное обращение к норме уголовной статьи или оперирование несовершенными нормами закона даже с помощью совершенных правил квалификации приводит к серьезным квалификационным ошибкам с соответствующими последствиями [3, с. 9–15].

Причем об этой проблеме говорят не только ученые, но и сам законодатель. Так в свое время было определено в Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 23 апреля 2002 года № 206-СФ «О парламентских слушаниях «Уголовный кодекс Российской Федерации – пять лет спустя: проблемы и перспективы совершенствования норм уголовного законодательства»», что избыточное количество специальных норм приводит к конфликтности и необоснованной конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений, не способствует эффективному применению уголовного закона и подчас ставит правоохранительные органы в трудное положение.

Практика решения такой проблемы при квалификации судами не однозначна. Так, вышестоящие суды в разъясняющих решениях, адресованных судам первой инстанции, часто предписывается исходить из формального сравнения санкций рассматриваемых преступлений. Если санкция специальной нормы превышает санкцию общей, то преступление надлежит квалифицировать с учетом требований части 3 ст. 17 УК РФ по правилам конкуренции уголовно-правовых норм – по специальной норме. Однако в случае, если данная

санкция является ниже санкции общей нормы, то преступления квалифицируются по совокупности. В качестве примера можно привести обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) судами уголовных дел по первой инстанции, утвержденных постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 26 января 2005 г., где указано, что основным способом решения проблемы разграничения идеальной совокупности и конкуренции норм является сопоставление строгости конкретных санкций. Квалификация сложного насильственного преступления производится по одной статье (или части) в тех случаях, когда санкция за такое преступление является более строгой по сравнению с санкциями за применение физического насилия в соответствующих статьях главы 16 УК РФ [4] что не соответствует положениям ч. 3 ст. 17 УК РФ.

Таким образом, можно отметить, что для повышения эффективности квалификации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности важно стремиться к уменьшению конкуренции общих и специальных норм, в том числе и за счет снижения количества специальных статей. Одним из направлений оптимизации уголовного законодательства можно предложить в качестве альтернативы специальным нормам – включение дополнительных квалифицирующих признаков в общие нормы.

Во-вторых, достаточно давно существует проблема разграничения уголовно-наказуемых и административно-наказуемых правонарушений. Так, например, разграничение уголовного и административного хищений. В части 1 статьи 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение» указывается, что таковым является хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает одну тысячу рублей, путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями второй, третьей и четвертой ст. 158, ст. 158.1, ч.ч. 2, 3 и 4 ст. 159–159.3, ч.ч. 2, 3 и 4 ст. 159.5–159.6 и ч.ч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ. Во второй части – 2500 рублей. На практике, в том числе и в деятельности судов, и в теории уголовного права признак стоимости имущества является основным для разграничения данных правонарушений [5, с. 105–109]. При этом в уголовном кодексе нет указания на минимальную стоимость, начиная с которой правонарушение будет рассматриваться как преступление.

Таким образом, предполагается, что наличествует коллизия, предполагающая наличие нормы, определяющую уголовную ответственность в административном законодательстве. Это нарушает принцип законности, закрепленный в ч. 1 ст. 3 УК РФ.

В качестве направления оптимизации уголовного законодательства видится закрепление разъяснений соотношений положений уголовного и административного законодательства в Общей части Уголовного кодекса и Общих

положениях Кодекса об административных правонарушениях, либо в примечаниях к соответствующим статьям данных нормативных актов.

В-третьих, существует проблема ошибочной квалификации по разнородным статьям, т.е. таких, которые отличаются друг от друга только объектом посягательства, а объективная сторона и другие элементы данных составов схожи. Например, в практике встречается ошибочная квалификация по ст. 330 УК РФ «Самоуправство», относящейся к преступлениям против порядка управления, вместо ст. 161 УК РФ «Грабеж», относящейся к преступлениям против собственности. Это стало возможно, потому что законодатель не четко раскрыл признаки состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, которые определили бы специфику посягательства именно на порядок управления.

В целом можно отметить, что изначально, при разработке и введении в действие, Уголовный кодекс РФ вызывал нарекания относительно систематизации норм в особенной части, т.е. наличие схожих составов, расположенных в разных главах и разделах. Дальнейшие его изменения и дополнения только усугубили проблему [6, с. 117–120]. В качестве направления оптимизации уголовного законодательства при решении данной проблемы следует изучить смежные нормы и либо их четче сформулировать, указав больше специфических признаков, либо объединить с другой нормой.

В-четвертых, отсутствие признаков или (и) не четкость формулировок самих норм. Так ст. 126 УК РФ «Похищение человека» в диспозиции не раскрывает каких-либо признаков деяния, охватываемого понятием похищением человека, что в силу принципа законности, предусмотренного ч. 1 ст. 3 УК РФ, а точнее не допустимости применения уголовного закона по аналогии не допустимо. Например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь в ст. 182 под похищением человека указывается: «Тайное, открытое, путем обмана или злоупотребления доверием, или соединенное с насилием или с угрозой его применения, или иными формами принуждения противоправное завладение лицом при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 291 (*Захват заложника* – примечание автора) настоящего Кодекса».

Помимо указанной статьи отсутствуют важные признаки в ст. 119 УК РФ «Угроза убийством», ст. 127 «Незаконное лишение свободы», ст. 135 «Развратные действия», ст. 306 «Захват заложника» и др.

Таким образом, для повышения эффективности квалификации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности следует чаще использовать описательные диспозиции и отказаться от простых.

В-пятых, разбросанность по примечаниям статей Особенной части УК РФ понятий, которые необходимо использовать при квалификации или их отсутствие. Так в ст. 117, 139, 158, 205.1, 234, 282.1, 285, 318 УК РФ содержатся

ся понятия, которые предполагается использовать при квалификации всех статей кодекса, а в ст. 158, 170.2, 201, 216, 272, 285 УК РФ указываются термины, общие для соответствующих глав. Неудобность расположения таких понятий может привести к затруднению их использования правоприменителями. Такие дефиниции следует указывать в начале нормативного акта. В этом плане нынешний Уголовный кодекс РФ не корректен, в отличие от большинства кодифицированных нормативных актов других отраслей права.

Для повышения эффективности квалификации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности следует дополнить Уголовный кодекс РФ ст. 14.1, в которой были бы объединены все понятия, используемые в кодексе. Кроме тех понятий, которые имеются следует также в эту статью включить ряд других.

В данной статье были перечислены не все из наиболее значимых проблем, с которыми сталкиваются должностные лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность. Однако решение указанных позволит существенно повысит качество квалификации и будет способствовать большей эффективности уголовного правосудия.

Список использованных источников

1. Баранов, А.А. Латентность преступлений и влияние на нее уголовной политики / А.А. Баранов, Н.Л. Денисов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4 (42). – С. 35–37.
2. Кадников, Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования (3-е изд., перераб. и доп.) / Н.Г. Кадников – М. : Юриспруденция, 2013. – 304 с.
3. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – 316 с.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 26 января 2005 г. «Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=5321>.
5. Зевайкина, А. Н. Проблемы соотношения отдельных составов правонарушений против собственности, предусмотренных уголовным Кодексом РФ и Кодексом РФ об административных правонарушениях / А.Н. Зевайкина // Основы экономики, управления и права. – 2013. – № 6 (12). – С. 105–109.
6. Дайшутов, М.М., Кадников, Н.Г. К вопросу о несоблюдении системности норм уголовного права при внесении в УК РФ изменений и дополнений / М.М. Дайшутов, Н.Г. Кадников // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 10. – С. 117–120.

ДМИТРЕНКО АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ,

Начальник кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

РУССКЕВИЧ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

Старший преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

**Социально-правовая обусловленность регламентации
правомерного причинения вреда
при проведении оперативного внедрения**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы уголовно-правового обеспечения статуса оперативных сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и лиц, оказывающих им содействие, при проведении оперативного внедрения. Формулируются предложения по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, практикующих юристов, а также для всех, кто интересуется проблемами соответствующей тематики

Ключевые слова: уголовный закон; обстоятельства, исключающие преступность деяния; оперативное внедрение

DMITRENKO, ANDREI,

Head of the department of criminal law of Moscow university of Ministry of internal affairs of Russia named for V. Y. Kikot, doctor of law sciences

RUSSKEVICH, EVGENII,

Lecturer of the department of criminal law of Moscow university of Ministry of internal affairs of Russia named for V. Y. Kikot, candidate of law sciences

**On social and legal regulation
of the conditionality of causing damage during
the operational implementation of a criminal defenses**

Abstract. The article deals with topical issues of criminal law to ensure the operational status of enforcement officers, engaged in the operational-search activities and the persons assisting them during the operational implementation. Formulates proposals for amendments to the Criminal Code of the Russian Federation. This article is intended for students, graduate students, teachers, law enforcement

officials, legal practitioners, as well as for all those interested in issues relevant topics

Keywords: criminal law; criminal defenses; rapid implementation

С момента принятия 12 августа 1995 года Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» прошел уже внушительный период времени. Менялись социально-политические и экономические условия развития российского общества, показатели преступности, а также стратегии борьбы с ней. Непрерывно, зачастую импульсивно, без необходимой научной проработки и оценки возможных последствий корректировался Уголовный кодекс Российской Федерации. Неудержимая законотворческая инициатива обошла, однако, вниманием ряд по-настоящему злободневных вопросов, от решения которых зависит не только эффективность правоохранительной деятельности, но и судьбы конкретных людей, добросовестно выполняющих свой служебный или общественный долг. Так, до настоящего времени актуальный характер имеет проблема надлежащей правовой защиты лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также лиц, оказывающих им содействие, выполняющих специальные задания в организованных преступных группах.

Еще в 2004 году на заседании комитета по безопасности Государственной Думы Российской Федерации заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Владимир Колесников заявил, что «при внедрении в организованные преступные группы сотрудники правоохранительных органов должны быть защищены. Причем на два порядка выше, чем любой другой простой милиционер, который работает легально. Несмотря ни на что, сейчас Уголовный кодекс России предусматривает наказание за само участие в преступной группировке, а ведь оперативник просто по долгу службы может участвовать вместе с бандой и в нападении. И мы должны оградить офицера от наказания буквально за свою работу» [1].

Долгое время обсуждение обозначенной проблемы ограничивалось лишь узким кругом специализированных изданий, в большинстве своем выпускаемых под грифом секретности, занимающихся разработкой практической деятельности правоохранительных органов России.

Отдельные авторы на основе анализа практического опыта правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью неоднократно поднимали проблему отсутствия надежных правовых гарантий у лиц, участвующих в проведении такого оперативно-розыскного мероприятия как оперативное внедрение [2; 3].

В доктрине уголовного права можно выделить две основные позиции, которые, исходя из соотношения положений ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и действующего института обстоятельств, исключающих преступность деяния, указывают на отсутствие необходимости дополнения главы 8 УК РФ новой нормой.

Суть первой заключается в том, что регламентация обстоятельств, правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам не ограничивается главой 8 УК РФ. Согласно известной позиции Ю. В. Баулина, административно-правовые нормы, закрепляющие основания и порядок причинения вреда различными категориями лиц, выполняющими возложенные на них обязанности, имеют самостоятельное значение и нет оснований считать, что они каким-то образом конкретизируют положения уголовного закона о правомерности причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны [4].

Подобный подход нашел свою реализацию в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: «...сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы» [5].

Вместе с тем, следует отметить, что очевидным уязвимым аспектом такого подхода является его противоречие ст. 3 УК РФ, в соответствии с которой преступность и наказуемость деяния определяется исключительно уголовным законом.

Суть второй позиции сводится к тому, что установления, определенные в ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» абсолютно адекватны положениям уголовного законодательства и согласуются с такими уголовно-правовыми институтами, как необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайняя необходимость [6, с. 161].

Однако анализ таких обстоятельств, исключая преступность деяния, как необходимая оборона и крайняя необходимость, позволяет констатировать тот факт, что они не в полной мере отвечают условиям совершаемых деяний при участии лица в таком оперативно-разыском мероприятии как оперативное внедрение. И доводов тому множество. Во-первых, зачастую отсутствует признак наличности посягательства, как в условиях выявления, когда могут быть установлены лишь частные признаки, указывающие на возможность преступного поведения лиц в будущем, так, и что гораздо более важно, в условиях раскрытия преступной деятельности, когда преступное посягательство, по-сути, уже окончено.

Отсутствие признака наличности посягательства, пожалуй, является краеугольным камнем, дело в том, что данные обстоятельства, исключая преступность деяния, не имеют своей целью устранение грозящей опасности.

Как справедливо отмечает В.В. Орехов, оперативно-разыскная деятельность связана с предотвращением будущей опасности для правоохраняемых интересов либо с выявлением, раскрытием или расследованием совершенных преступлений, тогда как при крайней необходимости и необходимой обороне соответствующее поведение лиц направлено на устранение непосредственно грозящей опасности [7, с. 170].

Во-вторых, вред, причиняемый, в частности, при необходимой обороне, должен быть направлен только на посягающее лицо. В условиях оперативно-разыскного мероприятия он может быть обращен и на третьих лиц.

В-третьих, причинение вреда лицом при проведении оперативного внедрения по выявлению, предупреждению или раскрытию преступной деятельности хотя и может совершаться в целях, указанных в условиях правомерности необходимой обороны или крайней необходимости, но имеются и обоснованные исключения. Например, в целях приобретения либо поддержания криминального авторитета и т.п.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о невозможности применения ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» при юридической оценке причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям лицом, действующим в рамках проводимого в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности оперативного внедрения.

В теории уголовного права существуют разные подходы к решению исследуемой проблемы. В.И. Михайлов считает необходимым в уголовном законе поместить норму, в соответствии с которой не является преступлением причинение вреда, совершенное лицом, правомерно выполняющим должностные (профессиональные) обязанности или общественный долг [8, с. 51–54].

Однако на наш взгляд, подобная норма охватывает неоправданно широкую сферу действий, связанных, по логике вещей, со всеми случаями выполнения должностных обязанностей и общественного долга. Лейбниц говорил, что математики считают цифрами, юристы – понятиями. Отсутствие в подобном случае четкой терминологической основы, безусловно, вызовет множество противоречий в сфере правоприменения, ввиду явной неконкретности понятия «профессиональные обязанности», его чрезмерной множественности, можно сказать «размытости». Неконкретность дефиниций, используемых при создании законов, приводит к неконкретности самого законодательства. Решение вопроса о правовом и не правовом, законном и не законном в таком случае остается на усмотрение третьих лиц, которые, исходя из личных убеждений и интересов, реализуют свою волю при принятии решения, а не волю народа, воплощенную в законодательстве. В сфере уголовного законодательства подобные эксперименты приводят к нарушению принципа законности – это формальная сторона вопроса. С точки зрения правоприменения – это тысячи сломанных судеб и сомнения народа в легитимности представляющей их власти.

Высказываются предложения о дополнении главы 8 УК РФ таким обстоятельством, исключаяющим преступность деяния, как исполнение закона или осуществление права, которое смогло бы восполнить очерченный нами пробел [9, с. 8; 10, 197], [11, с. 41], [12, с. 10].

Необходимо отметить, что указанное обстоятельство, исключаящее преступность деяния нельзя отнести к числу новаций теории уголовного права. Дореволюционное уголовное законодательство России предусматривало подобное обстоятельство. Однако уже в тот период высказывалась вполне обоснованная критика данного института уголовного права. В частности, Н.С. Таганцев в своем курсе русского уголовного права указывает на то, что безнаказанность деяний, совершенных по требованию закона, в существе своем до такой степени очевидна, что не возбуждает сомнений ни в теории, ни на практике. Вряд ли нужно доказывать, продолжает он, что смотритель тюрьмы не отвечает за лишение свободы арестанта, палач – за выполнение наказания, полицейский – за причинение увечья преступнику при пресечении преступного посягательства. Однако Н.С. Таганцев отмечает о крайней сложности данного обстоятельства и стоит на позиции детальной регламентации всех случаев законного причинения вреда в уставах карантинном, таможенном, лесном, военном и т.д. Анализируя действующее в тот период законодательство, Н.С. Таганцев приходит к выводу, что «все законодательные уложения по данному вопросу представляются крайне неудовлетворительными» и в конечном итоге позволяют говорить о наличии множества пробелов, обуславливающих произвол органов власти при решении вопроса о преступности деяния [13].

Следует признать, что апробированная ранее норма, устраняющая преступность деяния при причинении вреда правоохраняемым интересам в условиях исполнения закона или осуществления права, не получила должного развития и закрепления в российском уголовном законодательстве по ряду существенных обстоятельств, главным из которых выступает, пожалуй, признание осуществление права своего рода доктринальной конструкцией, родовым понятием целого ряда обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, таких как необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление.

В доктрине уголовного права высказывались также предложения о внесении изменений в главу 8 УК РФ, суть которых сводится к непризнанию преступлением причинения вреда правоохраняемым интересам лицом, внедренным в преступную группу или организацию органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, если это лицо действовало в состоянии мнимого соучастия [14, с. 141–144], [15, с. 32–34]. В данном предложении реализована попытка найти некий компромисс, «золотую середину», соединив, три самостоятельных позиции по решению рассматриваемой нами проблемы. Считаю подобную версию не лишенной своих существенных недостатков. Во-первых, противоправное поведение лица в условиях оперативного

внедрения следует рассматривать как крайнюю меру, не поддающуюся прогнозированию, а не как обязательное действие, выполняемое ввиду служебной обязанности неукоснительного выполнения так называемого специального задания. Во-вторых, решение обозначенной нами коллизии в таком направлении будет иметь ряд сопутствующих затруднений, выразившихся в форме уже неоднократно обсуждаемой в теории уголовного права неконкретности категорий служебного и общественного долга, а равно того, что национальное законодательство России вообще не регламентирует такого понятия как «специальное задание». И, наконец, в-третьих, введение в структуру предлагаемой нормы таких конструктивных признаков как выполнение специального задания только лишь в составе преступной группы или организации ставит под удар, прежде всего, сотрудников правоохранительных органов, поскольку подобные формы соучастия на практике с достаточно большим трудом подлежат доказыванию даже в стадии судебного разбирательства, не говоря уже об этапе оперативной разработки.

Следует согласиться с мнением В.В. Николюка, который указывает, что предоставление иммунитета от уголовного преследования внедряемым сотрудникам положит конец порочной практике «вывода» указанных лиц из расследования незаконными, договорными способами, граничащими с фальсификацией доказательств [6, с. 171].

Упреждая возможные упреки в обосновании условий для произвола правоохранительных органов, полагаем возможным отметить, что наличие правовой нормы является наиболее серьезным сдерживающим фактором от злоупотреблений и позволяет гласно в судебном порядке определить правомерность причинения вреда в конкретной ситуации. Как представляется, путем принятия федерального закона главу 8 УК РФ следует дополнить статьей 42¹ в следующей редакции:

«Статья 42¹. Причинение вреда при проведении оперативного внедрения.

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям лицом, действующим в рамках проводимого в соответствии с законодательством об оперативно-разыскной деятельности оперативного внедрения с целью выявления, предупреждения, пресечения или раскрытия преступной деятельности.

2. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, совершившему тяжкое либо особо тяжкое преступление, сопряженное с насильем, опасным для жизни или здоровья человека, а равно повлекшее наступление тяжких последствий.

3. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью второй настоящей статьи, не может быть осуждено к пожизненному лишению свободы, а наказание в виде лишения свободы не может быть назначено ему на срок свыше двух третей максимального срока лишения свободы, предусмотренного законом за это преступление.

4. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, выступающего в роли организатора либо подстрекателя совершения преступления, данное лицо подлежит уголовной ответственности на общих основаниях».

Список использованных источников

1. URL: https://www.gazeta.ru/2004/10/28/oa_137997.shtml (дата обращения: 22.05.2016)
2. Вагин, О.А. Институт штатных негласных сотрудников: проблемы и перспективы / О.А. Вагин // Оперативно-разыскная работа. – 2003. – № 3.
3. Железняк, Н.С. О целесообразности имитации преступных действий агентурным аппаратом / Н.С. Железняк // Оперативно-разыскная работа. – 2001. – № 3.
4. Баулин, Ю. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Ю.В. Баулин. – Харьков, 1991.
5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – Ноябрь. – № 11.
6. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / Под ред. проф. В. В. Никулова. М., 2002.
7. Орехов, В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключаящие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб., 2003.
8. Михайлов, В. И. Выполнение профессиональных функций, как обстоятельство, исключаящее преступность деяния / В.И. Михайлов // Уголовное право, 2002.
9. Мордовина, А. А. Осуществление законного права как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: лекция / А.А. Мордовина. – Ставрополь, 2003.
10. Пархоменко, С. В. Исполнение закона как обстоятельство, исключаящее преступность деяния / С.В. Пархоменко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Международной науч.-практ. конференции. – М., 2004.
11. Михайлов, В. И. Исполнение закона как обстоятельство, исключаящее преступность деяния / В.И. Михайлов // Уголовное право. – М., 2007.
12. Цыганков, А. Ю. Уголовно-правовая характеристика деяний, причиняющих вред при исполнении закона: дис. ...канд. юрид.наук / А.Ю. Цыганков. – М., 2011.
13. Таганцев, Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Учение о преступлении / Н.С. Таганцев – СПб., 1874.
14. Билык, В.И., Петрашева, Н.В., «Мнимое соучастие» как обстоятельство, исключаящее преступность деяния должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и лиц, оказывающих им содей-

стве / В.И. Билык, Н.В. Петрашев // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – №1.

15. Савинский, А.В. О мнимом соучастии как обстоятельстве, исключающем преступность деяния / А.В. Савинский // Законность. – 2005. – № 10.

ЕФАНОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ,

Доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук

**О необходимости трансформации некоторых положений
оперативно-разыскного законодательства
в Уголовный кодекс России с учетом зарубежного опыта**

Аннотация. Анализируются положения ч.4 ст.16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», предусматривающей возможность причинения вреда различным правоохраняемым интересам при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Проводится взаимосвязь этой нормы с УК России. Изложен опыт зарубежных стран по проведению специальных операций в сфере борьбы с коррупцией и предлагаются соответствующие изменения.

Ключевые слова: оперативное внедрение, оперативный эксперимент, оперативно-разыскные мероприятия, коррупция, взятка, коммерческий подкуп, правоохранительные органы, оперативные подразделения.

EFANOV SERGEY IVANOVICH,

Associate Professor of the Department of
operational-investigative the activities of the
Ryazan branch of the Moscow University
of the MIA of Russian named after V.J. Kikot

**To the question about the need to transform
certain provisions of the operatively-search legislation in the criminal
code of russia with regard to the examples of foreign experience**

Annotation. In article the author analyzes the provisions of part 4 of article 16 FZ «About operatively-search activity», envisaging the possibility of harm to various legally protected interests in the conduct OPM «operational implementation» and «operational experiment» and the criminal code of Russia in this regard. In addition, the experience of foreign countries on carrying out special operations in the fight against corruption and recommends appropriate changes.

Keywords: operational implementation, operational experiment, corruption, bribe, commercial bribery, law enforcement agencies, operational units.

В современной России борьба с преступлениями, особенно коррупционного характера, является одной из приоритетных задач правоохранительных органов всей страны. Эта деятельность может осуществляться различными мерами. Среди их разнообразия одно из первых принадлежит оперативно-разыскным. В свою очередь их эффективность в значительной мере зависит от уровня правовой обеспеченности самой оперативно-разыскной деятельности, что создает возможность полноценно вести борьбу с преступностью.

Безусловно, правоохранительными органами проводится активная и наступательная работа по выявлению лиц, совершающих коррупционные преступления. Так, только в 2016 году подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее ЭБиПК) выявлено свыше 21,7 тысячи коррупционных преступлений, в том числе 3,6 тысячи – в крупном или особо крупном размере. Задokumentирована противоправная деятельность 817 должностных лиц органов исполнительной власти, подозреваемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений коррупционной направленности, в том числе 259 – занимающих должности федерального уровня. При этом, каждый второй уличен в получении взятки. К уголовной ответственности привлечено более 10,3 тысячи человек [1, с. 18].

Вместе с тем, результаты опроса, проведенного ВЦИОМ в марте 2016 года, показали, что лишь 10% россиян заметили борьбу с коррупцией, а более трети (33%) считают, что все остается, как было. Причем, 13% респондентов видят лишь усиление коррупции [2, с. 6].

В этой связи, на прошедшем в январе этого года заседании Совета по противодействию коррупции при Президенте РФ было совершенно справедливо отмечено, что «в подавляющем большинстве приговоров по фактам дачи и получения взяток их размер составляет менее 10000 рублей» [3]. Хотя, согласно сведениям МВД России, в 2015 году средний размер выявленной взятки составляет 172,9 тысячи рублей, коммерческого подкупа – 185,6 тысячи рублей [4]. Налицо явный разбой в предоставляемых цифрах, которые получаются следующим образом. Поскольку есть показательные и очень эффективные примеры задержания высокопоставленных лиц за получение денежных средств в особо крупных размерах, то средний размер взятки либо незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе складывается путем арифметического деления общего количества изъятых денежных средств деленных на количество выявленных фактов совершения данных деяний. Отсюда и столь значительная сумма среднего размера взятки либо незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе. При этом, значительная часть задержанных лиц совершали факты так называемой «бытовой» коррупции. Показательные же примеры единичны и не имеют широкого распространения

в силу разных причин, в число которых входит и высокая латентность взяточничества, которая составляет не менее 94%.

Таким образом, совершенно очевидно, что отчетность в этом направлении раздувается и на самом деле создается лишь видимость активной борьбы с коррупцией. Общие же показатели статистики ориентированы лишь на проведение отчетов перед руководством. Отчасти именно поэтому Россия набрала лишь 29 баллов из 100 возможных и заняла только 119 место в международном индексе восприятия коррупции, оказавшись в одном ряду с такими странами как Азербайджан, Гайанна и Сьерра-Леоне [5]. Вместе с тем, в значительной мере причиной этому является отсутствие надежной правовой базы, позволяющей сотрудникам правоохранительных органов полноценно и эффективно применять в борьбе с преступлениями весь комплекс оперативно-разыскных мероприятий (далее ОРМ), а в частности наиболее сложные из них – оперативное внедрение и эксперимент.

Изучение практической деятельности правоохранительных органов и собственный опыт работы в подразделениях ЭБиПК позволяет нам объективно говорить о том, что действительно значимых результатов в сфере борьбы с преступлениями коррупционного характера можно добиться лишь путем проведения серьезной оперативной работы, подбора соответствующих негласных источников и документирования преступных действий соответствующих лиц «изнутри», то есть непосредственно одним из участников всей коррупционной схемы, направленной на зарабатывание денежных средств. Это может сделать лишь человек, который по различным мотивам сотрудничает с правоохранительными органами, либо непосредственно сам сотрудник этих органов в рамках ОРМ «оперативный эксперимент» либо «оперативное внедрение». Однако, уровень их правовой защищенности при этом крайне низок. Подтверждением сказанному являются и результаты опроса практических работников оперативных подразделений, 80% которых не проводили данных ОРМ по причине их недостаточной правовой регламентации и слабости законодательства.

В настоящее время действующее законодательство вопросы регулирования данных мероприятий полностью отдает на рассмотрение конкретных правоохранительных органов, устанавливая лишь общие основания и условия их проведения. Вместе с тем, в действующем УК РФ существуют нормы, наличие которых в значительной мере тормозит развитие практики оперативно-разыскной деятельности в этом направлении. Речь идет о статьях 304, 285, 286 и 290.1, 291 УК РФ и отсутствию указания на то, что не являются преступлением проводимые в соответствии с законом действия сотрудников правоохранительных органов. Это создает серьезные помехи в деятельности оперативных подразделений, является препятствием для инициативного осуществления данных видов ОРМ, вследствие чего они используются крайне редко.

Оперативным внедрением признается легендированное проникновение оперативного сотрудника органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, штатного негласного сотрудника либо лица, оказывающего со-

действие, в криминальную среду, преступную среду или группу с целью выявления, предупреждения и раскрытия преступлений.

Оперативным экспериментом является оперативно-разыскное мероприятие, связанное с созданием негласноконтролируемых условий и объектов для преступных посягательств в целях выявления и задержания лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления.

Таким образом, очевидно, что целью обоих ОРМ является выявление лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, документирование их преступных действий и привлечение к соответствующей ответственности. Эта же цель сформулирована в статье 2 ФЗ №144-ФЗ от 12.08.1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее ФЗ «Об ОРД») в качестве ее основной задачи. Вместе с тем, в ходе данных ОРМ может причиняться вред интересам каких-либо лиц, либо государства. Несмотря на то, что ч. 4 ст. 16 данного закона допускается вынужденное причинение вреда различным правоохраняемым интересам, эта норма практического применения почти не имеет. По-нашему мнению, основная причина кроется в том, что отсутствует дальнейшая реализация указанных правовых норм в таких существенных правовых актах, как Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы.

В настоящее время в рамках действующих норм речь может идти лишь о крайней необходимости, в рамках которой применима данная статья. Однако, она применима лишь к случаям, когда необходимо устранение непосредственно угрожающей опасности, если этого не может быть сделано иными средствами. В случае же выявления преступлений по схеме «от лица к преступнику», что наиболее часто применяется при документировании коррупционных преступлений, эти положения просто неприменимы. Таким образом, совершенно очевидно, что указанные выше нормы ФЗ «Об ОРД» носят чисто декларативный характер и их практическое использование для выявления и пресечения должностных преступлений не осуществляется. Об этом же говорят и работы отдельных авторов [6, с. 10].

В целом соглашаясь с мнением Шкабина Г.С. о необходимости дополнения Уголовного кодекса России статьей 39.1 «Причинение вреда при проведении оперативно-розыскного мероприятия» [6, с. 31], в тоже время считаем лишним ставить законодательные ограничения в перечне конкретных мероприятий и категорий преступлений, для выявления которых оно должно осуществляться. Находящемся в преступной среде, например, в качестве одного из участников организованной группы либо преступного сообщества, члены которой на постоянной основе совершают различные преступления, внедренному лицу крайне трудно, да фактически и невозможно, вести исключительно положительный образ жизни и не нарушать законы. Имитация совершения преступлений также не всегда приводит к желаемому результату, поскольку ее не сложно определить специалисту при наличии времени и определенных знаний, а в ряде случаев она может прямо привести к раскрытию самого внедренного лица. В таком случае члены групп не будут доверять ему как своему, он не войдет к ним в доверие и вся работа, в крайнем случае, ограничится задержанием отдельных ее участников за совершение отдельных незначитель-

ных для общей ситуации в группе преступлений. Остальные же члены группы либо сообщества затаятся, а затем снова будут продолжать свои преступные действия, но уже в более законспирированной форме не пуская к себе никого со стороны.

Так же выглядит и ситуация с проведением оперативного эксперимента. К сожалению, в настоящее время правоприменительная практика борьбы с коррупционными преступлениями идет по следующему пути. Проведение данного ОРМ будет законно лишь в том случае, когда лицо, обратившееся за получением конкретных услуг в государственные или муниципальные органы, иные организации, непосредственно подверглось вымогательству денежных средств либо злоупотреблениям со стороны соответствующих лиц. Осуществление же самостоятельного выявления преступлений, привлечение к участию лиц, которые на самом деле не имеют реальной необходимости обращения в соответствующие органы, в настоящее время не только незаконно, но и однозначно приведет к привлечению сотрудников ОВД и участвующих в ОРМ лиц к уголовной ответственности. Причина – наличие вышеуказанных норм в УК России, а также данные в этой связи Пленумом Верховного суда РФ № 24 от 09.07.2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» рекомендации, где в пункте 34 рассмотрены вопросы провокации взятки либо коммерческого подкупа. В данном документе четко указано, что в качестве нее следует рассматривать действия сотрудников, спровоцировавших соответствующее лицо на принятие предмета преступления при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без их вмешательства умысел на его получение не возник бы и преступление не было бы совершено. В этом случае даже принятие соответствующим лицом вознаграждения не образует состав соответствующего преступления и лицо избегает привлечения к уголовной ответственности.

Кроме того, по мнению сотрудников следственных органов и прокуратуры, сотрудники, которые инициировали провокацию (сотрудники оперативных подразделений) к соответствующему преступлению, подлежат привлечению к уголовной ответственности за их подстрекательство, поскольку без их вмешательства умысел у соответствующего лица просто не возник. То есть, на сегодняшний день сотруднику остается законная возможность лишь «вмешаться» в уже начавшуюся реализацию преступного умысла и быть своего рода «наблюдателем» и, возможно, в последующем «фиксатором» преступных действий лица, получающего незаконное вознаграждение. Причем, в случаях провокации практически всегда речь идет именно об отсутствии состава преступления в действиях виновного лица. Сам же факт того, что это лицо все-таки желало получить незаконное вознаграждение и предприняло все возможные действия для этого, практически ни у кого не вызывает сомнений и не опровергается. Однако, в данных ситуациях в лучшем случае принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении взятко- или подкупополучателя, а в худшем случае – о привлечении сотрудников оперативных подразделений к уголовной ответственности.

В этой связи, достаточно вспомнить историю с начальником ГУЭБиПК МВД России генерал-лейтенантом полиции Сугробовым Д.А., когда даже такие лица оказываются «заложниками» системы и правовой ситуации в рас-

смаатриваемом направлении. На сегодняшний день ему и его подчиненным вменяют совершение 21 преступления, в числе которых превышение должностных полномочий, провокация взятки и организация преступного сообщества в этой связи. А ведь они только делали свою работу, пытаясь выявить коррупционеров среди очень высокопоставленных должностных лиц. Однако, действовали они мерами, не соответствующими современному законодательству. Круг же имеющихся правовых возможностей в настоящее время, к сожалению, крайне ограничен, явно недостаточен и не соответствует потребностям борьбы с высококвалифицированной преступностью. Ведь, как известно, чем «выше» должностное лицо, тем больше «ставки» и меньше круг доверенных лиц. В данных случаях последними довольно часто используются проверенные посредники, либо вымогательство денег происходит у предпринимателей, которым «есть что терять». Поэтому найти среди них того, кто желал бы идти на контакт с правоохранительными органами, задача очень непростая. Отсюда и осуществляется использование «своих» предпринимателей, которые идут в качестве «засланных» лиц.

Да, безусловно, в действиях Д.А. Сугрובה и его подчиненных можно найти множество недостатков, тем более и с точки зрения действия нынешнего законодательства. Вместе с тем, в свое время на их счету было достаточно громких задержаний высокопоставленных должностных лиц и эти результаты всех устраивали. Тогда напрашивается вопрос: а куда же ранее смотрели различные надзорные ведомства и контролирующие структуры, когда многие вопросы реализации оперативной информации, задержания лиц и дальнейших направлений оперативной работы многократно обсуждались с ними? Почему ими ранее не было ни одного слова сказано о том, что не следует использовать одних и тех же лиц, даже в различных регионах?

В настоящее время ряд задержанных группой Д.А. Сугрובה коррупционеров пытаются воспользоваться возможностью уйти от уголовной ответственности и требуют пересмотра приговоров в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. По некоторым эпизодам выявленных преступлений уголовные дела уже и вовсе прекращены [7]. Причем, каждый из высокопоставленных лиц практически не оспаривает сам факт и наличие умысла на получение денег, а говорит именно о провокации преступления, а именно о том, что не было поводов и оснований обращения к нему. Так как же в таком случае быть с принципом неотвратимости наказания и необходимости снижения реального уровня коррупции, существующего на сегодняшний день в России? Какими мерами следует действовать, чтобы добиться серьезных и значимых результатов? Стоит объективно признать, что если бы не было этой работы, то коррумпированные лица, скорее всего, до сих занимали бы свои или еще более высокие должности, руководили бы ведомствами и министерствами, использовали интересы службы в личных целях и коррупция в их структурах развивалась бы.

Можно сколько угодно рассуждать о провокации преступлений и отсутствию оснований для проведения ОРМ в отношении конкретных лиц. Однако, стоит знать одно: до тех пор, пока органы правопорядка и парламентарии страны будут действовать «полумерами», никакого существенного результата от этого не будет и мы увидим лишь манипуляции со статистикой в ту или

иную сторону, в зависимости от того, работу по какому направлению стоит показать. Этим и обусловлены наши предложения по трансформированию некоторых положений оперативно-разыскного законодательства в Уголовный кодекс России.

В поддержку своей позиции считаем необходимым привести примеры положительного опыта борьбы с коррупционными преступлениями за рубежом.

Так, в конце 1960-х годов в США после того, как организованная преступность стала реальным конкурентом за политическую власть в стране, был принят комплект законов «RICO», расширяющий права правоохранительных органов при проведении внедрений в преступные сообщества и создания для этих целей легендированных объектов. В это же время ФБР начинает проведение негласных операций под условным наименованием «Шейх», которые первоначально планировались как целевые операции в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси. Агенты под видом представителей выдуманного арабского шейха Камбира Абдул Рахмана и его компании «AbdulEnterprises» обращались к некоторым членам палаты представителей и сената США с просьбой внести на рассмотрение конгресса законопроекты, облегчающие получение им гражданства США, а также разрешающие шейху Камбиру владеть казино в Атлантик-Сити. При этом, все разговоры и встречи, а также факты передачи им денег фиксировались на видео. В результате было изобличено 200 крупных чиновников, обвинительные вердикты вынесены в отношении одного сенатора, шести конгрессменов и нескольких десятков выборных чиновников рангом ниже. После этого чиновники различного уровня боялись даже самого предложения взятки [8].

В результате проведения ФБР в 80-х годах негласной операции «Grey-lord» (Серый кардинал) в отношении коррумпированных представителей судебных органов, предъявлены обвинения: 17 судьям, 48 адвокатам, 8 полицейским, 10 заместителям шерифа, 8 членам законодательной комиссии Графства Кук, а также 1 сенатору.

Достаточно уникальной является и специальная операция «LostTrust» (Потерянное доверие), проведенная в 1990 году сотрудниками ФБР в отношении членов избирательной комиссии Генеральной Ассамблеи в процессе избрания законодательной власти штата Южная Каролина. В ходе ее проведения была создана фиктивная компания под названием «Альфа Групп» в качестве лоббиста по принятию конкретных законодательных актов и осуществлялись мероприятия, направленные на выявление лиц, склонных к получению незаконного вознаграждения. Всего было проверено 170 человек, в результате чего 15 членов ассамблеи легко «продали» свои голоса за поддержку законопроекта за суммы в размере от 300 до 2500 долларов. Кроме того, предъявлены обвинения Председателю палаты труда, торговли и промышленности штата, 45 представителям Республиканской партии, а также сенатору штата [9].

В 2010 году в результате проведенной ФБР и полицией Лондона, одобренной Правительством США операции в отношении компаний, использующих подкуп чиновников для продвижения своих коммерческих интересов, арестовано 22 руководителя и сотрудника американских, британских и израильских оборонных компаний, подозреваемых в даче взяток и организации

«откатов» правительственным чиновникам стран третьего мира в обмен на получение контрактов на поставку оружия. В данном случае агент под прикрытием выступил представителем министра обороны одной из стран Африки, от лица которого и вел переговоры с представителями американских, британских и израильских оборонных компаний. При этом была достигнута договоренность о выплате 20% комиссии за заключение контракта, который составил 15 млн. долларов США. При получении аванса фигуранты были задержаны.

В Италии в 1992–1993 годах после внесения соответствующих поправок вуголовный и уголовно-процессуальный кодексы, в значительной мере расширившие права правоохранительных органов по внедрению в криминальную среду, была проведена общенациональная операция «Чистые руки», по результатам которой только за июнь было арестовано более 700 человек. Всего же в ходе ее проведения было выявлено более 22000 чиновников и взяточдателей [11]. В Сербии в результате проведенной в декабре 2015 года министерством внутренних дел республики специальной операции по борьбе с коррупцией «Резак» только за два дня рейдов были арестованы 79 высокопоставленных госслужащих. Еще 39 госслужащих были задержаны в ближайшие несколько дней, пять человек объявлены в розыск. Все они имели отношение более чем к 20 фактам коррупции в различных ее проявлениях [10].

Таким образом, совершенно очевидно, что подобные меры имеют право на существование и успешно осуществляются правоохранительными органами зарубежных стран. Именно поэтому мы и считаем необходимым трансформировать некоторые положения оперативно-разыскного законодательства в Уголовный кодекс России. По нашему мнению, острая необходимость в этом давно назрела. Если вспомнить историю, то мы увидим, что до начала 90-х годов в нашей стране была ответственность за самогоноварение и люди отбывали реальное наказание в колониях. Сейчас же крепкие спиртные напитки домашней выработки можно производить на законной основе. Главное, чтобы это делалось для собственных нужд, а не для последующей реализации. Это стало возможным потому, что обстановка в стране изменилась и законодатель четко увидел, что в данных деяниях нет признаков общественной опасности и бороться с пьянством надо иными мерами. По нашему мнению, точно также следует поступить и здесь, поскольку коррупция давно приобрела масштабы национальной угрозы безопасности страны. Вместе с тем, в силу своей «слабости» в рассматриваемом направлении, российское законодательство на сегодняшний день не позволяет организовать проведение подобных мероприятий в отношении даже «явных» коррупционеров.

В этой связи нами предлагается дополнить УК России статьей 39.1 с названием «Причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия» и текстом следующего содержания: «Не является преступлением причинение вреда различным правоохраняемым интересам сотрудниками правоохранительных органов, проводящих в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и ведомственными инструкциями оперативно-разыскные мероприятия, направленные на выявление и раскрытие преступлений, а также установление и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершающих». В статьях же ведомственных инст-

рукций следует обязательно детально обговорить вопросы проведения инициативных ОРМ данных видов не в отношении всех подряд лиц, а только среди тех, в отношении которых имеются проверенные сведения, позволяющие обоснованно подозревать их в совершении конкретных преступлений. Статьи же 303 и 304 УК РФ предлагаем оставить в действующем виде и при необходимости привлекать соответствующих лиц за совершение указанных деяний.

В случаях принятия указанных положений и возведение их в ранг закона сотрудники правоохранительных органов будут иметь надежную правовую защиту при проведении инициативных ОРМ, направленных на выявление лиц, совершающих преступления. Уверены, что результаты указанной деятельности не заставят себя ждать, а высокий уровень занимаемых должностей среди лиц, задержанных за совершение различных преступлений, позволит объективно говорить о серьезности работы всех государственных органов страны в этом направлении, комплексном подходе к этому и реальном снижении уровня коррупции в России.

Список использованных источников

1. Курносенко, А. Необходим комплексный подход / А. Курносенко // Ежемесячный Правовой литературно-публицистический Журнал МВД РФ «Полиция России». – № 2. – 2016.
2. Замахина, Т. Сигнал прошел / Т. Замахина // Российская газета. – 2016. – 26 марта.
3. Заседание Совета по противодействию коррупции 26.01.2016 г. – URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51207> (дата обращения: 08.04.2016).
4. Официальное сообщение МВД России от 09.12.2015 г. – URL : https://mvd.ru/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoy_bezop/Publikacii_ivistuplenija/item/7126887 (дата обращения: 08.04.2016).
5. Данные Международного движения по противодействию коррупции TransparencyInternational – URL : www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2015-rossiia-podnialas-na-119-mesto (дата обращения: 08.04.2016).
6. Шкабин, Г.С. Применение уголовного закона при проведении оперативного внедрения: Методические рекомендации / Г.С. Шкабин. – Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, 2014.
7. Егоров, И. Взятки под грифом секретно / И. Егоров // Российская газета. – 2016. – 15 февр.
8. Доронин, А. Собственники против менеджеров. Кто кого? / А. Доронин // Интернет-газета. БДИ. – 2001. – № 4. URL : <http://www.oxpaha.ru>
9. URL : www.xpunged.com.
10. Федякина, А. Белград запустил «Резак» / А. Федякина // Российская газета. – 2015. – 28 дек.
11. Дорофеев, И.Н. Специальные операции как метод борьбы с коррупцией / И.Н. Дорофеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – Иркутск, 2010. – № 3.

КАДНИКОВ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ,

Профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор

КАДНИКОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ,

Доцент кафедры «Юриспруденция,
интеллектуальная собственность и
судебная экспертиза» МГТУ им. Н. Э. Баумана
кандидат юридических наук

**К вопросу об ответственности
за нарушение неприкосновенности частной жизни граждан
при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий,
связанных с негласным получением информации**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы правового регулирования проведения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих права граждан на неприкосновенность личной жизни, в соотношении с нормами уголовного права. Также обращается внимание на вопросы уголовной ответственности за нарушение данного права.

Ключевые слова: уголовная ответственность, состав преступления, оперативно-разыскные мероприятия, неприкосновенность частной жизни.

KADNIKOV NICHOLAS G.,

Professor of the Department of Criminal Law
Russian Ministry of Internal Affairs of Moscow University
named after V.Y. Kikot
Doctor of Law, Professor

KADNIKOV BORIS NIKOLAYEVICH,

Associate Professor of «Jurisprudence,
intellectual property and forensics» MSTU Bauman
Associate Professor

**On the question of liability
for breach of the inviolability of private life of citizens
in the implementation of operational and search activities
related to the secret information**

Annotation. The article deals with some problems of legal regulation of the operational-search measures limiting citizens' right to privacy, in relation to crimi-

nal law. Also draws attention to the question of criminal liability for violation of this law.

Keywords: criminal liability, constitutes a crime, the operational-search activities, privacy.

Одним из наиболее важных конституционных прав гражданина является право на тайну телефонных, телеграфных и иных почтовых сообщений. Это конституционное право гражданина является составной частью права граждан на неприкосновенность частной жизни. Поэтому проведение оперативно-разыскных мероприятий, затрагивающих данное конституционное право, жестко регламентировано соответствующими нормативными актами.

Во-первых, нормы Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон) четко устанавливают, что органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, при проведении оперативно-разыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции (ст. 5 Закона). При этом запрещено разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известными в процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.

Среди оперативно-разыскных мероприятий следует выделить такие как контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи (ст. 6 Закона). Эти мероприятия связаны с негласным получением информации, представляющей важное значение для граждан.

Во-вторых, оперативно-разыскные мероприятия, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров с подключением к станционной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, физических и юридических лиц, предоставляющих услуги и средства связи, со снятием информации с технических каналов связи, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел и органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами. Совершение таких мероприятий иными должностными лицами является незаконным деянием.

В-третьих, запрещается проведение оперативно-разыскных мероприятий и использование специальных и иных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, не уполномоченными на то настоящим Фе-

деральным законом физическими и юридическими лицами. Ввоз в Российскую Федерацию и вывоз за ее пределы специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, не уполномоченными на осуществление оперативно-разыскной деятельности физическими и юридическими лицами подлежат лицензированию в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации. Перечень видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности, устанавливается Правительством Российской Федерации. Таким образом, незаконными следует признать действия лиц, осуществляющих указанные мероприятия, хотя и в рамках процедуры, но с использованием нелицензированных технических средств либо не уполномоченными на это лицами. В определенных случаях действия сотрудников, осуществляющих ОРД данного вида, могут повлечь ответственность по ст.138¹ УК РФ.

Статья 8 Закона регламентирует условия проведения оперативно-разыскных мероприятий, в том числе тех, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи. Перечень этих условий является исчерпывающим и не подлежащим расширительному толкованию. Такие мероприятия возможно осуществить только на основании судебного решения и при наличии указанной в законе информации. Исключения из этих правил минимальные. Так, если случай не терпит отлагательства и может привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, допускается проведение ограничение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-разыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-разыскного мероприятия либо прекратить его проведение.

Еще более жестко регламентировано негласное прослушивание телефонных и иных переговоров. Оно допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях. Фонограммы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров, хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность их прослушивания и тиражирования посторонними лицами.

Еще одно исключение связано с наличием реальной угрозы для жизни, здоровья, собственности отдельных лиц. По их заявлению или с их согласия в письменной форме разрешается прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов, на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, с обязательным уведомлением соответствующего суда (судьи) в течение 48 часов.

Судебное решение не может выдаваться на длительные периоды. Согласно ч. 6 ст. 9 Закона, срок действия вынесенного судьей постановления исчисляется в сутках со дня его вынесения и не может превышать шести месяцев, если иное не указано в самом постановлении. При этом течение срока не прерывается. Для продления срока действия требуется новое обращение с дополнительными материалами.

Для сотрудников полиции, иных правоохранительных органов, осуществляющих вышеуказанные оперативно-разыскные мероприятия незаконно, с использованием своего служебного положения, предусмотрена уголовная ответственность по ч. 2 ст. 138 УК РФ (Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, совершенное лицом с использованием своего служебного положения).

Для правильного понимания особенностей уголовной ответственности за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ) необходимо знать содержание следующих нормативных актов: Федеральный закон от 7 июля 2003 года «О связи»; Федеральный закон «О почтовой связи» от 17 июля 1999 г.; Федеральный закон от 20 февраля 1995 года «Об информации, информатизации и защите информации». Указанные федеральные законы гарантируют тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, входящих в сферу деятельности операторов связи. Как справедливо указывают отдельные ученые, общественная опасность данного преступления определяется тем, что посторонним лицам становится известно содержание писем, телефонных переговоров, телеграфных сообщений без согласия на то лица, которое отправляло или получало такие сообщения, а равно лиц, интересы которых непосредственно затрагивали эти сообщения. Большая часть подобных случаев носит латентный характер. Потерпевшие не заявляют о нарушении данного права, не желая связываться ни с криминальными, ни с властными структурами, представители которых большей частью и осуществляют подобные действия.

Следует согласиться с позицией тех авторов, которые отмечают, что речь в этой статье идет о тайне, принадлежащей гражданину, но не организации. Только физическое лицо может быть признано потерпевшим по уголовному делу. Юридическое лицо может иметь статус гражданского истца, но не потерпевшего.

Состав по конструкции является формальным, т.е. моментом окончания признается выполнение указанных в законе действий любым способом. Авторы поддерживают решение законодателя о такой конструкции состава пре-

ступления и об отсутствии большого количества оценочных понятий. Вряд ли можно согласиться и с высказанным в юридической литературе мнением, согласно которому объективная сторона данного состава преступления выражается не только в незаконном ознакомлении с телефонными переговорами, переписками, почтовыми, телеграфными или иными сообщениями, но и в оглашении их содержания хотя бы одному постороннему лицу без разрешения потерпевшего [1, с. 148], [2, с. 292].

Незаконными следует признавать такие действия, которые совершаются без согласия лица, тайна переписки, переговоров, сообщений которого нарушается. Вторым признаком действий является их совершение с нарушением установленного законом порядка, допускающего исключение из установленного правила.

Предметом этого преступления следует считать также данные, передающиеся с использованием компьютерных технологий или по каналам связи Интернета. Вместе с тем многие авторы заявляют, что в Российской Федерации отсутствует юридическая база аналогичного механизма, несмотря на обеспокоенность населения сбором и обработкой компьютерной информации частного характера [3; 4]. По нашему мнению, нормативная база УК РФ и в этой части достаточна и отвечает современным требованиям. Незаконное изучение материалов чужой электронной почты, СМС отправок с мобильных телефонов и т.п. в полной мере охватывается признаками преступления, ответственность за которое предусмотрена ст.138 УК. Об этом указано и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Некоторые специалисты ставят еще один вопрос: будет ли состав преступления налицо, если незаконно изымаются сведения об учете и количестве звонков, сообщений, о телефонных номерах и их обладателях без учета и изучения самого характера переговоров и сообщений?

Рассматривая аналогичную ситуацию, Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что передача записей учета звонков без согласия лица, звонки которого подвергались учету, представляет собой неоправданное вмешательство в осуществление права на неприкосновенность частной жизни [5, с. 91]. В этом случае налицо нарушение тайны телефонных переговоров (ст. 138 УК РФ).

Верховный суд РФ в постановлении от 31 октября 1995 года «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» однозначно указал, что результаты оперативно-разыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут быть использованы в качестве доказательства по делам, лишь тогда, когда они получены по разрешению суда в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

При рассмотрении состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 138 УК РФ, необходимо отметить, что речь идет о преступлении средней тяжести, за совершение которого предусмотрена альтернативная санкция (деяние наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет). На наш взгляд, нарушение важного конституционного права должно признаваться тяжким преступлением.

Как показывает практика, очень редко встретишь приговор в отношении представителей спецслужб, которые нередко нарушают данное конституционное право. Но есть примеры ответственности за подобные злоупотребления в других странах. Так, в июне 1997 года Верховный суд Токио вынес решение по иску одного из лидеров местной партии. Полиция, имевшая неосторожность прослушивать его телефон без санкции, была оштрафована судом на четыре миллиона иен (около 37 тысяч долларов). В мае 1999 года состоялся суд над генералом Эмилио Алонсо Мангано, много лет возглавлявшим испанскую военную разведку. Генерал был осужден за то, что со своими подчиненными прослушивал телефоны сотен людей, в том числе членов королевской фамилии. Подсудимые (всего семь человек) получили до полугода тюремного срока каждый и запрет занимать ответственные посты в течение 8 лет [6].

Незаконные действия, связанные с нарушением права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в большей степени совершаются для сбора определенных данных. В том случае, если эти данные являются информацией личного или семейного характера, то содеянное виновным требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 137 и ст. 138 УК РФ.

Возникает вопрос о необходимости квалификации подобных действий, совершенных должностным лицом, незаконно осуществляющим оперативно-разыскные мероприятия, по ст. 285 УК РФ. Полагаем, что такая квалификация не исключается, но для более точных рекомендаций необходимо судебное толкование.

Список использованных источников

1. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. – М., 1997.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. – М., 1997.

3. Иванский, В.П. Неприкосновенность частной жизни граждан в условиях развития информационных технологий в западных странах / В.П. Ивановский. – М., 1997.
4. Иванский, В.П. Правовая защита информации о частной жизни граждан. Опыт современного правового регулирования / В.П. Ивановский. – М., 1999.
5. Лопатин, В.Н. Защита права на неприкосновенность частной жизни / В.Н. Лопатин // Журнал российского права. – 1999. – № 1.
6. URL: <http://www.privacy.org> (дата обращения 11.05.2016).

КАРНОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

Руководитель отдела по расследованию особо важных дел
Следственного управления
Следственного комитета России по Рязанской области,
кандидат юридических наук

**Проблемы установления признаков получения взятки
на стадии возбуждения уголовного дела**

Аннотация. В статье говорится о проблемах уголовно-процессуальной оценки признаков получения взятки, которые выявлены в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, оперативно-разыскное мероприятие, получение взятки.

KARNOV ANDREI,

Head of the department of major investigations
of Division of Criminal Investigation
of the Investigative Committee of the Russian Federation,
candidate of law sciences

**The problem of determination of signs of bribery at the stage
of initiation of criminal proceedings**

Annotation. In article it is spoken about problems of criminal procedural assessment of signs of bribery identified in the result of carrying out quickly-investigation actions.

Keywords: criminal prosecution; an investigative event; receiving a bribe.

Актуальность противодействия коррупции в современных условиях крайне высока. Получение взятки превратилось, по сути дела, в национальное бедствие, угрожающее безопасности общества и государства, стало одной из наиболее обсуждаемых ныне проблем.

Согласно ч. 2 ст. 21 УПК РФ, в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Раскрывая понятие «обнаружение признаков преступления», нужно исходить из того, с чего начинается уголовное судопроизводство. В соответствии со ст. 5, 140 УПК РФ оно возникает с момента получения следователем, а также руководителем следственного органа, дознавателем, органом дознания заявления о преступлении, явки с повинной, сообщения о совершенном и готовящемся преступлении из иных источников.

Сообщение о преступлении рассматривается следователем, а также руководителем следственного органа, органом дознания, дознавателем (ст. 144 УПК РФ). Суть данного рассмотрения – отыскание в вышеуказанных источниках информации данных о наличии в объективной реальности предусмотренного уголовным законом деяния (действия или бездействия), а также в получении недостающих данных посредством проверки сообщения (ч. 1, ч. 2 ст. 144 УПК РФ) [1, с. 10]. Из ч. 2 ст. 21 УПК РФ вытекает, что обнаружение признаков преступления является результатом уголовно-процессуальной деятельности следователя, а также руководителя следственного органа, органа дознания, дознавателя. Кроме того, обнаружение преступления является обязанностью следователя. Такой вывод вытекает из требований закона о рассмотрении им сообщений о преступлениях. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь обязан принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах своей компетенции вынести по нему решение, а также сообщить о принятом решении заявителю.

Сам по себе факт получения взятки не влечет за собой возникновение уголовного судопроизводства. Для этого необходимо, чтобы об этом преступлении стало известно соответствующим должностным лицам или органу, указанным в ст. 144 УПК РФ. Это достигается путем уведомления их гражданами и получения сообщения о преступлении из других источников. Именно они порождают вполне определенные уголовно-процессуальные правоотношения и побуждают к совершению ряда процессуальных действий и принятию необходимого решения.

Это обстоятельство можно объяснить тем, что исследуемые преступления совершаются скрытно и с взаимной выгодой, как для взяткодателя, так и взяткополучателя, которые не заинтересованы в обнаружении совершенных ими преступлений.

Оперативно-разыскная деятельность сама по себе не повод для возбуждения уголовного дела о получении взятки, ибо это процесс, длящийся иногда годами и заканчивающийся не обязательно привлечением лица к уголовной ответственности. Результатом оперативно-разыскных мероприятий является выявление конкретных фактов, событий, содержащих признаки исследуемого

преступления, что также нельзя признать поводом для возбуждения уголовного дела. Если в результате оперативно-разыскной деятельности получены негласные данные о получении взятки (например, сообщение агента), то тогда юридически нет ни повода, ни основания для возбуждения уголовного дела. Оперативно-разыскные мероприятия, принимаемые с целью обнаружения получения взятки, осуществляются вне уголовного процесса и их результаты должны быть предоставлены следователю, как только обнаружены признаки исследуемого преступления, ибо возникают новые уголовно-процессуальные отношения. В данном случае, в соответствии со ст. 143 УПК РФ, составляется рапорт об обнаружении признаков получения взятки. Сообщение об исследуемом преступлении, содержащееся в данном рапорте, после проверки в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ и будет являться поводом для возбуждения уголовного дела о получении взятки (п. 3 ч. 1 ст. 140, ст. 143 УК РФ).

В подавляющем большинстве случаев получение взятки фактически обнаруживают не следователи и не органы дознания, а граждане в силу того, что они подвергаются вымогательству взятки со стороны должностного лица, являются очевидцами этого уголовно-наказуемого деяния.

Сообщение гражданина о преступлении исследуемой категории вначале выступает как обстоятельство, побуждающее начать уголовное судопроизводство. Стоящее за этим сообщением общественно опасное деяние, правоотношения, возникшие между лицом, совершившим преступление, и государством, обязывают следователя отреагировать на него. Сущностью данного процесса, главным в указанной деятельности является обнаружение информации о признаках получения взятки. В полученной информации отыскиваются также данные, указывающие на признаки преступления, о наличии или отсутствии в объективной реальности деяния, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Получение взятки считается обнаруженным следователем, когда по сообщению об исследуемом преступлении им принято решение о возбуждении уголовного дела. Указанное решение принимается следователем органов Следственного комитета Российской Федерации, когда признаки исследуемого преступления и данные, указывающие на признаки этого преступления, убеждают его в наличии получения взятки в объективной реальности. Именно в постановлении о возбуждении уголовного дела впервые в уголовном производстве указывается пункт, часть, статья Уголовного Кодекса Российской Федерации, на основании которых возбуждается уголовное дело (п. 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ). Тем самым, следователь констатирует наличие в объективной реальности факта, который квалифицируется как преступление [1, с. 10].

Еще вчера вынесение постановления о возбуждении уголовного дела о получении взятки, заявление о котором поступило после его совершения, зачастую было невозможным, в силу неустранимых противоречий между объяснениями взяткодателя и взяткополучателя, трактуемых в пользу последнего,

то есть отсутствием достаточных данных, указывающих на признаки данного преступления.

Вместе с тем, отделом по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области и оперативными подразделениями региональных управлений ФСБ и МВД России на основе взаимного доверия выстроена четкая система совместного планирования и организации оперативно-разыскных и проверочных мероприятий, первоначальных следственных действий, позволившая добиться положительных результатов в этом направлении. Такие результаты приносит практика раскрытия коррупционных преступлений путем организации оперативными сотрудниками по поручению следователя оперативно-разыскных мероприятий в отношении лица, о получении взятки которым поступило заявление.

При этом критически оцениваются доводы стороны защиты о провокационности подобных действий, недостоверности сведений о совершении преступления разрабатываемым лицом, полученных в ходе таких оперативно-разыскных мероприятий в результате специально примененных методов в целях искусственного создания доказательств.

С мнением отдела по расследованию особо важных дел о допустимости доказательств, собранных на основании подобных результатов ОРД по уголовному делу в отношении бывшего начальника УФСКН России по Рязанской области генерал-майора полиции Туровского И.В., согласился прокурор Рязанской области, суды первой и апелляционной инстанций. Таким же образом в 2015 году раскрыты 7 получений взяток, приговор по которым в настоящее время не вступил в законную силу, а также мошенничество, совершенное с использованием служебного положения, в крупном размере, приговор по которому вступил в законную силу. На основании таких результатов ОРД возбуждено уголовное дело в отношении высокопоставленного должностного лица правительства Рязанской области по факту получения незаконного вознаграждения в крупном размере.

При этом отделом по расследованию особо важных дел наработана практика оценки полученных результатов ОРД путем проведения комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз.

Подводя итог, необходимо отметить, что вышеуказанные положительные результаты работы достигнуты благодаря тесному взаимодействию отдела по расследованию особо важных дел с оперативными службами ФСБ и МВД, конструктивному сотрудничеству с прокуратурой Рязанской области.

Список использованных источников

1. Павлов, Н.Е. Обнаружение преступлений (уголовно-процессуальный аспект) / Н.Е. Павлов. – М. : МИ МВД России, 1995.

КОВАЛЕВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕРИЕВИЧ,

Начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПЕТРОЧЕНКОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ,

Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

**Актуальные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных
ст. 138¹ УК РФ, выявленных в ходе осуществления
оперативно-разыскной деятельности**

Аннотация. В статье исследуются проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 138¹ УК РФ, возникающие в процессе использования результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации, оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

KOVALEV ALEXANDER VALERIEVICH,

The Chief of the department of operative-search activity
of the Ryazan branch of Moscow university
of Ministry of internal affairs of Russia named for V.Y. Kikot,
candidate of legal sciences

PETROCHENKOV SERGEY DMITRIEVICH,

Lecturer of the department of criminal law and criminology
of the Ryazan branch of Moscow university
of Ministry of internal affairs of Russia named for V.Y. Kikot,
candidate of legal sciences

**Relevant issues of qualification of crimes
specified in the Article 138 of the Criminal Code of the Russian
discovered in the course of operational-investigative activity**

Annotation. The article studies the problems of qualification of crimes specified in the Article 138 of the Criminal Code of RF, that arise when using the results of operational-investigative activity as evidence in criminal cases.

Keywords: operational-investigative activity, special technical means intended for secret receiving of information, circulation of special technical means intended for secret receiving of information.

В последние годы в обществе резко возрос интерес к техническим средствам, предназначенным для негласного получения информации, причем приобретение таких средств для одних граждан стало своеобразным хобби – бытовым увлечением, а для других – способом получения информации о частной жизни лиц, которая впоследствии используется ими в преступных или иных противоправных целях. Данное обстоятельство связано со стремительным развитием технологий, которые сделали эти средства экономически доступными практически для любых слоев населения.

Специальная техника, предназначенная для негласного получения информации, изначально предназначена для выявления и фиксации информации органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (далее – ОРД). Исчерпывающий перечень подобных органов (субъектов ОРД) дается в статье 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 770 1996 г., Перечень видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности включает в себя:

- средства для негласного получения и регистрации акустической информации;
- средства для негласного визуального наблюдения и документирования;
- средства для негласного прослушивания телефонных переговоров;
- средства для негласного перехвата и регистрации информации с технических каналов связи;
- средства для негласного контроля почтовых сообщений и отправок;
- средства для негласного исследования предметов и документов;
- средства для негласного проникновения и обследования помещений, транспортных средств и других объектов;
- средства для негласного контроля за перемещением транспортных средств и других объектов;
- средства для негласного получения (изменения, уничтожения) информации с технических средств ее хранения, обработки и передачи;
- средства для негласной идентификации личности.

Таким образом, гражданин, приобретающий или сбывающий любое из вышеуказанных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, независимо от его целей, попадает в орбиту действия уголовного закона по ст. 138¹ УК РФ.

Расследование преступлений, предусмотренных ст. 138¹ УК РФ (незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации) согласно ст. 151 УПК РФ отнесено к компетенции следователей Следственного комитета Российской Федерации. При этом выявление и оперативное сопровождение указанной категории дел осуществляется сотрудниками федеральной службы безопасности и, в большинстве случаев, оперуполномоченными органов внутренних дел (подразделение «К» БСТМ) [1, С. 92–93].

Изучение практики расследования уголовных дел позволяет выделить проблемные вопросы, возникающие в процессе использования результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам. Одним из наиболее проблемных вопросов является установление умысла на совершение преступления.

Согласно постановлению Конституционного суда от 31 марта 2011 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» «даже при наличии доказанного факта совершения действий, составляющих объективную сторону ч. 3 ст. 138 (ст. 138¹) УК РФ, органы, осуществляющие уголовное преследование и суд обязаны установить внутреннее отношение обвиняемого (подсудимого) к совершенному деянию, а именно: знал ли он о том, что его деятельность является незаконной и был ли умысел на осуществление именно противоправной деятельности» [2].

Однако зачастую оперативная запись проверочной закупки специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации не позволяет сделать вывод об умысле виновного лица на осуществление противоправной деятельности, т.к. этот вопрос не выясняется, а в ряде случаев негласная аудио-видеозапись указывает на отсутствие такого умысла.

Приведем типичный пример. Согласно уголовному делу № 1-18/2011 [3] при проведении доследственной проверки первоначально было установлено отсутствие у Тельшева А.Н. умысла на совершение преступления. Так, из объяснения Тельшева А.Н. следует, что в торговом предприятии ООО «Мастер КАСС» он работает в должности заместителя директора. Лицензия на продажу специальных технических средств, а также покупку в целях продажи данных изделий у предприятия отсутствует, так как он считает, что реализуемые им изделия не являются специальными техническими средствами, поскольку не имеют высокого качества разрешения видеозаписи и надлежащего качества аудиозаписи.

Представленные отделом «К» УВД по Тульской области материалы оперативно-разыскной деятельности также свидетельствовали об отсутствии в действиях Тельшева А.Н. умысла на совершение незаконного сбыта продукции, предназначенной для негласного получения информации. Так, согласно аудио-видеозаписи негласного ОРМ, проведенного 28 сентября 2009 г.

Тельшев А.Н. считает, что продаваемая им продукция – «бытовуха», на которую лицензия не требуется.

Вывод об отсутствии умысла подтверждался и объективными данными. Согласно материалам уголовного дела, о продаже скрытых видеокамер Тельшев А.Н. неоднократно размещал объявления в газете «Моя реклама», продаваемые им видеокамеры, закамуфлированные под предметы бытового назначения, он открыто приобрел в Торгово-ярмарочном комплексе «Москва». Продажа этой продукции Тельшевым А.Н. также осуществлялась открыто, с предоставлением покупателю (сотруднику отдела «К» УВД) товарного и кассового чеков (которые впоследствии были признаны вещественными доказательствами по уголовному делу).

Вместе с тем, в приговоре субъективная сторона преступления характеризуется виной Тельшева А.Н. в форме прямого умысла. Данное судебное решение и сделанные в нем выводы представляются противоречивым, особенно в части субъективной стороны преступления.

С положительной стороны следует отметить взаимодействие следственных работников и оперативных сотрудников при расследовании уголовного дела по обвинению Ендерева А.С. в совершении преступления, предусмотренного ст. 138¹ УК РФ [4].

Так, согласно акту проверочной закупки от 28 мая 2014 г. Ендеров А.С. сбыв оперуполномоченному БСТМ УМВД России по Рязанской области З. устройство в виде брелка автомобильной сигнализации, со встроенной видеокамерой черного цвета, пояснив принцип работы устройства. На пояснение З., что это устройство необходимо для скрытой съемки, Ендеров А.С. ответил, что именно такие устройства заказывают для данной цели, что на сайте, где он заказывал данное устройство, есть еще разные приспособления для скрытого наблюдения, а именно: игрушки с камерой и очки со встроенной в них камерой. На пояснения З., что такие устройства нельзя приобрести в магазинах электроники, Ендеров А.С. ответил, что их продажа является незаконной, так как такие «шпионские штучки» нельзя продавать в России и что мужчину заказавшего данные приспособления сразу «замели». В данном случае грамотная работа оперуполномоченного не оставляет сомнений в осведомленности подсудимого о совершении противоправных действий.

С доказыванием умысла также тесно связан вопрос о квалификации совместного участия 2-х и более лиц в совершении преступления, предусмотренного нормой рассматриваемой статьи. Как правило, подобные преступления совершаются либо непосредственно исполнителем (индивидуальный предприниматель, физическое лицо), либо в нем участвуют 2 лица: организатор (директор организации) и исполнитель (менеджер, продавец). В некоторых случаях суд не признает как соучастие в совершении преступления совместное участие 2-х и более лиц. Рассмотрим конкретные примеры.

Кузнецкий городской суд Пензенской области не усмотрел признаков соучастия в преступлении в действиях продавца торговой точки ИП БЮЛ

«Рунова С.В.», в связи с тем, что она заблуждалась относительно обязательных признаков, характеризующих объект преступления, а соответственно, совместного умысла у нее и у индивидуального предпринимателя Руновой С.В. на совершение преступления не было. Приведем ниже установленные судом обстоятельства их совместной деятельности.

9 декабря 2010 г. в 11 час. 30 мин. продавец торговой точки ИП БОЮЛ «Рунова С.В.», расположенной в здании торгового центра «Сфера», не осведомленная о преступных намерениях Руновой С.В., введенная в заблуждение последней, относительно правомерности реализации устройств видеонаблюдения через розничную сеть сбыла сотруднику отдела «К» УВД по Пензенской области, действующему в рамках оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка», одну миниатюрную проводную видеокамеру цветного изображения с акустическим каналом торговой марки «ЖМК» модель ЖК-923...» [5].

В данном случае решение суда относительно отсутствия признаков соучастия представляется обоснованным. Другое дело, что в действиях Руновой С.В., по-видимому, также отсутствовал умысел на совершение незаконных действий, она также могла заблуждаться относительно противоправности своих действий. На это указывают открытая реализация продукции, причем не напрямую, а через представителя, а также проведение сделки официально, то есть с выдачей покупателю товарного и кассового чеков.

В аналогичной, по сути, ситуации суд, осудив за покушение на сбыт директора магазина «Радиотехник» Капорина С.В., не усмотрел вины в действиях продавца-кассира того же магазина Горбунова В.Ф., который непосредственно реализовал три USB-регистратора в виде шариковых ручек [6].

Суд сделал вывод об отсутствии у Горбунова В.Ф. умысла на незаконный сбыт, ссылаясь на показания самого Горбунова В.Ф., согласно которым на момент выставления на реализацию и до момента изъятия, он *не подозревал*, что указанные USB-регистраторы – шариковые ручки являются специальными техническими средствами, об этом не задумывался. До начала декабря 2009 года в магазине подобные приборы не продавались. Перед началом их продажи он не ознакомился с их принципом действия. Продажей таких технических средств он занимался по поручению директора. Его задача заключалась в предложении покупателю товара, получении денежных средств и внесении их в кассу. Какие именно приборы относятся к специальным техническим средствам, он не знает, с соответствующими нормативными актами не ознакомился.

Мировой суд судебного участка № 60 Привокзального района г. Тулы не усмотрел признаков соучастия в преступлении в действиях директора ООО «Мастер КАСС» Лазеева М.В., подтвердив его статус свидетеля. Единственным виновным лицом был признан заместитель директора ООО «Мастер КАСС» Тельшев А.Н.

Указанное решение было основано на том, что Лазеев М.В., «хоть и занимал должность директора ООО «Мастер КАСС» и присутствовал при продаже Тельшевым А.Н. устройств видеонаблюдения, однако лично никакого участия в приобретении и реализации такой продукции не принимал». Из показаний Лазеева М.В. следует, что вопросами приобретения и продажи технических устройств видеонаблюдения занимался только Тельшев А.Н. Прибыль от деятельности по продаже устройств видеонаблюдения и спутникового телевидения получал только Тельшев А.Н. Денежные средства, которые Тельшев А.Н. расходовал на приобретение технических устройств, являлись его (Тельшева) деньгами. ООО «Мастер КАСС» никаких денег за технические устройства в виде камер скрытого видеонаблюдения, приобретенных Тельшевым А.Н., не перечисляло.

Вместе с тем, подобные выводы сделаны на основании показаний самого Лазеева М.В., не подтверждаются показаниями Тельшева А.Н. в части «финансовой составляющей» этого вопроса, опровергаются объективными данными, установленными в ходе расследования уголовного дела. Сам факт того, что продажа технических устройств видеонаблюдения происходила официально, с предоставлением покупателю товарного и кассового чеков опровергает показания Лазеева М.В. в части того, что прибыль от продажи указанной продукции ООО «Мастер КАСС» не получало. Факт личного получения Тельшевым А.Н. денег от реализации товаров не означает, что эти денежные средства он собирался присвоить лично себе. Также очевиден тот факт, что Лазеев М.В. не был введен ни в какое заблуждение относительно продаваемой продукции, а именно ее свойствах скрытого получения информации. В момент проведения «проверочной закупки» за прилавком находились двое – Тельшев и Лазеев, которым было достоверно известно о свойствах продаваемой продукции, находившейся на витрине офиса. В данном случае налицо соучастие в совершении преступления (если вообще говорить о преступлении). Очевидно, что органы предварительного следствия «закамуфлировали» одного из соучастников, сделав его свидетелем преступления.

В похожей ситуации Железнодорожный районный суд г. Екатеринбурга осудил по ст. 138¹ УК РФ как индивидуального предпринимателя Толстокорого Ю.С., так и его продавца Пахотину А.В., которые заявляли о том, что не знали о необходимости получения специальной лицензии для продажи товаров и что «свободная продажа закамуфлированной продукции запрещена». Вместе с тем в момент продажи владелец торговой точки отсутствовал [7].

Изучение судебной практики по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, позволяет сделать следующие выводы:

1. Исследованная судебная практика свидетельствует об отсутствии единого подхода при квалификации схожих по сути деяний, а также о достаточно произвольном толковании правовых норм. В этой связи, назрела объективная необходимость, чтобы Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал по этому поводу соответствующие разъяснения.

2. Решения судов, как правило, основаны на показаниях продавцов предметов, признанных специальной техникой, данных ими в качестве свидетелей по уголовным делам. Данное обстоятельство зачастую не позволяет установить истинную картину событий, т.к. такие свидетели понимают шаткость своего процессуального статуса, возможность перехода в статус подозреваемых и обвиняемых. Опасаясь стать, таким образом, соучастниками преступления, они не заинтересованы в даче показаний против своих руководителей. В этой связи, следственным и судебным органам необходимо делать вывод о наличии признаков преступления, основываясь не только на показаниях таких свидетелей, но исходя из совокупности всех имеющихся доказательств, обращая особое внимание на материалы проведенных оперативно-разыскных мероприятий.

3. В процессе документирования преступных действий лиц, причастных к незаконному обороту специальных технических средств, в предмет первоочередной оперативной заинтересованности необходимо включать вопросы внутреннего отношения фигурантов к совершенному деянию, а также порядок взаимодействия всех вовлеченных в незаконный оборот специальных технических средств лиц между собой. Выяснение данных обстоятельств позволит не только выяснить вопросы, касающиеся совместного участия подозреваемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 138¹ УК РФ, но и сделать вывод о наличии самого состава преступления.

Список использованных источников

1. Уголовная ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: монография / С.Д. Петроченков; под ред. И.Э. Звечаровского. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 135 с. (Серия «Научные издания для юристов»).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru>. (дата обращения 24.02.2016).

3. Архив мирового суда судебного участка № 60 Привокзального района г. Тулы. Дело № 1-18/2011.

4. Архив Советского районного суда г. Рязани. Приговор по делу № 1-13/2015 от 11.03.2015 г.

5. Архив Кузнецкого городского суда Пензенской области. Дело № 1-71/11.

6. Архив мирового судебного участка № 6 г. Петропавловск-Камчатский Камчатского края. Дело № 1-302/10.

7. Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга. Приговор по делу № 1-234/2012 от 04.06.2012.

КОНДРАШЕЧКИН РОМАН ВИКТОРОВИЧ,
Старший преподаватель кафедры административного права
и оперативно-разыскной деятельности ОВД
Московского областного филиала Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

**К вопросу о социальной и правовой защите граждан,
содействующих органам,
осуществляющим оперативно-разыскную деятельность:
уголовно-правовой и оперативно-разыскной аспект**

Аннотация. В работе исследуются проблемные вопросы, касающиеся социальной и правовой защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Проводится анализ норм Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» по привлечению к сотрудничеству лиц из числа членов преступной группы.

Автором рассматриваются положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, касающиеся освобождения от уголовной ответственности лица, привлеченного к сотрудничеству из числа членов преступной группы, совершившего противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий и активно способствовавшего раскрытию преступлений, возместившего нанесенный ущерб или иным образом загладившего причиненный вред. Высказываются предложения по совершенствованию оперативно-разыскного законодательства.

Ключевые слова: полиция, оперативно-разыскная деятельность, оперативные подразделения, уголовный розыск, конфиденциальное сотрудничество, раскрытие преступлений.

KONDRASHECHKIN ROMAN VIKTOROVICH,
Senior Lecturer of Administrative Law and Investigation Department
of Moscow Regional Branch Moscow University
Russian Interior Ministry Name VY Kikot,
Associate Professor, Cand. Sc. (Law)

**Revisiting the issue of social and legal remedy
for the citizens cooperating with criminal investigation agencies:
criminal and investigative aspects**

Annotation. The article dwells on the issues of social and legal remedy for the citizens cooperating with criminal investigation agencies. It also author reviews the provisions of the Federal Investigation Law No. 144-FZ as of August 12, 1995 pertaining to recruitment of crime members.

The author examines the rulings of penal and criminal procedure legislation as related to the discharge from criminal prosecution of a crime member having committed a minor crime, which member has been recruited by the criminal investigation agencies, closely cooperated with investigation, recouped for the inflicted damage or made up losses otherwise; and makes suggestions about how to enhance the existing investigation laws.

Keywords: police, criminal investigation, field units, criminal investigation, confidential cooperation, crime detection.

Вопросы привлечения граждан к конфиденциальному содействию органам, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность нашли свое отражение в федеральном законодательстве и в ведомственных нормативных правовых актах. В Федеральном законе «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (далее – ФЗ «О полиции») в п. 34 ст. 13 «Права полиции» говорится, что полиция «вправе привлекать граждан с их согласия к внештатному сотрудничеству; устанавливать негласное сотрудничество с гражданами, изъявившими желание конфиденциально оказывать содействие полиции на безвозмездной и возмездной основе; объявлять о назначении вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, и выплачивать его гражданам; поощрять граждан, оказавших помощь полиции в выполнении иных возложенных на нее обязанностей».

В соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») в ч. 1. п. 2 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» сказано, что «органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность вправе при решении задач оперативно-розыскной деятельности: «устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность».

В ч. 1 ст. 17 рассматриваемого закона «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность», содержится норма о том, что: «отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту. Эти лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий, и не вправе предоставлять заведомо ложную информацию указанным органам».

Ст. 18 ФЗ «Об ОРД» посвящена социальной и правовой защите граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность.

Так, ч. 1 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» указывает на то, что «лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под защитой государства».

В соответствии с ч. 2 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» «государство гарантирует лицам, изъявившим согласие содействовать по контракту органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, выполнение своих обязательств, предусмотренных контрактом, в том числе гарантирует правовую защиту, связанную с правомерным выполнением указанными лицами общественного долга или возложенных на них обязанностей».

В ч. 3 рассматриваемой статьи указано, что при возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество отдельных лиц в связи с их содействием органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а равно членов их семей и близких эти органы обязаны принять необходимые меры по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации.

Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и гражданами, осуществляющими конфиденциальное сотрудничество, существуют правовые отношения, которые прослеживаются в рамках межотраслевых связей уголовного права и оперативно-розыскной деятельности.

Далее, в соответствии с ч. 1 ст. 12 ФЗ «Об ОРД» сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Кроме того, предание гласности сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотрен-

ренных федеральными законами, данное требование содержится в ч. 2 рассматриваемой статьи.

Достаточно дискуссионным вопросом остается правоприменительная практика в отношении лица из числа членов преступной группы, совершившего противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к конфиденциальному сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность.

Данный вопрос исследуется многими отечественными учеными [1; 2]. Как показывает сложившаяся судебная и следственная практика, реализация института освобождения от уголовной ответственности лица из числа членов преступной группы, оказывающего конфиденциальное сотрудничество органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, сопряжена с определенными сложностями в правоприменительной практике, так как при ее реализации возможна расшифровка информации (данных) в отношении конфиденанта, кроме того, возникает необходимость в обеспечении безопасности конфиденанта и членов его семьи.

Реализация указанного положения возможна лишь по основаниям, предусмотренным в уголовном законе, и в пределах процедур, закрепленных в уголовно-процессуальном законе [3].

Глава 11 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит нормы, регулирующие вопросы освобождения от уголовной ответственности, в частности в статье 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», говорится, что «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным. Лицо, совершившее преступление иной категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ». Более того, статья 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», устанавливает, что: «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред». Помимо этого, статья 76.1 УК РФ, содержит основания освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, а статья 78 УК РФ содержит основания освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»,

говорится, что освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица). Посредством применения норм главы 11 Уголовного кодекса Российской Федерации реализуются принципы справедливости и гуманизма.

Исходя из этого, по каждому уголовному делу необходимо проверять, имеются ли основания для применения к лицу, совершившему преступление, положений статей 75, 76, 76.1 или 78 УК РФ.

По смыслу части 1 статьи 75 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить (например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее способствование лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии). Деятельное раскаяние может повлечь освобождение от уголовной ответственности только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным.

Разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности. При этом признание лицом своей вины без совершения действий, предусмотренных указанной нормой, не является деятельным раскаянием.

Условие освобождения от уголовной ответственности в виде способствования раскрытию и расследованию преступления следует считать выполненным, если лицо способствовало раскрытию и расследованию преступления, совершенного с его участием.

Глава 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, (далее УПК РФ), определяет особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Так, статья 317.1 УПК РФ определяет порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Статья 317.4 УПК РФ содержит положение о проведении предварительного следствия в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Предварительное следствие по выделенному в отдельное производство в соответствии с пунктом 4 части первой статьи 154 УПК РФ уголовному делу в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводится в порядке, установленном главами 22–27 и 30 УПК РФ, с учетом особенностей, предусмотренных данной статьей. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, постановление следователя о возбуждении

перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, постановление прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, досудебное соглашение о сотрудничестве приобщаются к уголовному делу. В случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц следователь выносит постановление о хранении документов, упомянутых в части второй указанной статьи, в опечатанном конверте.

После окончания предварительного следствия уголовное дело в порядке, установленном статьей 220 УПК РФ, направляется прокурору для утверждения обвинительного заключения и вынесения представления о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве. Кроме того, в рамках статьи 317.9 УПК РФ определены меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

На практике, использование конфиденциального сотрудничества граждан, из числа членов преступной группы осложнено особенностями носителя оперативной информации, имеющей интерес для сотрудника оперативного подразделения МВД России. Как правило, преступники не делятся своими криминальными замыслами с другими лицами не входящими в состав преступной группы, поэтому получить такую важную информацию оперативным сотрудникам возможно лишь посредством ввода конфиденнта, из членов преступной группы.

Особую сложность представляет привлечение конфиденнта к сотрудничеству в этнических преступных группах. О подготовке и совершении групповых преступлений знают, только соучастники преступной группы. Если такой соучастник изъявит желание негласно сотрудничать, например, в соответствии со ст. 18 ФЗ «Об ОРД», то выявление и привлечение к суду преступной группы повлечет за собой и осуждение самого источника [4].

В рамках уголовного судопроизводства в уголовном деле находятся материалы на всех членов преступной группы, в том числе и на конфиденнта, так как исключить эти материалы следователь не имеет права. Кроме того, отдельные фигуранты по делу, возможно, дадут признательные и обличающие подельников показания и укажут на отсутствующего фигуранта. Более того, отсутствие одного из фигурантов в уголовном деле станет поводом для обоснованных подозрений со стороны изобличенных соучастников и членов преступной группы. Такое подозрение окрепнет в случае обнаружении попыток оперативных сотрудников либо следственных органов вывести одного из соучастников из-под уголовного преследования, результатом чего может стать месть, со стороны других участников преступной группы, которая может быть очень жестокой, причем не только по отношению к лицу оказывающему кон-

фиденциальное сотрудничество, но и его близких родственников вплоть до физического их устранения.

Таким образом, граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в том числе лиц из числа членов преступной группы, совершивших противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченных к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, активно способствовавших раскрытию преступлений и возместивших нанесенный ущерб или иным образом загладивших причиненный вред, следует освобождать от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Порядок реализации в рамках оперативно-разыскной деятельности ОВД указанного положения достаточно сложен. Прежде всего из-за несовершенства нормативных правовых актов, раскрывающих вопросы реализации сотрудничества конфиденентов, а также возможного противодействия со стороны преступных групп.

Условием применения ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» является согласие лица, противоправное поведение которого формально подпадает под признаки данной нормы и ст. 75, 76, 76.1 или 78 УК РФ, сотрудничать с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность.

Основанием позволяющим применить к указанному лицу ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» и ст. 75, 76, 76.1 или 78 УК РФ, является контракт о сотрудничестве, заключенный с ним органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. В качестве обязательства выступает освобождение лица, из числа членов преступной группы, от уголовной ответственности, взамен его активного содействия в раскрытии преступления.

Такой контракт о сотрудничестве, должен заключаться на весь период до истечения срока давности для соответствующей категории преступлений, предусмотренный УК РФ.

В ч. 1 ст.18 ФЗ «Об ОРД» речь идет о лицах совершивших преступления, не повлекшие тяжких последствий, а в ст. 75 УК РФ о преступлениях небольшой или средней тяжести, что говорит о необходимости совершенствования оперативно-разыскного и уголовного законодательства в целях выработки единого решения по существующей проблеме.

Кроме того, в ведомственных нормативных актах необходимо дополнительно, рассмотреть механизм реализации освобождения от уголовной ответственности лица, из числа членов преступной группы, привлеченного к конфиденциальному сотрудничеству. Обозначенные вопросы носят дискуссионный характер и требуют дополнительного изучения и закрепления в нормативных правовых актах.

Список использованных источников

1. Антонов, И.А. Правовые основы обеспечения безопасности лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим раскрытие и расследование преступлений / И.А. Антонов, А.Г. Гурбанов, А.В. Шахматов // Российский следователь. – 2008. – № 17.

2. Блинов, Е.А. Особенности правовой защиты лиц, участвующих в оперативном внедрении / Е.А. Блинов // Российский следователь. – 2008. – № 17.

3. Аверьянов, Т.В. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. – М. : Издательство Норма, 2000. – 990 с.

4. Кондрашечкин, Р.В. О некоторых вопросах правового регулирования противодействия международным террористическим организациям / Р.В. Кондрашечкин // Вестник экономической безопасности. – М. – 2016. – № 1.

КРЫКАНОВ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ,

Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Рязанского филиала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Понятие провокации преступления (по материалам исследования судебной практики)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения понятия провокации преступления, которое встречается в приговорах судов.

Ключевые слова: провокация преступления, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, оперативный эксперимент.

KRYKANOV, VLADIMIR,

Lecturer, Department of Criminal Law,
Ryazan branch of Moscow University
of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot

Concept of provocation of the crime (on materials of research of court practice)

Annotation. In article problems of determination of concept of provocation of the crime which meets in sentences of vessels are considered.

Keywords: provocation of the crime, investigation and search operations, investigation and search operations, operational experiment.

Правовое регулирование общественных отношений связанных с деятельностью правоохранительных органов в последнее время носит достаточно сложный характер. Для него характерно большое количество нормативного материала, недостаточность материальных норм, регулирующих данную категорию общественных отношений, а также определенное значение практики Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), которое оказало большое влияние на деятельность отечественных судебных органов.

В частности, не может не обратить внимание проблема, связанная с определением такого уголовно-правового феномена, как провокация преступления. Так, предварительное изучение уголовных дел, в которых встречается та-

кое понятие, показало, что судами РФ, нередко, действия сотрудников правоохранительных органов, направленные на выявление преступлений, признаются провокацией. Данная позиция отечественных судебных органов была очерчена не так давно, и повсеместно применяется примерно с 2006 года, когда Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) принял решение по делу «Ваньян против Российской Федерации» (Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 по делу «Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99)). В данном решении ЕСПЧ признал действия правоохранительных органов провокацией, что послужило фактически оправдательным приговором в отношении ранее осужденного гражданина. Такие решения ЕСПЧ в отношении РФ принимались и в дальнейшем (например в решениях по делам «Банников против РФ», «Веселов и другие против РФ», «Худобин против РФ»), и по ним Россия обязана была выплатить заявителям существенные суммы, измеряемые в тысячах евро.

Исходя из анализа действующего законодательства по обозначенной теме, нельзя не отметить, что ст. 304 УК РФ содержит норму о таком преступлении как провокация взятки. Согласно закону, объективная сторона данного состава определяется как попытка передачи предмета преступления, субъективная сторона выражена специальной целью – искусственное создание доказательств совершения преступления либо шантажа. Рассматриваемая уголовно-правовая норма не имеет отношения к сложившемуся в правоприменительной практике и в традиционном подходе пониманию понятия провокации преступления, так как с одной стороны не имеет ничего общего с институтом соучастия в преступлении, а с другой ее содержание не раскрывает суть провокации – возбуждение желания у другого лица, побуждение его к совершению действий. Это обуславливает и то обстоятельство, что данная норма на практике практически не применяется. Анализ уголовных дел показал, что за последние десять лет практика судебных решения по ст. 304 УК РФ крайне мала.

Исследование некоторых судебных решений, в которых имело место упоминание провокации преступления показало, что данное понятие понимается судами по-разному. В некоторых случаях, по нашему мнению, ссылка на провокацию является неверной и правоприменитель не правильно понимает суть данного явления.

Например, в надзорной инстанции постановлением Президиума Ярославского областного суда № 44-у-117 от 28 сентября 2011 года было прекращено производство по делу за отсутствием в действиях П. состава преступления. Так в ходе предварительного следствия было установлено, что П. незаконно хранил при себе в целях сбыта психотропное вещество амфетамин и приискивал покупателя на указанное психотропное вещество. Он позвонил на сотовый телефон мужчине и договорился о продаже. Согласно устной до-

говоренности, не зная о том, что им является оперативный сотрудник, П. выехал на встречу с ним, имея при себе амфетамин, тем самым осуществил незаконное хранение и перевозку в целях сбыта, умышленно создав условия для совершения им незаконного сбыта. Однако довести свой преступный умысел до конца не смог, поскольку указанное вещество было изъято у него в ходе личного досмотра на посту ДПС. В анализируемом постановлении указано, что оперативный сотрудник довел до сведения П. через его окружение свой телефон, после звонка П. он договорился с ним о продаже ему психотропного вещества амфетамин, при этом обговорил цену, количество вещества, место его продажи. Он же в момент следования П. на встречу с ним организовал его задержание. Суд отмечает, что сотрудник, выполняя все действия, характерные для оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ) «проверочная закупка», действовал вопреки требованиям ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), закрепляющей в качестве обязательного условия проведения «проверочной закупки» наличие постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. Далее суд указывает, что такого постановления по делу не выносилось и следовательно, указанные действия сотрудника по существу являются провокацией преступления [1].

Таким образом, в рассмотренном примере суд признал провокацией преступления незаконно проведенную сотрудником «проверочную закупку». По нашему мнению, такая трактовка данного понятия является явно ошибочной и в целом не соответствует сущности данного понятия, коей не может быть какие-либо процессуальные нарушения со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Интересно другое решение суда, в котором опять же затрагивается оперативно-разыскная деятельность. Так, приговором Железнодорожного районного суда г. Рязани от 12 декабря 2013 года по делу № 1-67/13 был признан невиновным и оправдан в связи с непричастностью к совершению преступления гражданин К.М.Е. Судом было установлено, что К., решил предпринять меры к незаконному освобождению от призыва за взятку и обратился за содействием к В. Об этом стало известно оперативным сотрудникам, под диктовку которых В. написал заявление о том, что К.М.Е. требует от него взятку. Не предпринимая мер к проверке полученных от В. сведений, они решили провести оперативный эксперимент, направленный на уличение К.М.Е. В качестве основания для проведения был использован не соответствующий фактическим обстоятельствам довод о том, что К.М.Е. требует передачи взятки от В. Суть эксперимента сводилась к тому, что В. должен был безотлагательно встретиться с К.М.Е. и подконтролем оперативных сотрудников передать ему 30 000 руб. По результатам у К.М.Е. были изъяты 30 000 руб. Суд указал, что проведенный в его отношении эксперимент носил характер недопустимой по-

лицейской провокации, сотрудники полиции в ходе проводимого негласного мероприятия не «присоединились» к осуществляемым преступным действиям, что является допустимым, а фактически сами их инициировали [2].

В данном случае, по нашему мнению, суд снова признает провокацией нарушение определенной процедуры проведения оперативно-разыскного мероприятия. И опять возникает вопрос: если в данном случае описанные в решении суда действия являются «недопустимой» провокацией, то, что можно назвать «допустимой» провокацией? Ведь в том же законе «Об ОРД» она запрещена в любой форме. Такая позиция суда может лишь запутать правоприменителя и дать основание совершать так называемые «правомерные провокационные действия».

В некоторых случаях суд конкретизирует критерии провокации преступления. Так апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Рязанского областного суда от 27 октября 2015 г. действия Г. были переквалифицированы с ч. 3 ст. 30 ч. 3 ст. 291 УК РФ на ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 291 УК РФ. Последний был признан виновным в том, что положил взятку в виде денег в размере трех тысяч рублей в ежедневник, принадлежащий должностному лицу, и предложил взять их за уничтожения протокола об административном правонарушении за совершенное им административное правонарушение. Однако, должностное лицо отказалось принять денежные средства. Суд опроверг доводы о провокации со стороны сотрудников, так как, во-первых, каких-либо требований должностное лицо о передаче взятки Г. не предъявляло, во-вторых, именно Г. определил время и способ передачи взятки, и, в-третьих, он продолжил преступление не смотря на предупреждение должностного лица о незаконности таких действий [3].

В достаточно большом количестве уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков, так или иначе упоминается провокация. Ее понимание судами может быть совершенно различно. Так в приговоре Касимовского городского суда Рязанской области от 04 марта 2010 года указано, что гражданин «Х» познакомился с Т., который пообещал ему оказать помощь в приобретении героина. О состоявшемся разговоре «Х» рассказал оперативному сотруднику, который попросил «Х» принять участие в ОРМ «проверочная закупка». После этого в рамках данного ОРМ Т., по просьбе «Х» продал тому наркотик. Суд указал, что «результаты ОРД не носят провокационного характера, поскольку свидетельствуют о наличии у Т. умысла на незаконный оборот наркотического средства..., сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников ..., а также о проведении Т. всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния» [4].

В данном примере, оценка судом действий Т. является как минимум спорной, так как гражданин «Х» попросил того продать ему наркотик фактически под влиянием оперативных сотрудников. Помимо этого, в приговоре

указано, что из дела исключены еще два эпизода по сбыту Т. наркотика, суть которых в решении не изложена. Однако основанием этого, по мнению суда, является то, что в отношении Т. по исключенным из дела эпизодам проводились ОРМ «Оперативный эксперимент», а должны были проводиться ОРМ «Проверочная закупка». Так в решении указано: «Суть ОРМ «оперативный эксперимент» состоит в воспроизведении негласно контролируемых условий и объектов для проявления противоправных намерений лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении тяжких и особо тяжких преступлений, поэтому при проведении данного ОРМ не может быть законного изъятия наркотического средства, и как следствие этого, незаконно изъятое наркотическое средство не может быть признано и приобщено к делу в качестве вещественного доказательства. Такое возможно только в результате проведения ОРМ «проверочная закупка», в ходе которой совершается мнимая сделка купли-продажи с лицом, заподозренным в противоправной деятельности» [5].

Вышеизложенная позиция, по нашему мнению, является спорной. Так как законодательных понятий или толкования высшим судебным органом оперативно-разыскных мероприятий не существует. Поэтому применение их в решении суда является недостаточно обоснованным и, по нашему мнению, противоречит принципу законности.

Важное значение в практике приобретает отграничение множественности преступлений от провокации. Так судом гражданин Т. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30 п. «б» ч. 3 ст. 228.1 и ч. 1 ст. 228 УК РФ. Было установлено, что последний сбыв наркотическое средство. В последующем в отношении него была проведена ОРМ «Проверочная закупка», в ходе которого Т. повторно сбыв наркотическое средство. В данном случае суд правильно указал, что количество проведенных ОРМ, не свидетельствуют о наличии провокации со стороны сотрудников, и что было необходимо для установления обстоятельств, имеющих значение для дела и для процессуального закрепления факта реализации преступного умысла [6].

Вопрос о провокации в последнее время поднимается не только по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, но и, например, по делам, о преступлении предусмотренном ст. 138.1 УК РФ, что является нетипичным для данной проблематики. Так гражданин Е. был осужден по ст. 138.1 УК РФ за незаконные приобретение и сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Он разместил в социальной сети «ВКонтакте» объявления о продаже специального технического средства, предназначенного для негласного получения визуальной и акустической информации, запрещенного к свободному обращению на территории Российской Федерации. После этого сотрудниками полиции в ходе проведения ОРМ «Проверочная закупка» у Е. был приобретен указанный предмет.

Утверждение защиты о провокации были опровергнуты судом, который указал, что инициатива продажи устройства происходила не только от оперативного сотрудника, но и от самого подсудимого, разместившего объявление о продаже специального средства [7]. По нашему мнению, в данном случае, утверждение суда является не совсем верным, поскольку участие оперативно-го сотрудника в формировании так называемой инициативы полностью отсутствует, как как он просто дал согласие на уже сделанное Е. неконкретизированное предложение о сбыте.

Таким образом, проведенное нами исследование судебной практики, позволяет сделать ряд выводов:

– зачастую судебные органы используют и опираются в своих решениях на такое понятие как провокация преступления, которое всегда в том виде, в котором встречается в данных решениях не имеет ничего общего с теми имеющимися как в уголовном законе, так и законе «Об ОРД» видами провокации. Данное положение, по нашему мнению, противоречит принципу законности и еще раз говорит о необходимости регламентации понятия провокации преступления в уголовном законе;

– в каждом установленном нами случае, вопрос о провокации поднимается только когда в отношении виновного лица правоохранительными органами проводились ОРМ, причем речь всегда идет только о двух видах – «Проверочная закупка» и «Оперативный эксперимент»;

– более того, практика, связанная с провокацией преступления, не является единой и в каждом случае касается вопросов различных институтов уголовного права, порой далеко стоящих друг от друга.

Список использованных источников

1. URL: <https://rospravosudie.com/court-yaroslavskij-oblastnoj-sud-yaroslavskaya-oblast-s/act-105223290/> (дата обращения: 31.03.2016).
2. URL: <https://rospravosudie.com/court-zheleznodorozhnyj-rajonnyj-sud-g-ryazani-ryazanskaya-oblast-s/act-465337478/> (дата обращения: 31.03.2016).
3. URL: <https://rospravosudie.com/court-ryazanskij-oblastnoj-sud-ryazanskaya-oblast-s/act-500140746/> (дата обращения: 31.03.2016).
4. URL: <https://rospravosudie.com/court-kasimovskij-gorodskoj-sud-ryazanskaya-oblast-s/act-101387876/> (дата обращения: 31.03.2016).
5. URL: <https://rospravosudie.com/court-kasimovskij-gorodskoj-sud-ryazanskaya-oblast-s/act-101387876/> (дата обращения: 31.03.2016).
6. URL: <https://rospravosudie.com/court-kasimovskij-rajonnyj-sud-ryazanskaya-oblast-s/act-463396163/> (дата обращения: 31.03.2016).
7. URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-ryazani-ryazanskaya-oblast-s/act-469522182/> (дата обращения: 31.03.2016).

КУЗЬМИН СЕРГЕЙ СПИРИДОНОВИЧ,
Доцент кафедры уголовного права и процесса
Филиала ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»
в г. Рязани

К вопросу о сбалансированности уголовного и оперативно-разыскного законодательства

Аннотация. Автор предпринимает попытку анализа состояния сбалансированности норм уголовного и оперативно-разыскного законодательства.

Ключевые слова: уголовное законодательство, оперативно-разыскное законодательство, сбалансированность уголовного и оперативно-разыскного законодательства.

KUZMIN SERGEI SPIRIDONOVICH,
Associate professor of the department of criminal law and process
of the branch of Moscow Witte University

To the question of balance of the penal and operational search legislation

Annotation. The author makes the attempt of the analysis of the condition of balance of regulations of the penal and operational search legislation.

Keywords: Penal legislation, operational search legislation, balance of the penal and operational search legislation.

Уголовному праву свойственно обеспечение различными методами позитивных общественных отношений, регулируемых другими отраслями права [1, с. 11; 4, с. 160; 7, с. 12; 6, с. 44]. Кроме того, уголовное право, наряду с обеспечением различных видов общественно полезной (политической, судебной, следственной, экономической и др.) деятельности, выполняет данную функцию и по отношению к оперативно-разыскной деятельности. В данном случае обеспечивающая роль уголовного права заключается в поддержании уголовно-правовыми средствами установленного порядка осуществления оперативно-разыскной деятельности, в санкционной защите ее от разрушающего внутреннего и внешнего преступного воздействия [5, с. 17–24].

При этом, эффективность такого обеспечения непосредственно зависит от сбалансированности норм уголовного и оперативно-разыскного законодательства как по содержанию так и по порядку их применения. Как представляется, такая сбалансированность предполагает опору на следующие базовые положения:

– использование системного подхода, в соответствии с которым, уголовно-правовое регулирование в этой сфере должно обеспечить возможность

осуществления оперативно-разыскной деятельности в соответствии с установленными правилами;

– уголовный закон не может подменять или дополнять законодательство, регламентирующее оперативно-разыскную деятельность, он лишь создает условия для данной деятельности;

– оперативно-разыскное законодательство не может подменять уголовное законодательство и создавать новые уголовно-правовые нормы;

– порядок действия оперативно-разыскного законодательства должен соответствовать порядку действия уголовного закона;

– единообразное толкование нормативных понятий, категорий, терминов, используемых в данных законодательствах.

При этом, сбалансированность уголовного законодательства с оперативно-разыскным и другими отраслевыми законодательствами непосредственно отражается на внутренней согласованности его норм [3, с. 20]. Соотношение современных уголовного и оперативно-разыскного законодательства характеризуется определенным дисбалансом, устранение которого позволит усовершенствовать нормы законов, упорядочить правоприменительную практику. Для этого, как представляется, необходимо сделать следующее.

1. Урегулировать действие Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 апреля 1995 г. № 144 (Далее – ФЗ РФ № 144) во времени и пространстве с учетом общепринятых подходов и принципов, используемых при регламентации данных вопросов другими законодательствами, в том числе и уголовным.

При решении данного вопроса следует устранить двусмысленность положения части 1 статьи 13, которой определено, что «На территории Российской Федерации право осуществлять оперативно-розыскную деятельность имеют оперативные подразделения...». Это положение позволяет предполагать, что оперативно-разыскная деятельность осуществляется и вне пределов Российской Федерации, но она (деятельность) регламентируется иными непубличными нормативными актами. В этом случае уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности невозможно. Вполне понятно, что с позиций демократического правового государства такое толкование не является истинным и, соответственно, образовавшаяся двусмысленность положения может быть связана с редакционной неточностью.

Для устранения данной неточности словосочетание «На территории Российской Федерации...» из ч. 1 ст. 13 следует исключить. Такое изменение будет означать, что оперативно-разыскная деятельность может осуществляться соответствующими оперативными подразделениями на основе положений ФЗ РФ № 144, в том числе, вне пределов страны и будет обеспечена уголовно-правовыми средствами.

2. Учитывая комплексное значение результатов оперативно-разыскной деятельности и существующие проблемы их использования в сфере уголов-

ного судопроизводства при реализации уголовной ответственности, целесообразно повысить эффективность оперативно-разыскных мероприятий.

Для этого предлагаем:

– закрепить в ФЗ РФ № 144 перечень оперативно-тактических действий: засада, заслон, задержание и др. Это позволит легитимировать данные действия, в рамках которых также могут быть получены результаты, имеющие уголовно-правовое значение;

– на законодательном уровне раскрыть содержание оперативно-разыскных мероприятий и оперативно-тактических действий, что позволит упорядочить судебно-следственную практику в вопросах признания правомерности получения результатов оперативно-разыскной деятельности, установления признаков злоупотребления или превышения должностных полномочий сотрудниками оперативных подразделений;

– для закрепления доказательного значения оперативно-тактических действий, в ст. 1 ФЗ РФ № 144 следует уточнить понятие оперативно-разыскной деятельности в той части, что она осуществляется не только посредством оперативно-разыскных мероприятий, но и оперативно-тактических действий. Такое изменение позволит отнести результаты оперативно-тактических действий к категории результатов оперативно-разыскной деятельности с последующим их использованием в качестве доказательства при реализации уголовной ответственности.

3. Для обеспечения более эффективной деятельности оперативных подразделений, необходимо оградить оперативных сотрудников от незаконного вмешательства в их деятельность, в том числе сопряженного с применением насилия.

В ч. 2 ст. 16 ФЗ РФ № 144 закреплено общее положение, по существу, запрещающее вмешиваться в законные действия должностных лиц и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, за исключением, прямо уполномоченных на то федеральным законом. Частично уголовный закон обеспечивает данное положение, предусмотрев ответственность за ненасильственное вмешательство в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание (ч. 2 и 3 ст. 294), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295), угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ч. 2-4 ст. 296) и клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ч. 2 и 3 ст. 298.1 УК РФ) в отношении оперативного сотрудника, производящего дознание. Во всех иных случаях, деятельность оперативного сотрудника, хотя и направленная на получение результатов оперативно-разыскной деятельности, которые в последующем могут обрести статус доказательств, указанными уголовно-правовыми нормами не защищена. Несомненно, устранение данного пробела соответствует интересам правосудия, в целом, является одним из обстоя-

тельств, формирующим условия для активизации оперативно-разыскной деятельности. Для этого к кругу потерпевших, закрепленных в выше названных нормах, нужно добавить категорию лиц, уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

4. Привести в соответствие основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное для «лиц из числа членов преступной группы» (ч. 4 ст. 18 ФЗ РФ № 144) с положениями УК РФ.

В ч. 4 ст. 18 определено, что «Лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

По своим содержательным признакам данное положение соотносится с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) [2]. Вместе с тем, сопоставление указанных законодательных положений позволяет сделать вывод об их очевидном несовпадении. В частности, к основаниям освобождения от уголовной ответственности в ч. 4 ст. 18 ФЗ РФ № 144 отнесены обстоятельства:

а) частично содержащиеся в ст. 75 УК РФ (способствование раскрытию преступлений; возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного вреда);

б) не содержащиеся в ст. 75 УК РФ, то есть являющиеся неизвестными уголовному законодательству (совершение противоправного деяния, не повлекшее тяжких последствий; сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность; обязательность освобождения).

При этом, такие обстоятельства из ст. 75 УК РФ как совершение преступления впервые, категории совершенных преступлений (небольшой или средней тяжести), явка с повинной не нашли своего закрепления в ч. 4 ст. 18 ФЗ РФ № 144.

Явное несоответствие рассматриваемых норм по кругу обстоятельств, формирующих основание освобождения от уголовной ответственности, очевидно, является не допустимым. Фактически в ч. 4 ст. 18 ФЗ РФ № 144 закреплена новая отдельная уголовно-правовая норма, регулирующая вопросы реализации уголовной ответственности, что можно характеризовать как подмену УК РФ. Вместе с тем, данный вопрос, в соответствии с ч. 1 ст. 1 и ст. 3 УК РФ может быть решен только при включении нормы об освобождении в УК РФ, что вряд ли целесообразно.

В связи с изложенным, представляется, что редакция ч. 4 ст. 18 ФЗ РФ № 144 должна содержать общее положение с указанием на то, что лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-

разыскную деятельность, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

5. Устранить содержательные различия в толковании категории «Провокация».

В ст. 5 ФЗ РФ № 144 содержится запрет органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, т.е. провоцировать. Такая трактовка провокации, по существу, соответствует подстрекательству (ч. 4 ст. 33 УК РФ) и не соответствует содержанию провокации преступлений, частное проявление которой отражено в ст. 304 УК РФ, предусматривающей ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа. Модель преступного поведения при данном виде провокации заключается в том, что лицо пытается передать соответствующие ценности должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции, без их согласия с целью искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа.

Например, при провокации взятки виновный стремится лишь к созданию видимости получения взятки должностным лицом, а какие-либо требования к нему выполнить (не выполнять) соответствующие действия (бездействие) в интересах дающего взятку, не имеют принципиального значения. По существу, такая линия поведения может быть истолкована как инсценировка преступления со специфичными целями. В то же время, учитывая, что подобные провокации могут быть связаны и со многими другими преступлениями, то в УК РФ целесообразно создать общую норму, в которой использование служебного положения следует закрепить в виде квалифицирующего признака. В связи с этим, статью 304 УК РФ следует изложить в следующей редакции:

«Статья 304. Провокация преступлений.

1. Инсценировка преступления в целях искусственного создания доказательств вины другого лица, – наказывается ...

2. То же деяние, совершенное с использованием служебного положения, – наказывается...».

Таким образом, можно говорить, что по содержанию понятие провокации, закрепленное в ФЗ РФ № 144, отличается от уголовно-правового понятия. По существу, оперативно-разыскной запрет совершать провокацию сводится к запрету подстрекательства к совершению «реального» преступления, в то время как уголовная ответственность предусмотрена за создание видимости совершенного преступления в целях искусственного создания доказательств или шантажа.

Безусловно, такое различие не должно сохраняться в дальнейшем, так как существенно снижает предупредительный эффект в деятельности различных категорий лиц, в том числе и сотрудников оперативных подразделений. Учитывая, что, по нашему мнению, трактовка провокации более точна в уго-

ловном законе (с учетом предложения по изменению редакции ст. 304 УК РФ), то характеристика этого понятия в ст. 5 ФЗ РФ № 144 должна соответствовать уголовно-правовому.

6. Требуется уголовно-правового закрепления положение, содержащееся в ч. 4 ст. 16 ФЗ РФ № 144, допускающее при определенных условиях вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам при правомерном выполнении своего служебного либо общественного долга должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, или лицом, оказывающим ему содействие.

По данному аспекту мы сформулировали свою позицию, заключающуюся в том, что решение данного вопроса должно быть осуществлено путем закрепления в гл. 8 УК РФ нового обстоятельства, исключающего преступность деяния – «Причинение вреда при исполнении служебных или профессиональных функций», – охватывающего и положение ч. 4 ст. 16 ФЗ РФ № 144 [5, с. 22–24].

7. Представляется целесообразным снятие ограничений на проведение оперативно-разыскных мероприятий в зависимости от категорий преступлений по их степени тяжести.

На наш взгляд, данные ограничения, касающиеся, в частности, прослушивания телефонных и иных переговоров, оперативного внедрения, оперативного эксперимента являются искусственными, снижают возможности оперативных подразделений при раскрытии системных или взаимосвязанных преступлений, прежде всего, в сфере экономики: незаконные действия в отношении продукции, подлежащей маркировке... (ст. 171.1) незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173), легализация (отмывание)... (ст. 174, 174.1), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ) и другие.

В целом, сбалансирование уголовного и оперативно-разыскного законодательства по рассмотренным и некоторым другим аспектам позволит оптимизировать содержание каждого из них, устранить межотраслевые несоответствия, противоречия и, соответственно, упорядочить сферу правоприменительной деятельности.

Список использованных источников

1. Ветров, Н.И. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / Н.И. Ветров. – М. : ЮНИТА-ДАНА; Закон и право, 2002. – 563 с.
2. Жариков, Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации / Ю.С. Жариков // СПС «КонсультантПлюс».
3. Звечаровский, И. Некоторые вопросы внутриотраслевой рассогласованности норм уголовного законодательства (в аспекте задач УК РФ) / И. Звечаровский // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 20–24.

4. Кудрявцев, В.Н. Две книги об уголовном законе / В.Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1969. – № 10. – С. 158–162.
5. Кузьмин, С.С. Проблемы уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности / С.С. Кузьмин // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: материалы Регионального круглого стола (Рязань, 9 апреля 2015 г.) / под ред. Е.Н. Билоуса, Г.С. Шкабина. – Рязань: Изд-во «Концепция», 2015. – 112 с.
6. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 339 с.
7. Курс советского уголовного права : в 6 т. – Т. 1. – М. : Наука, 1970. – 312 с.

ЛАРИН ВИКТОР ЮРЬЕВИЧ,
преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя.

Уголовно-правовая защита сотрудников органов внутренних дел при проведении оперативно-разыскных мероприятий

Аннотация. Статья посвящена необходимости введения в УК РФ дополнительного обстоятельства, исключающего преступность деяния при проведении оперативно-разыскных мероприятий и исполнении профессиональных обязанностей. Автором выделяются критерии допустимости причиняемого при исполнении служебных обязанностей вреда.

Ключевые слова: вред, сотрудник органов внутренних дел, оперативно-разыскная деятельность, обстоятельства исключающие преступность деяния, профессиональная деятельность.

LARIN VICTOR YU.,
lecturer in administrative law
and administrative activities
Ryazan branch of Moscow University
The interior Ministry of Russia named after V. J. Kikot.

Criminal legal protection of employees of bodies of internal Affairs during operatively-search actions

Abstract. The article is devoted to the necessity of introducing in the criminal code additional circumstances, excluding the criminality of an act when carrying out quickly-investigation actions and the performance of professional duties. The

author outlines the criteria of validity caused in the performance of official duties damages.

Keywords: harm, an employee of internal Affairs bodies, operational-investigative activity, the circumstances excluding criminality of act, the professional activities.

Вопросы борьбы с преступлениями остаются актуальными с момента зарождения государства. С развитием государства, происходит реформирование законодательства, являющегося одним из его основных признаков. Для контроля над исполнением законов государство использует различные меры принуждения, применяемые состоящими у него на службе гражданами, в том числе сотрудниками органов внутренних дел. Принуждение является одним из основных видов деятельности сотрудников органов внутренних дел по поддержанию правопорядка и законности на территории государства. В виду важности данной деятельности законодатель наделил сотрудников органов внутренних дел большими властными полномочиями.

По мнению В.В. Путина «в системе органов правопорядка и специальных служб МВД занимает особое место. ...В силу огромного количества задач, которые приходится решать, в силу сложности этих задач и их объема ... самый большой объем ежедневной работы – на плечах сотрудников органов внутренних дел» [6]. Понимая важность выполняемых задач по поддержанию законности и правопорядка, проблем и трудностей, с которыми приходится сталкиваться сотрудникам при осуществлении профессиональных обязанностей, законодатель создал систему норм, определяющих правовые гарантии безопасности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, охрану авторитета органов государственной власти и управления, общественных отношений, складывающихся в этой сфере.

Одним из видов деятельности, осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел при выполнении повседневных задач, является оперативно-разыскная деятельность, регулируемая Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). В результате ее осуществления возможно причинение вреда, различного и по характеру, и по размеру, в том числе подпадающего под признаки составов преступлений. В таких случаях обоснованно возникает вопрос об уголовной ответственности сотрудников за содеянное или об исключении преступности таких деяний.

Перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, указан в главе 8 УК РФ и является исчерпывающим. В отдельных случаях, оперативно-разыскные мероприятия, причинившие вред охраняемым уголовным законом интересам, могут подпадать под крайнюю необходимость, необходимую оборону или обоснованный риск, но во многих случаях такие деяния не подпадают ни под одно из перечисленных в главе 8 УК РФ обстоятельств. Вместе с тем в соответствии со ст. 16 ФЗ «Об ОРД» допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, при правомерном

выполнении указанным лицом своего служебного долга в случае защиты жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Данная норма выступает в качестве «охранительной» для сотрудников осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, но не может признаваться исключаящей преступность деяния. В силу ст. 1 УК РФ она не является уголовно-правовой нормой, а в силу ст. 3 УК РФ преступность деяния, а так же его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только нормами УК РФ, следовательно, невозможно применение ст. 16 ФЗ «Об ОРД» как исключаящего преступность деяния обстоятельства в случаях, когда в результате оперативно-разыскной деятельности совершены запрещенные УК РФ деяния. Получается, что выполняя свои служебные обязанности (долг), сотрудник органа внутренних дел, вынужденно нарушив закон, сам будет подлежать уголовной ответственности, если его деяния будут содержать признаки преступлений, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ и не будут подпадать под действия главы 8 УК РФ.

Некоторые оперативно-разыскные мероприятия практически невозможно провести без нарушения установленных УК РФ запретов. Так, например, оперативное внедрение в банду, преступное сообщество или организованную преступную группу, как правило сопровождается совершением запрещенных УК РФ деяний, ведь внедренное лицо первоначально привлекает особое внимание со стороны других участников. Совершение таких деяний обусловлено прохождением «проверки», а уклонение или отказ могут привести к раскрытию и возможному лишению жизни. Нельзя не отметить, что даже за участие лица в преступной организации предусмотрена уголовная ответственность (ст. 210 УК РФ).

В этой связи В.Ф. Лапшин справедливо замечает, что «современное уголовное законодательство не предусматривает в качестве обстоятельства, исключаящего преступность деяния, совершение деяния, формально содержащего в себе все признаки состава преступления, которое совершено лицом, внедренным в состав преступной группы с целью последующего пресечения противоправной деятельности ее представителей» [3, с.40]. При таких обстоятельствах, очевидно, что деятельность оперативных сотрудников органов внутренних в этой части дел требует законодательного обеспечения уголовно-правовыми средствами.

Для разрешения указанной проблемы Г.С. Шкабин обоснованно предлагает «ввести в уголовный закон новое обстоятельство, исключаящее преступность деяния, при причинении вреда в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий» [4, с. 15]. Н.С. Железняк предлагает такое обстоятельство рассматривать в качестве частного случая обоснованного риска [1, с. 56]. Такой подход представляется не вполне логичным, поскольку суть риска в том, что вред может и не наступить, а при проведении оперативно-разыскной деятельности, как правило, сотрудники изначально осознают, что причинение вреда неизбежно.

Введение нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, безусловно, необходимо. При этом, по нашему мнению, не следует формулировать его таким образом, чтобы оно применялось исключительно в рамках оперативно-разыскной деятельности, ведь причинение вреда охраняемым уголовным законом отношениям возможно и в рамках иных видов деятельности правоохранительных органов.

Российский законодатель имеет определенный опыт в части регламентации подобного обстоятельства. Так, в Уголовном уложении 1903 г. содержалось обстоятельство, исключающее преступность деяния при осуществлении профессиональной деятельности. Ст. 44 Уголовного уложения гласила, что не почитается преступным ни деяние, учиненное во исполнение закона, ни деяние, учиненное во исполнении приказа по службе, данное подлежащею властью в пределах сея ведомства, с соблюдением установленных правил, если приказ не предписывал явно преступного [5, с.23]. В данной норме наряду с исполнением приказа обстоятельством, исключающим преступность деяния, признавалось исполнение закона. Указанную норму вполне можно было бы взять за основу для формулирования нового обстоятельства главы 8 УК РФ.

Вместе с тем следует отметить, что при осуществлении оперативно-разыскной (а равно иной законной) деятельности сотрудников органов внутренних дел возможно причинение не любого вреда. Это обуславливает выработку критериев, которым должно соответствовать рассматриваемое деяние для исключения его преступности.

Во-первых, причиняя вред, лицо должно исполнять возложенные на него в соответствии с законом обязанности. Такой вывод имеет конституционное обоснование, так как в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Во-вторых, необходимо ограничить пределы возможного причинения вреда. При этом необходимо обеспечить соблюдение баланса между причиняемым вредом и защищаемыми благами, интересами и отношениями.

Причиняемый вред должен отвечать критерию необходимости, то есть должен причиняться в условиях, когда исполнение законных полномочий без наступления общественно опасных последствий невозможно.

Кроме того, не должны быть превышены пределы допустимости причиняемого вреда меньшим и равным по сравнению с вредом от предотвращаемого, раскрываемого или расследуемого преступления. Иными словами, необходимо, чтобы причиняемый вред отвечал критерию соразмерности. При этом, как справедливо указывает С.С. Кузьмин, «пределы правомерного причинения вреда определяются исходя из содержания обстоятельств, в которых исполнялись служебные или профессиональные функции, а также с учетом анализа фактически наступивших последствий» [2, с. 24].

С критерием соразмерности связан еще один аспект: причиняемый вред должен быть возмещаемым. Это предполагает возможность восстановления состояния, существовавшего до причинения вреда. Причем такой вред может быть как имущественным, так и неимущественным (например, нарушение неприкосновенности частной жизни). Сложнее обстоит вопрос с причинением вреда жизни и здоровью. Представляется, что причинение смерти или тяжкого вреда здоровью ни при каких обстоятельствах не допустимо признавать правомерным, поскольку такой вред влечет необратимые последствия, восстановить которые невозможно. Причинение же средней тяжести и легкого вреда здоровью следует допускать только, если была исключена возможность не причинять данный вред. Одновременно с этим следует детально регламентировать возмещение причиненного вреда в гражданско-правовом порядке.

Таким образом, необходимым условием обеспечения уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, является включение в главу 8 УК РФ нового обстоятельства, исключающего преступность деяния при причинении вреда в результате такой деятельности. При этом допустимым может признаваться только такой причиняемый вред, который отвечает критериям законности, необходимости, соразмерности и возместимости.

Список использованных источников

1. Железняк, Н.С. О некоторых аспектах социальной защиты внедряемых в преступные группы сотрудников оперативных подразделений и содействующих им лиц / Н.С. Железняк // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – Вып. № 4. – 2015. – С. 50–59.

2. Кузьмин, С.С. Проблемы уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности / С.С. Кузьмин // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регионального круглого стола (Рязань, 9 апреля 2015 г.). – Рязань : Изд-во «Концепция», 2015. – С. 17–24.

3. Лапшин, В.Ф. Совершение уголовно наказуемого деяния лицом, внедренным в преступную группу: проблемы регламентации и квалификации / В.Ф. Лапшин // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регионального круглого стола (Рязань, 9 апреля 2015 г.). – Рязань : Издательство «Концепция», 2015. – С. 36–42.

4. Шкабин, Г.С. Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы взаимосвязей / Г.С. Шкабин // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регионального круглого стола (Рязань, 9 апреля 2015). – Рязань : Издательство «Концепция», 2015. – С. 13–16.

5. Новое уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб. : Изд. Каменнорецкого юрид. книж. магазина В.П. Анисимова. – 1903. – 260 с.

6. Стенограмма расширенного заседания коллегии МВД. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations>

ЛАРИНА ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА,
Доцент кафедры уголовного права и процесса
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, канди-
дат юридических наук, доцент.

**Уголовная ответственность за незаконное осуществление
оперативно-разыскной деятельности в отношении адвокатов**

Аннотация. В статье рассматриваются условия, при наличии которых осуществление оперативно-разыскной деятельности в отношении адвокатов будет влечь уголовную ответственность.

Ключевые слова: адвокат, оперативно-разыскная деятельность, незаконный, уголовная ответственность, превышение должностных полномочий.

LARINA LUBOV,
associate Professor of criminal law and procedure at
Ryazan state University named for S. A. Yessenin,
candidate of legal Sciences, associate Professor.

**Criminal liability for illegal implementation of operational-investigative
activity in relation to lawyers**

Annotation. The article discusses the conditions under which the implementation of operative-search activities in respect of advocates will entail criminal responsibility.

Keywords: lawyer, operational-search activity, illegal, criminal liability, the abuse of power.

Оперативно-разыскная деятельность выступает одним из самых распространенных и довольно эффективных способов раскрытия преступлений. Законодатель закрепил четкие правила, соблюдение которых является обязательным при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Их нарушение, во-первых, повлечет признание результатов оперативно-разыскной деятельности недопустимым доказательством, а во-вторых, может повлечь уголовную ответственность лиц, допустивших соответствующие нарушения. В этом случае, как правило, следует вести речь о наличии либо отсутствии в деяниях сотрудников, допустивших нарушения, признаков таких преступлений как превышение полномочий (ст. 286 УК РФ) или злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Однако составы указанных преступлений по конструкции являются материальными и в качестве обязательного признака предусматривают наступление последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Не любое нарушение законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности бу-

дет влечь за собой указанное последствие. В связи с чем важно определить содержание понятия «существенное нарушение».

Согласно рекомендациям Пленума Верховного Суда РФ, под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации, а под нарушением законных интересов граждан или организаций следует понимать, в частности, создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности [7]. При этом определение существенности нарушения зачастую зависит от тех общественных отношений, которые затрагиваются незаконными действиями.

В деятельности органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, возникают случаи, когда она осуществляется в отношении адвокатов, представляющих собой с правовой точки зрения особую категорию лиц. Причем необходимость производства оперативно-разыскных мероприятий в отношении них чаще всего связана с коррупционными преступлениями (ст. 291, 291.1, 159 УК РФ), наиболее часто совершаемыми адвокатами [3, с. 16].

Для определения возможности наступления существенного вреда от незаконного осуществления оперативно-разыскной деятельности в отношении адвокатов, необходимо разобраться с сущностью их деятельности. Адвокаты призваны реализовывать закрепленное в Конституции РФ и международных актах право граждан на оказание квалифицированной юридической помощи. Данное право неразрывно связано с правом на обеспечение конфиденциальности при ее оказании, чему служит институт адвокатской тайны. При осуществлении оперативно-разыскных мероприятий в отношении адвоката в каждом случае создается угроза разглашения адвокатской тайны, а, значит, можно утверждать, что будет иметь место нарушение гарантированного Конституцией РФ вышеуказанного права. Следовательно, при осуществлении незаконной оперативно-разыскной деятельности в отношении адвоката неизбежно наступит последствие в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, что выступает конструктивным признаком составов превышения или злоупотребления должностными полномочиями.

Не менее важным для наступления уголовной ответственности является установление признака незаконности осуществляемой в отношении адвоката оперативно-разыскной деятельности. Как показывает судебная практика, самым распространенным оперативно-разыскным мероприятием, осуществляемым в отношении адвокатов, является оперативный эксперимент [8; 9; 10; 11]. В соответствии со ст. 8 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести,

тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших [1]. Иными словами, основной специфический признак оперативного эксперимента законодатель связывает с категориями преступлений, для выявления и раскрытия которых данное оперативно-разыскное мероприятие проводится. Отсюда следует, что оперативный эксперимент, проведенный по преступлениям небольшой тяжести (например, по ч. 1 или ч. 2 ст. 291, ч. 1 ст. 159 УК РФ), будет являться незаконным. Аналогичные требования законодатель предъявляет к прослушиванию телефонных и иных переговоров, следовательно, его проведение по преступлениям небольшой тяжести также следует признавать незаконным.

Получается, чтобы не допустить нарушения закона при проведении таких мероприятий как оперативный эксперимент и прослушивание телефонных и иных переговоров, уже на стадии подготовки оперативно-разыскного мероприятия правильно квалифицировать готовящееся или совершаемое преступление. При этом применительно к ч. 1 и ч. 2 ст. 291 УК РФ необходимо обращать внимание на сумму взятки (не более 150 тысяч рублей) и отсутствие таких квалифицирующих признаков как дача взятки за совершение заведомо незаконных действий, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

В случае, если указанные оперативно-разыскные мероприятия необходимо провести в отношении адвоката применительно к такому преступлению как мошенничество, то необходимо исключить квалификацию по ч. 1 ст. 159 УК РФ. Для этого необходимо установить наличие квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 – 4 ст. 159 УК РФ. При этом нужно обратить внимание на то, что мошенничество адвоката в сфере своей профессиональной деятельности, не подпадает под признак использования служебного положения, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Мошенничество адвоката часто сложно отграничить от посредничества во взяточничестве. А для проведения оперативно-разыскных мероприятий будущая квалификация может иметь существенное значение в части признания их законными или наоборот. В научной литературе имеются рекомендации по разграничению этих составов [5, с. 11], поэтому мы лишь обратим внимание на то, что в каждом случае нужно установить, есть ли достоверные данные о том, что адвокат действительно собирается передавать предмет взятки в качестве посредника. Если таковых данных нет, то налицо мошенничество, и при отсутствии квалифицирующих признаков (ч. 2–4 ст. 159 УК РФ) проведение оперативного эксперимента или прослушивания переговоров будет незаконным.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 8 содержит норму, закрепляющую, что проведение оперативно-разыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных

и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения. Из этого следует, что для проведения оперативного эксперимента судебного решения не требуется. Однако в ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» закреплено, что проведение оперативно-разыскных мероприятий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения. При этом полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей [5]. Такое ограничение связано с защитой адвокатской тайны. Следовательно, проведение оперативно-разыскных мероприятий в отношении адвоката без судебного решения является незаконным и может составлять один из признаков объективной стороны превышения должностных полномочий или злоупотребления должностными полномочиями.

Следует отметить, что судебная практика это требование законодателя существенно сузила. Как указал Верховный Суд РФ, «п. 3 ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» не устанавливает неприкосновенности адвоката, не определяет ни его личную привилегию как гражданина, ни привилегию, связанную с его профессиональным статусом, она предполагает получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности, к каковой, в любом случае, не может быть отнесено совершение адвокатом преступного деяния, как несовместимого со статусом адвоката» [12]. Такая позиция представляется не совсем верной. Во-первых, рассматриваемая норма призвана защитить адвоката, в том числе от незаконного обвинения (от провокации в отношении него преступления, от искусственного создания доказательств преступления и т.п.), следовательно, судебное решение выступает гарантией защиты профессиональных прав адвокатов. Отдельными авторами справедливо отмечается, что «вполне возможна и провокация со стороны правоохранительных органов, направленная на дискредитацию с целью устранения неудобного адвоката из дела» [4, с. 18]. Более того, справедливым представляется мнение о полном запрете проведения оперативно-разыскных мероприятий в отношении адвокатов во время проведения ими конфиденциальных свиданий со своими подзащитными [6, с. 37]. Во-вторых, судебное решение на производство оперативно-разыскных мероприятий в отношении адвоката не требуется, по нашему мнению, лишь в случае, когда готовящееся или совершаемое им преступление не связано с его профессиональной деятельностью. Иными словами, это возможно, когда он выступает не в качестве адвоката, а в качестве обычного гражданина.

В рамках осуществления оперативно-разыскной деятельности возможно осуществление негласного сотрудничества. При этом в силу ст. 17 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, запрещается использовать конфиденциальное содействие по контракту адвокатов. А в соответствии с ч. 5 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, запрещается. Безусловно, сотрудничество адвоката с указанными органами несовместимо с принципом независимости адвокатуры и гарантией адвокатской тайны. Стоит отметить, что Федеральная палата адвокатов несколько шире толкует данные нормы, указывая, что «если без участия самого адвоката в ОРД защитить интересы доверителя не представляется возможным, адвокат вправе разово содействовать (сотрудничать) в ОРД на безконтрактной основе» [13].

Вместе с тем в деятельности адвоката не исключены случаи, когда сотрудники оперативных подразделений принуждают его к подобному сотрудничеству. В ходе проведенного нами опроса адвокатов Рязанской, Московской и Липецкой областей, были получены данные, свидетельствующие о том, что в отношении каждого десятого адвоката осуществлялись попытки такого принуждения. Вне зависимости от способов принуждения, содеянное следует квалифицировать как оконченное или неоконченное превышение должностных полномочий.

Таким образом, осуществление оперативно-разыскной деятельности в отношении адвокатов может влечь уголовную ответственность при наличии формального критерия – ее незаконности, а также материального критерия – существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. При этом любые умышленные деяния, выразившиеся в незаконном осуществлении в отношении адвоката оперативно-разыскной деятельности, влекут за собой существенные нарушения конституционного права на оказание квалифицированной юридической помощи, а потому являются преступлениями и квалифицируются по ст. 285 или ст. 286 УК РФ, либо по иным специальным нормам УК РФ.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об оперативно-разыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2016).
2. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2016).

3. Ларина, Л.Ю. Разновидности преступлений, совершаемых адвокатами (по материалам практики) / Л.Ю. Ларина // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 3. – С. 15–17.

4. Николаев, А.Ю. Адвокат как объект ОРМ по делам о посредничестве во взяточничестве / А.Ю. Николаев // Уголовный процесс. – 2014. – № 11. – С. 16–19.

5. Пантюхина, И.В. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: вопросы теории и правоприменения / И.В. Пантюхина, С.Д. Бражник // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2016. – № 1. – С. 8–13.

6. Чуркин, А.В. Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвокатов / А.В. Чуркин // Адвокатская практика. – 2016. – № 1. – С. 34–39.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 г. Москва «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2016).

8. Приговор Белореченского районного суда Краснодарского края от 09 сентября 2015 года по уголовному делу № 1-303/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-belorechenskij-rajonnyj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-499964912/>;

9. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 27 августа 2015 года по делу № 22-4516/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-moskovskij-oblastnoj-sud-moskovskaya-oblasts/act-497715665/>;

10. Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 18 августа 2014 года по уголовному делу № 1- 678/2014. URL: https://novgorodskinvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1951321&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=1113232;

11. Приговор Московского районного суда г.Рязани от 06 июля 2011 года по уголовному делу № 1-140/2011 // Архив Московского районного суда г. Рязани.

12. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 июля 2012 г. № 47-012-30сп-а // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2016).

13. Разъяснение Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 28 января 2016 г. URL: http://www.fparf.ru/documents/resheniya_komissii_po_etike_i_standartam/17296/ (дата обращения: 10.04.2016).

ЛОБАНОВ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ,
Начальник Управления экономической безопасности
и противодействия коррупции УМВД России
по Рязанской области,
кандидат юридических наук, кандидат социологических наук

**К вопросу о провокации преступления
при документировании взяточничества**

Аннотация. В статье обращается внимание на правовые и организационные проблемы проведения оперативно-разыскных мероприятий при документировании взяточничества.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, оперативный эксперимент, взяточничество.

LOBANOV MIKHAIL ANDREEVICH,
Head of department of economic safety
and counteractions of corruption of UMVD of Russia
on the Ryazan region,
candidate of jurisprudence, candidate of sociological sciences

**To the question of provocation
at documentation of bribery**

Annotation. In article the attention to legal and organizational problems of carrying out investigation and search operations at documentation of bribery is paid.

Keywords: investigation and search operations, investigation and search operations, operational experiment, bribery.

В деятельности оперативных подразделений ОВД вопросы недопущения провокации тех или иных преступлений являются принципиальными, поскольку, с одной стороны, речь идет о реальной работе по борьбе с преступностью, а с другой, – нарушение данного принципа может породить и преступность деяния со стороны самих оперативных сотрудников. Особую актуальность данная проблема приобрела в связи с широким освещением в СМИ уголовного преследования в отношении бывшего руководства и сотрудников ГУЭБиПК МВД России.

Подобные обстоятельства не могли не сказаться на правоприменительной практике подразделений ЭБиПК при документировании взяточничества. Проведенные экспертные опросы сотрудников данных подразделений свидетельствуют о том, что существующие пробелы в нормативно-правовом регулировании оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) негативным образом сказываются на качестве работы по борьбе с рассматриваемой категорией преступлений. В частности, при документировании взяточничества

вызывает наибольшие вопросы порядок осуществления такого оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ), как «оперативный эксперимент». Неоднозначны подходы к пониманию грани законности в случае привлечения граждан в рамках оказания ими содействия в проведении данного мероприятия. Немало у практических работников возникает и иных вопросов, требующих своего четкого нормативно-правового регулирования.

В таких условиях складывается и различная практика рассмотрения результатов ОРД следователями Следственного комитета, прокуратуры в части оценки их законности и допустимости в качестве повода и основания при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по фактам взяток и дальнейшего использования таких результатов в доказывании.

Вместе с тем, отдельные из названных вопросов могут быть разрешены при анализе существующих норм федерального законодательства и позиции Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Рассмотрим их подробнее.

Прежде всего, речь идет о нормах ст. 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», запрещающей органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Названные действия определены законом как провокация.

Несколько иное значение «провокации» применительно закреплено в ст. 304 УК РФ к провокации взятки. Под ней понимаются попытка передачи должностному лицу без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа.

Анализ названного Постановления Пленума ВС РФ позволяет выделить две категории возможных незаконных действий оперативных сотрудников при документировании взяточничества.

Первая категория включает в себя непосредственно неправомерные действия в рамках провокации взятки. При этом помимо объективной стороны, закрепленной в ст. 304 УК РФ, Пленум указывает и на иные критерии, подтверждающие провокацию взятки. Так, ответственность за провокацию наступает лишь в случае, если должностное лицо, заведомо для виновного, не совершало действия, свидетельствующие о его согласии принять взятку или отказалось ее принять.

Вторая категория, согласно Постановлению Пленума, не относится к провокации взятки, однако неправомерные действия оперативных сотрудников в случае их совершения могут быть квалифицированы как превышение должностных полномочий или злоупотребление ими. К таковым относятся подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо на принятие взятки. При этом Верховный Суд незаконность такого поведения напрямую связывает с нарушением вы-

шеназванного запрета, установленного ст. 5 ФЗ «Об ОРД». Содержательная часть этих действий состоит в передаче взятки с согласия или по предложению должностного лица, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этого лица к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Таким образом, под угрозой уголовной ответственности, законом запрещены действия оперативных сотрудников, относимые к провокационным в широком смысле понятия «провокация» (в контексте ст. 5 ФЗ «Об ОРД») и в узком – применительно к провокации взятки (согласно ст. 304 УК РФ). Вместе с тем, вне зависимости от их квалификации такие действия влекут и иные правовые последствия – освобождают «задокументированного» такими способами взяткополучателя от уголовной ответственности в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Вышеизложенные обстоятельства, а также результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в настоящее время как никогда требуется применение наиболее выверенных (с позиции законности и эффективности) алгоритмов документирования оперативными сотрудниками фактов получения взяток. В практической деятельности по борьбе с такими преступлениями представляется целесообразным проведение активной фазы ОРД (оперативной реализации) лишь при условии ранее задокументированной объективно подтвержденной информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном факте получения взятки.

Кроме того следует отметить, что отказ от оперативного эксперимента становится достаточно распространенным. В деятельности подразделений ЭБиПК все большее распространение приобретает практика осуществления ОРД по выявлению «ретроспективных взяток» (т.е. совершенных некоторое время назад, не пресеченных «с поличным» при их получении). Очевидно, что такая практика менее рискованна для оперативных сотрудников с позиции собственной безопасности, однако она имеет и некоторые негативные аспекты. Так, в случае получения взятки денежными средствами высока вероятность, что спустя некоторое время в стадии реализации их будет весьма проблематично обнаружить и изъять. Кроме того, значительные трудности представляет и процесс оперативного контроля за развитием взаимоотношений между взяткополучателем и взяткодателем (посредником) в условиях непроведения оперативного эксперимента. Имеется и ряд иных трудностей, осложняющих процесс документирования взяточничества при таких оперативно-тактических ситуациях.

Учитывая изложенное, можно констатировать, что ОРД по документированию взяточничества сотрудниками ЭБиПК существенно осложнена названной негативной практикой оценки оперативного эксперимента, а также существующими пробелами его нормативно-правового регулирования. Отказ от проведения этого оперативно-разыскного мероприятия зачастую связан с

возможностью квалификации действий самих оперативных сотрудников по ст.ст. 304, 285 или 286 УК РФ в случае нарушения этой грани законности. Вместе с тем, проведенное исследование позволяет сформулировать некоторые предложения, реализация которых позволит, на наш взгляд, повысить эффективность борьбы со взяточничеством и будет способствовать обеспечению собственной безопасности оперативных сотрудников.

Во-первых, положительно зарекомендовала себя практика предварительного обсуждения полученных результатов ОРД со следователями СК до активной стадии оперативной реализации. В процессе обсуждения, как правило, дается оценка полноты и достаточности собранных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, квалификация действий фигурантов, определяются перспективы и направления дальнейшего документирования, в том числе готовность к оперативной реализации. Несмотря на то, что такая форма организации взаимодействия оперативных и следственных подразделений выработана десятилетиями и оправдала себя, на уровне межведомственного нормативно-правового регулирования эти отношения своего закрепления не нашли.

Однако данное обстоятельство не мешает на уровне субъектов РФ разработать и издать совместный приказ, определяющий порядок такого взаимодействия или реализовать эту организационно-управленческую функцию фактически, без его издания. В качестве возможной модели такого нормативного акта может быть использована, например, Инструкция по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел, утвержденная Приказом МВД России от 29.04.2015.

Во-вторых, для единообразного понимания условий и порядка проведения оперативного эксперимента, содержания допустимых и недопустимых действий оперативных сотрудников при документировании взяточничества, возможно рассмотрение данного вопроса в прямой его постановке на базе региональных прокуратур (например, в формате координационного совещания при прокуроре). Результаты обсуждения в максимальном объеме целесообразно включить в описательную и резолютивную часть решений такого совещания.

В-третьих, в целях обеспечения максимальной степени законности при проведении оперативного эксперимента представляется необходимым вернуться к вопросу о целесообразности вневедомственного санкционирования данного мероприятия. В таком случае наиболее логичным будет внесение изменений в ст. 8 ФЗ «Об ОРД», вводящих судебный порядок получения разрешения на его проведение.

Вместе с тем, очевидно, что определенный механизм обеспечения законности при документировании взяточничества, недопущение провокаций со стороны оперативных сотрудников уже существует. Это – качественный и системный ведомственный контроль руководителей за работой подчиненных, в том числе и по соблюдению ими названных нормативно-правовых актов.

ЛОПАТИН ЕГОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук

**Провокация преступлений
как способ борьбы с преступностью в США и Канаде**

Аннотация. В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты оценки провокации преступлений как способа борьбы с преступностью в судах США и Канады.

Ключевые слова: провокация преступления, борьба с преступностью, правовая оценка действий спровоцированного лица.

LOPATIN, EGOR,
Associate Professor of the Department of Social and Humane Discipline of the Ryazan branch of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after W. Y. Kikot,
Candidate of Pedagogical Sciences

Entrapment as a crime-fighting technique in the USA and Canada

Annotation. This article is devoted to some criminal approaches to the sting operations with entrapment as a crime-fighting technique in the courts of English-speaking countries: the USA and Canada .

Keywords: entrapment, sting, provocation, combating crime, legal treatment of acts of a provoked person.

В деле «Шерман против США» (1958) суд также счел невиновным в торговле наркотиками гражданина, дважды судимого за подобные преступления. При этом защита сделала акцент на его непредрасположенности к совершению преступления, а именно на то, что подсудимый не получил прибыль от продажи наркотиков, и при обыске у него в квартире они не были найдены. Суд в своем решении по делу отметил, что «для того, чтобы определить, была ли организована провокация, нужно четко различать ловушки, нацеленные на провокацию совершения преступления неосторожным добросовестным гражданином и неосторожным преступником» [2].

Однако в следующих аналогичных делах «США против Рассела» (1973) и «Хэмптон против США» (1976) выиграло обвинение, и, хотя, например, защита Рассела утверждала, что тайный агент правоохранительных органов поставил обвиняемому некоторые ингредиенты для изготовления наркотиков, и, тем самым, преступление стало «результатом творческой деятельности должностных лиц государства», суд по обоим делам посчитал, что подсудимые были в достаточной мере предрасположенными продавать наркотики

при любых обстоятельствах. Эти прецеденты положили начало субъективному принципу оценки провокации преступлений.

Необходимо отметить, что в судопроизводстве разных американских штатов используется два разных принципа оценивания ответственности граждан за совершение спровоцированных преступлений. Субъективный принцип (так называемый «субъективный тест»), как было показано выше, предполагает изучения вопроса, был ли преступник предрасположен к совершению преступления, то есть акцентируется внимание на его психологическом состоянии.

Объективный принцип («объективный тест») помогает оценить, превысила ли провокация преступления разумные пределы, приведя добропорядочного гражданина к совершению преступления [3]. Американские авторы указывают два примера, демонстрирующих разницу между переходом разумных пределов с манипуляцией свободной волей обвиняемых и отсутствием такового [4]. В первом случае, который произошел в 2006 году в Нью-Йорке, полицейские оставляли в городском метрополитене сумки и задерживали граждан, пытающихся их забрать. Во втором случае сотрудник, занимающийся изъятием водительских удостоверений у лиц, лишенных права управления транспортным средством, сообщал информацию о таких лицах своему коллеге, дежурившему около автостоянки возле здания суда. Второй полицейский задерживал нарушителей, севших за руль. В этих примерах видно отличие: в первом случае полицейские сами создавали у граждан намерение совершения преступлений, во втором они лишь задерживали лиц, у которых оно уже было сформировано.

В связи с тем, что в отличие от правила о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, «субъективный тест» не является обязательным для применения в судах штатов, они вольны использовать его, когда считают нужным. Утверждается, что судебные и законодательные органы 37 штатов склоняются к использованию субъективного теста, в то время как другие применяют объективный [5].

Канада. Верховный суд Канады принимает решения в апелляциях по делам, в которых провокации преступлений предлагается рассматривать в качестве оснований для освобождения уголовной ответственности, основываясь на трех основных прецедентах судебных решений: Амато против Королевы (1982), Мак против Королевы (1988), Барнс против Королевы (1991).

Суть первого дела «Амато против Королевы» (1982) [6] заключается в том, что полицейский агент под прикрытием и информаторы в течение двух месяцев неоднократно дома и на работе обращались к обвиняемому с просьбой о приобретении кокаина, пока последний не свел агента с поставщиком. Суд, отметив такие моменты, как отсутствие у обвинения желания и интереса в совершении преступления, с одной стороны, и обоснованность подозрений полицейских в его вовлеченности в торговлю наркотиками, с другой стороны, отклонил апелляцию подсудимого.

Однако во втором деле «Мак против Королевы» (1988) [7] лицо, подавшее апелляционную жалобу, выиграло дело. Обвиняемый в незаконном обороте наркотиков показал, что упорно в течение шести месяцев отказывал полицейскому осведомителю, но был вынужден продать ему наркотики в результате его настойчивости, воздействия угроз и большого количества денег. В своем постановлении Верховный суд обратил внимание, что суд первой инстанции видел в качестве основной задачи определение психологического состояния подсудимого и его предрасположенность к совершению преступления, то есть исходил из субъективной оценки виновности спровоцированного лица.

Однако если бы суд первой инстанции оценил действия полиции исходя из объективного критерия, то пришел бы к выводу, что полиция занималась склонением подозреваемого к совершению преступления. И хотя она имела все основания подозревать лицо, подавшее апелляцию, в участии в распространении наркотиков, вопрос следовало поставить следующим образом: не зашла ли полиция слишком далеко в своих стараниях. Ведь ее деятельность началась не в момент пресечения преступления: само преступление стало бы невозможным без ее участия. К моменту совершения правонарушения подсудимый достаточно время не употреблял наркотики и не вел преступный образ жизни. Длительность склонения, число обращений к нему полицейского осведомителя и, возможно, угрозы с его стороны также говорят о том, что полиция пошла дальше, чем просто обеспечила обвиняемому возможность распространения наркотиков.

Также Верховный суд не стал принимать во внимание тот факт, что окончательное согласие в участии в преступлении было получено после того, как обвиняемому показали деньги. Судья объяснил это тем, что подсудимый знал и раньше, что может получить прибыль от распространения наркотиков, но, тем не менее, в течение длительного времени отказывался от преступления. Далее, суд учел, что среднестатистический гражданин повел бы себя на месте подсудимого точно таким же образом. Принимая во внимание выше сказанное, суд принял решение удовлетворить апелляцию и прекратить процесс судопроизводства.

Фабула третьего дела «Барнс против Королевы» (1991) [8] гласит, что полиция города Ванкувер проводила операцию по задержанию при продаже наркотиков в районе Грэнвилл Молл. В ходе этой операции тайный агент полиции обратился к прохожему, который, как показал агент, по своему внешнему виду напоминал торговца наркотиками. После нескольких попыток обращения обвиняемый продал переодетому полицейскому смолу каннабиса, после чего был арестован.

Перед судом последней инстанции был поставлен вопрос, подвергся ли обвиняемый такому виду провокации, как «случайное тестирование добродетели» («randomvirtuetesting»). Необходимо отметить, что «случайное тестирование добродетели» имеет место только тогда, когда сотрудник полиции представляет гражданину возможность совершить преступление без обоснованных подозрений, что: а) гражданин уже занимается конкретной преступной деятельности или б) место его нахождения является также местом сосредоточения криминальной активности. По данному делу суд принял во внимание, что, во-первых, сотрудник

полиции не мог иметь обоснованных подозрений в адрес обвиняемого, так как ни манера одеваться, длина волос или еще какой-нибудь элемент внешнего вида, ни субъективное ощущение, догадки или интуиция не могут считаться основанием для подозрений. Во-вторых, суд поставил под сомнение обоснованность выбора конкретного района и времени операции по задержанию при продаже наркотиков. Также при определении того, какой вид провокации использовался, и какова степень виновности подсудимого, суд учел дополнительные факторы. Одним из них стал размер общественного вреда от преступления, а именно: меньший вред марихуаны по сравнению с такими «тяжелыми» наркотиками, как кокаин и героин, и небольшая сумма незаконной сделки. Вторым дополнительным фактором стало сомнение в целесообразности выбора такого вида оперативно-разыскных мероприятий, при котором затрагиваются интересы большого числа законопослушных граждан. В итоге, Верховный Суд Канады постановил прекратить судопроизводство по данному делу.

Таким образом, прецедентное право Канады выработало понятие о двух видах провокации преступлений, использование которых по-разному влияет на оценку виновности спровоцированного лица.

Первый вид провокации, так называемое «случайное тестирование добродетели» («randomvirtuetesting»), имеет место тогда, когда полиция дает возможность гражданину совершить преступление без обоснованного подозрения, что данное лицо либо место его нахождения связаны с расследуемой криминальной деятельностью. Если у полицейских действительно есть такое обоснованное подозрение, то считается, что они лишь предоставляют возможность совершения преступления.

Второй вид провокации преступления применяется тогда, когда полицейские выходят за рамки предоставления возможности для совершения преступления и фактически сами занимаются склонением к совершению преступления.

При определении того, какой вид провокации использовался, суд учитывает дополнительные факторы, а именно: является ли спровоцированное лицо средне-статистическим гражданином, каковы степень настойчивости и количество попыток склонения к совершению преступления, способ склонения к совершению преступления (например, мошенничество, обман или вознаграждение), а также наличие выраженных или подразумеваемых угроз. Вопрос о провокации рассматривается только после того, как суд сделает вывод о виновности подсудимого.

Список использованных источников

1. Мотивированное решение суда по делу «Соллерс против США» (1932). – Режим доступа: <http://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/287/435.html> (дата обращения: 02.04.2016).
2. Мотивированное решение суда по делу «Шерман против США» (1958). – Режим доступа: <http://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/356/369.html> (дата обращения: 02.04.2016).
3. Лопатин, Е.А. Провокация преступлений как способ борьбы с преступностью в работе полиции США / Е.А. Лопатин, Г.С. Шкабин // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности :

материалы регионального круглого стола (Рязань, 9 апреля 2015 г.) / под ред. Е.Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. – Рязань : Издательство «Концепция», 2015. – С. 62.

4. Newman, G., Socia, K. Sting Operations: Problem-Oriented Guides for Police. 2007. Series 1 No. 6 // Center for problem-oriented policing, U.S. Department of Justice. URL : http://www.popcenter.org/Responses/pdfs/sting_operations.pdf (дата обращения: 02.04.2016).

5. Цит. по: Paton, Scott C. The Government Made Me Do It: A Proposed Approach to Entrapment Under Jacobson v. United States. – Cornell L. R., 1994. – 79(45). – p. 995, 1002. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Entrapment#cite_note-Paton-19 (дата обращения: 08.04.2016).

6. Решение Верховного суда Канады по делу «Амато против Королевы» (1982). URL : <http://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/1982/1982canlii31/1982canlii31.html> (дата обращения: 08.04.2016).

7. Решение Верховного суда Канады по делу «Мак против Королевы» (1988). URL : <http://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/1988/1988canlii24/1988canlii24.html> (дата обращения: 08.04.2016).

8. Решение Верховного суда Канады по делу «Барнс против Королевы» (1991). URL : <http://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/1991/1991canlii84/1991canlii84.html> (дата обращения: 08.04.2016).

МИЛЮКОВ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ,

Профессор кафедры уголовного права
РГПУ им. А.И. Герцена,
доктор юридических наук, профессор,
старший советник юстиции

НИКУЛЕНКО АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ,

Заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Неиспользованные возможности уголовного кодекса России в противодействии коррупции

Аннотация. Работа посвящена проблемам уголовно-правового обеспечения борьбы с преступностью при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Особое внимание уделяется противодействию коррупции.

Ключевые слова: коррупция, обстоятельства, исключаящие преступность деяния, оперативно-разыскная деятельность, провокация преступления.

MILYUKOV SERGEY FEDOROVICH,

Professor of department of criminal law
RGPU of A.I. Herzen,
doctor of jurisprudence, professor,
senior adviser of justice

NIKULENKO ANDREY VYACHESLAVOVICH,
Deputy chief of department of criminal law
St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of jurisprudence, associate professor

**Unused opportunities of criminal
the code of Russia in counteraction of corruption**

Annotation. Work is devoted to problems of criminal legal support of fight against crime at implementation of investigation and search operations. Special attention is paid to counteraction of corruption.

Keywords: corruption; the circumstances excluding crime of act; investigation and search operations; provocation of the crime.

Проблемы противодействия коррупции и коррупционным преступлениям выходят на современном этапе развития общества на принципиально новый уровень. Дело в том, что коррупция во все большей степени приобретает злокачественный характер, угрожая самому существованию России, как суверенной державы [1, с.121–124; 2, с. 109–110].

Выступая на заседании Совета по противодействию коррупции 26 января 2016 г. Президент РФ В. Путин отметил, что «Сложившееся за последние годы антикоррупционное законодательство и практика его применения отвечают мировым стандартам. Выявить коррупционные схемы теперь можно на любом уровне. За 9 месяцев 2015 года по уголовным делам о коррупции осуждено свыше 8800 человек и почти 11 тысяч должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности за нарушение антикоррупционных стандартов» [3].

11 февраля 2016 г. подвели итоги работы Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Москве. В 2015 году в суды направлено дела в отношении сразу 600 лиц, обвиняемых в совершении коррупционных преступлений. Всего в минувшем году следователям подразделений ГСУ поступило 1614 сообщений о преступлениях коррупционной направленности. Более 1200 из них поступили из полиции, 34 – от ФСБ. По итогам доследственных проверок следователями были возбуждены 744 уголовных дела, из которых 518 направлено в суд. По направленным в суд уголовным делам привлечено 594 лица (в 2014 году–790), в том числе 159 сотрудников органов внутренних дел (в 2014 году–80), 11 сотрудников Минздрава, 17 сотрудников Минобрнауки, 30 сотрудников Минюста, один сотрудник прокуратуры, 52 сотрудника государственных, муниципальных учреждений и предприятий и три адвоката [4].

В российском уголовном праве нормативно закреплены понятия «организованная группа», и «преступное сообщество», относящиеся к сложным формам соучастия. Криминология же оперирует понятием «организованная

преступность». Они далеко не тождественны. В уголовном праве это понятие сужено до рамок ст. ст. 35, 209, 210 УК РФ. В криминологии оно означает еще и социальное явление, и особый характер связей между соучастниками, и своеобразную субкультуру [5, с. 5–6].

Отмечается качественно новые свойства, которые приобретает совместная преступная деятельность, особенно если она носит организованный характер [6, с. 38]. Известный исследователь организованной преступности В.С. Овчинский отмечает, что она напоминает сеть социальных связей в обществе [7, с. 357]. Другой известный криминолог – Я.И. Гишинский – обоснованно полагает, что она встроена в социальную систему, оказывая существенное влияние на экономику и политику [8, с. 268].

«Система организованной преступности рекрутирует новые элементы не только из общеуголовной преступности, но и из числа лиц, не входивших ранее криминальную сферу...» [5, с. 131]. К таковым, в частности, относятся сотрудники т.н. «силовых структур» госаппарата. «Исследования независимых общественных организаций показывают, что слияние криминала и правоохранительных органов приобрело повальный характер. Отмечается даже, что для назначения на ключевые (и не только – *С.М., А.Н.*) посты в правоохранительных органах, в первую очередь, необходимо пройти согласование с криминалом» [5, с. 133].

Так, 26 февраля 2016 г. Президент РФ, выступая на Коллегии ФСБ поставил перед службой задачу – обеспечить экономическую безопасность. За 2015 год была пресечена деятельность 98 группировок, осуждено 2200 человек за экономические преступления. Президент призвал активизировать работу, сосредоточить усилия на борьбе с коррупцией, хищениями – прежде всего, по госпрограмме вооружения и в сфере гособоронзаказа [9].

Уже на Коллегии МВД, состоявшейся 15 марта 2016 г. Министр внутренних дел В. Колокольников рассказал, что в прошлом году задокументировано около тысячи фактов взяточничества в крупном и особо крупном размере. А всего в 2015 году задокументировано более 13 тысяч фактов взяточничества [10].

Известны такие формы коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел:

1. Стабильные традиционно сложившиеся коррупционные отношения (коррупционный симбиоз):

– «плановое» долговременное участие руководства органов внутренних дел в получении части прибылей структур теневой экономики, а также существующих на легальной основе производственных, торговых и обслуживающих население коммерческих организаций, реже – государственных и муниципальных предприятий;

– систематическое получение взяток с лиц, совершивших преступления, в размерах традиционно сложившихся «тарифов» в целях неправомерного освобождения от уголовной ответственности либо ее смягчения;

– таксированные взятки за неправомерное смягчение режима физической и информационной изоляции, предоставление не основанных на законе разнообразных льгот и привилегий задержанным, арестованным и осужденным.

2. Противоправная оперативно-поисковая деятельность. Вопреки положениям Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. и ведомственным нормативным актам, определяющим задачи и принципы осуществления этой деятельности, корыстно ориентированные сотрудники органов внутренних дел в ходе несанкционированных руководством действий, личным сыском или через негласный аппарат внештатных сотрудников, выявляют лиц, совершающих преступления вступают с ними в сговор либо шантажируют их (облагают своего рода «данью»).

Важно иметь в виду, что коррупция и организованная преступность иного рода тесно взаимосвязаны. Именно наличие угрозы общественной безопасности, которую создают факты взяточничества в целом, а также проблематичность их выявления и пресечения другими способами, являются оправданием оперативных мероприятий, в ходе которых лицо, осуществляющее оперативно-разыскную деятельность, внешне выполняет роль инициатора конкретного коррупционного преступления. Формальное нарушение закона является здесь «элементом борьбы за право», а особенность такой ситуации заключается в том, что лицо, участвующее в проведении оперативного эксперимента, действует профессионально, выполняя свой служебный долг. Иными словами, в данном случае провоцирование активности уже сформировавшегося коррупционера представляет собой частный случай крайней необходимости [11]. Провокация в таких случаях является по существу единственно возможным способом уличить взяточника в его противоправной деятельности, недопущения совершения новых, более тяжких преступлений, причем не только коррупционных. Практика показывает, что разложившиеся чиновники тесно связаны с бандитскими (гангстерскими формированиями) и легко идут на «устранение» конкурентов и честных служащих закона. Поэтому провокация в таких случаях может являться обстоятельством, исключающим преступность деяния [12, с. 244; 13].

Впрочем, развиваемые мысли порой вызывают категорическое возражения некоторых ученых. Так, профессор Б.В. Волженкин указывал, что столь широкое понимание крайней необходимости не основано на законе, открывает безграничные возможности для злоупотреблений и произвола, использования провокации и иных незаконных методов борьбы с преступностью [14].

Для успешной борьбы с коррупцией и, прежде всего, взяточничеством, которое является наиболее характерным, опасным и распространенным проявлением коррупции [15, с. 166], требуется весь арсенал средств, имеющихся в Уголовном кодексе [16, с. 13–16].

Мы уже упоминали, что глава 8 УК РФ содержит в себе норму о крайней необходимости, которая могла бы лечь в основу действий, совершаемых при пресечении указанных преступлений. Однако невысокий и имеющий тенденцию к дальнейшему снижению уровень правовой подготовки требует создания специальных норм, закрепляющих полномочия должностных лиц в этой сфере. Такой подход уже известен отечественной науке уголовного права, а также зарубежному законодательству.

В первую очередь, таким обстоятельством может выступать проведение оперативно-разыскных мероприятий. Так, согласно ч. 4 ст. 16 Закона РФ «Об ОРД» от 12 августа 1995 г. «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга». Очевидно, что указанный Закон [17, с. 65–69] допускает совершение, в том числе общественно опасных деяний, отнюдь не формально содержащих признаки какого-либо преступления, однако УК России по этому поводу молчит.

В связи с этим П.В. Агапов предлагает ввести в УК РФ новую статью 42¹ «Выполнение специального задания по пресечению либо раскрытию деятельности организованной группы или преступного сообщества» [18], против чего выступает профессор В.В. Вандышев, неосновательно, на наш взгляд, полагая, что в указанных случаях может использоваться крайняя необходимость [19, с. 453–457]. А В.И. Омигов выступает вообще против включения в действующий УК России иных обстоятельств, исключающих преступность деяния [20, с. 36–44].

В настоящее время, чтобы уличить взяточника требуется не просто санкционирование такого оперативно-разыскного мероприятия судьей, но и получение от него «индульгенции» на случай провала такой операции (чиновник что-то заподозрил, отказался брать взятку и вызвал других полицейских – налицо, покушение на дачу взятки со стороны сотрудников правоохранительных органов или их доверенных лиц, в том числе, заявивших о взятке и согласившихся участвовать в передаче денег) [21, с. 301–313].

Поэтому, давно назрела необходимость появления указанной нормы в Уголовном кодексе РФ [22, с. 209–216; 23, с. 60–67; 24, с. 5–15; 25, с. 87–92]. На наш взгляд, для успешного осуществления оперативной работы, выявления и задержания виновных, предупреждения и пресечения преступлений, в том числе коррупционной направленности, следует законодательно предусмотреть права должностных лиц, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. Это позволит шире использовать оперативное внедрение в организованные преступные группы с целью их последующего задержания и изобличения в содеянном.

Именно таким образом поступил украинский законодатель, предусмотрев в ст. 43 УК Украины соответствующую норму – «Выполнение специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации». Причем уголовная ответственность в таких случаях может наступать лишь при совершении умышленных особо тяжкого или тяжкого преступления, связанных с насилием над потерпевшим, причинением тяжкого вреда здоровью или наступлением тяжких последствий (ч. 2 ст. 43). Кроме того, за указанные действия не может быть назначено пожизненное лишение свободы, а максимальный размер превышать половину наиболее строгого вида наказания (ч. 3 ст. 43).

Аналогичные нормы есть в УК Казахстана – ст. 34¹ «Проведение оперативно-разыскных мероприятий», Республики Беларусь – ст. 38 «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию», Литовской Республики – ст. 32 «Исполнение задания правоохранительной инстанции». Об исполнении долга или обязанностей, указанных в законном распоряжении властей, говорят как об обстоятельстве, исключаящем преступность деяния, УК Австралии, Аргентины, Бельгии, Голландии, Франции.

Некоторые ученые предлагают включить в состав главы 8 УК такое обстоятельство, как провокация, дополнив ее «ст. 39¹ УК – правомерная провокация» [26, с. 237–240]. С. Радачинский предложил и текст соответствующей нормы [27, с. 17–173; 28, с. 72–73; 29, с. 64–69]. О возможности законодательного закрепления указанного обстоятельства говорим и мы, памятуя при этом о составе преступления, предусмотренном ст. 304 УК РФ [30, с. 491; 31, с. 3–8; 32, с. 5]. В тоже время, обращаясь к зарубежному опыту, побороть коррупцию, которая стала бичом современной России, возможно только ужесточением законодательства и использованием новых нетрадиционных методов противодействия ей. В том числе путем использования т.н. «Полиграфа» и провокационных действий.

Подводя итог, позволим себе предложить исключить из УК России норму, предусмотренную ст. 304, как не соответствующую реалиям сегодняшнего дня и собственный проект нормы о правомерной провокации.

«Статья 39¹. Правомерная провокация

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате правомерной провокации для изобличения виновного в совершении преступления и пресечения возможности совершения им новых общественно опасных деяний, если иными средствами изобличить такое лицо (лиц) в данной ситуации не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и степени общественной опасности совершенного им деяния и личности виновного.

2. При оценке правомерности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам учитываются, наряду с характером и степенью общественной опасности совершенного деяния, личность, способы уклонения от ответственности, разумная необходимость в причинении вреда для достижения це-

лей провокации и иные обстоятельства, связанные с фактом осуществления провокационных действий.

3. Превышением пределов правомерной провокации признается причинение вреда, явно несоответствующего характеру и степени угрожавшей опасности совершенного (совершаемого) провоцируемым лицом деяния. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

4. Положения частей 1-3 настоящей статьи в полной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки или служебного (должностного) положения. В случае противоречия содержания норм других законодательных или подзаконных нормативных актов применяются положения настоящей статьи».

Сказанным не исчерпывается весь спектр проблем, связанных с нестандартными способами борьбы с коррупцией и накрепко связанными с ней экономическими и иными правонарушениями. Немало особенностей таит в себе необходимая оборона от названных посягательств и задержания лиц их совершивших. Но это уже тема для следующих публикаций.

Список использованных источников

1. Милюков, С.Ф. Уголовное наказание в системе мер противодействия коррупции в России / С.Ф. Милюков, А.В. Савченков // Диалектика противодействия коррупции. – Казань, 2014.

2. Милюков, С.Ф. Конфискация как вид наказания за коррупционные преступления / С.Ф. Милюков, А.В. Савченков // Диалектика противодействия коррупции. – Казань, 2015.

3. Российская газета. – 2016. – 26 янв.

4. Российская газета. – 2016. – 11 февр.

5. Топильская, Е.В. Криминология организованной преступности : в 2 т. – Т. 1. Части Общая и Особенная : монография / Е.В. Топильская. – СПб., 2015.

6. Безбородов, Д.А. Методологические основы учения об уголовной ответственности за совместное преступное деяние : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Д.А. Безбородов. – СПб., 2007.

7. Овчинский, В.С. Организованная преступность / В.С. Овчинский // Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 3-е изд. – М., 2006.

8. Гишинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гишинский. – 2-е изд. – СПб., 2009.

9. Российская газета. – 2016. – 26 февр.

10. Российская газета. – 2016. – 15 марта.

11. Яни, П.С. Провокация взятки / П.С. Яни // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 1.

12. Михайлов, В.И. О нормативном регулировании борьбы с преступностью : / В.И. Михайлов // Теория, методология и практика таможенного дела : сб. науч. тр. – Ч. 2. – М., 1996.

13. Говорухина, Е.В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Говорухина – Ростов н/Д, 2002.

14. Волженкин, Б. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? / Б. Волженкин // Российская юстиция. – 2001. – № 5.
15. Волженкин, Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики / Б.В. Волженкин. – СПб., 2005. – С. 166.
16. Шкабин, Г.С. Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы взаимосвязей / Г.С. Шкабин // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: материалы регионального круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е.Н. Билоуса, Г.С. Шкабина. – Рязань, 2015.
17. Железняк, Н.С. «Острые углы» Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» / Н.С. Железняк // Научный портал МВД России. – 2008. – № 2. – С. 65–69.
18. Агапов, П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности: монография. / П.В. Агапов. – СПб.: СПб ун-т МВД РФ, 2011.
19. Вандышев, В.В. Рецензия на монографию Агапова П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности / В.В. Вандышев // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 1.
20. Омигов, В.И. Обстоятельства, исключают преступность деяния / В.И. Омигов // Научный портал МВД России. – 2008. – № 3. – С. 36–44.
21. Милюков, С.Ф. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние / С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко. – СПб.: Юридический центр, 2015.
22. Петровский, А.В. Оперативно-разыскная деятельность и обстоятельства, исключают преступность деяния / А.В. Петровский // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: сб. науч. тр. – М.; Ставрополь, 2007.
23. Исиченко, А.П. Новеллы в оперативно-разыском и милицейском законодательстве / А.П. Исиченко // Научный портал МВД России. – 2009. – № 4 (8).
24. Астафьев, Ю.В. Уголовно-правовые границы допустимого поведения сотрудников оперативно-разыскных органов и их доверенных лиц в процессе производства ОРМ / Ю.В. Астафьев // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. тр. Воронеж. гос. ун-та. – Воронеж, 2009.
25. Крапива, И.И. Соблюдение законности в оперативно-разыскной деятельности и провокация / И.И. Крапива // Журнал российского права. – 2009. – № 3. – С. 87–92.
26. Сидоренко, А.В. Организация деятельности оперативных подразделений ОВД по противодействию коррупции / А.В. Сидоренко // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 20–21 октября 2011 г. – СПб.: СПбУ МВД РФ, 2011.
27. Сандаковский, С.А. Правовая природа провокации и меры борьбы со взяточничеством / С.А. Сандаковский // Российский криминологический взгляд. – 2008. – № 2.

28. Радачинский, С. Юридическая природа провокации преступления / С. Радачинский // Уголовное право, 2008. – № 1.

29. Радачинский, С. Провокация как обстоятельство, исключающее преступность деяния / С. Радачинский // Уголовное право, 2009. – № 2.

30. Милюков, С.Ф. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. – СПб., 2009.

31. Комиссаров, В.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки / В.С. Комиссаров, П.С. Яни // Законность. – 2010. – № 9.

32. Парог, А.И. Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы / А.И. Парог // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф., 27–28 января 2011 г. – М., 2011. – С. 5.

ПЕТРАШЕВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА,

Докторант

Ростовского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук

**Социально-правовое назначение «мнимого соучастия»
в форме выполнения специального задания органа,
осуществляющего оперативно-разыскную деятельность**

Аннотация. Рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки действий лица, внедренного в преступные формирования.

Ключевые слова: мнимое соучастие, оперативное внедрение, правомерный вред.

Petrasheva Natalya Valeryevna,

Doctoral candidate of the Rostov legal institute

Ministry of Internal Affairs of Russia

candidate of jurisprudence

Social and legal purpose of «imaginary partnership» in the form of accomplishment of the special task of the body performing operational search activity

Annotation. Questions of the criminal legal treatment of actions of the face implemented in criminal formations are considered.

Keywords: imaginary partnership; operational implementation, lawful harm.

Комплекс вопросов, связанных с необходимостью учета социально-экономических факторов в формировании уголовно-правовых норм многогранен

[1; 2; 3; 4; 5, с. 22]. Толкование социальной функции уголовного закона не игнорирует того очевидного факта, что система норм, запретов, велений – сфера общественного должностования – отражает потребности любой социальной структуры, строя, общества в регулировании поведения индивидов. Непременным признаком каждого общества является определенный в нем нормативный порядок, а нарушения нормативного порядка выступают в разных формах поведения, отклоняющегося от требований правовых и вообще социальных норм в целом [6, с. 95].

Совершенствование правовой системы важная и необходимая задача любого государства, однако, не всегда она достигается исключительно нормотворчеством. Актуальным представляется нам изучение эффективности уже существующих законодательных и доктринальных позиций, анализ их воздействия на общество в целом и отдельно взятые личности. Зачастую, в результате отсутствия внутренней согласованности и бессистемности уголовного закона практика констатирует трудности в процессе применения отдельных уголовно-правовых норм, а некоторые статьи Уголовного кодекса признают малоэффективными. Отмечая отсутствие целостности в системе, первичными элементами которой выступают уголовно-правовые нормы и институты, мы сталкиваемся, в том числе и с проблемой урегулирования конфликтов, находящихся на стыке различных отраслей права.

Так, в статье 16 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» гарантирующей социальную и правовую защиту должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, содержится норма в соответствии с которой, при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга. Сущность данной социально-полезной деятельности и регламентация ее последствий, в целях консолидации предписаний, регулирующих уголовно-правовые отношения, должна получить должное отражение непосредственно в УК РФ. Каким образом целесообразно устранить существующий пробел в законе однозначного мнения не выработано, но те предложения, которые изложены на страницах научных публикаций можно условно объединить по следующим направлениям.

Так, вопрос уголовно-правовой оценки правомерности причинения вреда при выполнении возложенных законом профессиональных обязанностей по мнению одних авторов урегулирован нормами, получившими закрепление в гл. 8 УК РФ [7, с. 7–9]. Ряд авторов, не соглашаясь с обозначенной позицией приходит к выводу о целесообразности рассмотрения указанной проблемы и предлагают пути расширения перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния [8, с. 51–54; 9, с. 100–104; 10, с. 69–65; 11, с. 111].

При выполнении ряда ОРМ вполне допустима ситуация в которой лицо, под непреодолимым давлением полученного оперативного задания совершает деяние, формально подпадающее под признаки того или иного состава преступления, однако виновность как общее основание уголовной ответственности отсутствует, так как имеют место обстоятельства, признанные законом исключаящими вину. К таким обстоятельствам, наилучшим способом обеспечивающим эффективную оперативную работу органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность и граждан, оказывающих им содействие, следует добавить в главу 8 Уголовного кодекса Российской Федерации статью о «мнимом соучастии», с четким установлением пределов действий оперативного сотрудника или гражданина оказывающего ему содействие. Говоря об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния в целом, важно отметить, что данный правовой институт служит гарантом обеспечения достижения целей уголовного законодательства, поэтому вопрос о социально-правовом назначении «мнимого соучастия» в контексте ст. 8 УК РФ должен рассматриваться в двух аспектах: в совокупности всех юридических норм, обеспечивающих реализацию этого права и с учетом индивидуальной его специфики.

Принимая во внимание комплексный межотраслевой характер нормативно-правовой основы большинства обстоятельств, исключаящих преступность деяния, регламентированных в гл. 8 УК РФ, С.В. Пархоменко полагает, что в рамках уголовного закона перед нормами этой главы стоит одна-единственная и общая цель – в дополнение к ст. 14 УК РФ отграничить преступное от непроступного. В социально-правовом же смысле большинство норм имеют свое назначение [12, с. 18]. «Мнимое соучастие», будучи отдельным самостоятельным обстоятельством, исключаящим преступность деяния, не представляет собой исключение. Имея межотраслевую юридическую природу, будучи регламентированным Законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны в результате выполнения специального задания органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность объективно соответствует материалу гл. 8 УК РФ. Состояние внешнего принуждения, присутствующее при причинении вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга, влекущей за собой нарушение уголовного законодательства объективно представляет собой опасность, но исключает наличие общественной опасности. Опасность содеянного для общества необходимо оценивать не столько по фактически наступившим последствиям, сколько в социальных издержках, которые наступают в результате преступного посягательства, подрывают интересы общества в целом, а также интересы отдельных его индивидов. Следовательно, сущность общественной опасности П.А. Феллов видел в самом факте нарушения уголовно-правового запрета, в таких его свойствах, которые не только противоречат интересам общества в данный момент, но и вызывают угрозу повторения подобных нарушений в будущем [13, с. 136]. Объективно вред причинен, но деятельность по причинению вреда не содержит признаков «человеческой практики», не заключает в себе ценностной ориентации и не способна служить прецедентом для повторения подобных действий в будущем. Под «человеческой практикой» П.А. Феллов подразумевал конкретную деятельность людей, их воздействие на тот или иной объект с целью его пре-

образования для удовлетворения своих потребностей [13, с. 136]. В случае осуществления оперативного задания, сопряженного с вынужденным посягательством на объект уголовно-правовой охраны, сотрудник не действует ради удовлетворения своих потребностей, а направляет свою волю на достижение социально полезного результата своей оперативной деятельности. Таким образом, указанная деятельность опасна, но не общественно опасна, а значит, меры борьбы должны быть сопряжены не с общественным порицанием совершенного, а с естественными мерами, таким как усиление предосторожности в процессе работы, сведении к минимуму возможности причинения вреда, использование любой возможности достичь целей оперативного задания, не посягая на объекты уголовно-правовой охраны. Отсюда и деятельность, внешне подпадающая под признаки соучастия, таковое не образует, так как нельзя считать полноценным соучастием, когда лицо хотя и совершает совместные действия, но при этом преследует противоположные, социально полезные цели своего деяния [14, с. 15–16]. С аналогичным предложением на страницах периодической печати выступил А. Савинский, который отметил, что наилучшим способом обеспечить эффективную агентурную разработку преступных структур позволит законодательное признание в российском уголовном праве института мнимого соучастия [15, с. 32; 16, с. 57]. Данный правовой институт получил отражение в доктрине уголовного права, опираясь на которую можно сделать ряд существенных комментариев. Во-первых, термин «мнимое» подразумевает под собой – притворный, кажущийся, ложный характер поведения [17, с. 305]. «Мнимое соучастие» – это притворное (ложное) умышленное вынужденно-совместное участие лица в совершении умышленного преступления с другим лицом (лицами). При оперативном внедрении вынужденное причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны может возникнуть только при условии склонения внедренного сотрудника к непосредственному совершению преступления, либо к содействию в его совершении в качестве физического или интеллектуального пособника. Следовательно, внешне поведение конфиденнта очень похоже на соучастие в преступлении, на действия исполнителя (соисполнителя). Однако в силу крайней необходимости участие конфиденнта в преступлении – это лишь имитация преступного поведения. Поэтому он не подпадает ни под один из этих видов соучастников. Подобное поведение конфиденнта определяет границы дозволенных действий применительно к учению о соучастии. Иными словами, конфиденнт не может одновременно быть организатором преступления и действовать правомерно в условиях крайней необходимости. С точки зрения социальных интересов бессмысленно внедрять (вводить) в криминальную среду «организатора» преступной группы, чтобы в дальнейшем бороться с действиями такой группы. Конфиденнт не может с правовой точки зрения выполнять и роль подстрекателя и действовать в то же время правомерно. Он не может, оправдываясь состоянием крайней необходимости, склонять другое лицо к совершению преступления путем уговоров, просьб, подкупа или угроз, то есть умышленно возбудить решимость или намерение совершить общественно опасное деяние [18, с. 14]. Независимо от фактической роли, выполненной в составе организованной преступной группы или преступного сообщества, все ее участники несут уголовную ответственность как соисполнители преступления.

С учетом изложенного на наш взгляд правильнее было бы изложить статью «Мнимое соучастие», в форме выполнения специального задания следую-

щим образом: «Уголовная ответственность сотрудников органов, имеющих право на осуществление оперативно-разыскной деятельности, иных сотрудников, а также граждан оказывающих содействие ОВД, на основании постановлений, утвержденных в установленном порядке уполномоченным лицом, при выявлении, пресечении подготавливаемого или совершаемого тяжкого или особо тяжкого преступления, исключается, при условии вынужденного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам лица, предприятия или учреждения, в том числе третьим лицам, если эти лица действовали в состоянии «мнимого соучастия» в форме выполнения специального задания органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность [18, с. 141].

Список использованных источников

1. Алексеев, С.С. Социальная ценность права в советском обществе / С.С. Алексеев. – М., 1971.
2. Кудрявцев, В.Н. Социологический аспект преступления // Вопросы борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – Вып. 18. – М., 1973.
3. Тоболкин, П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм / П.С. Тоболкин. – Свердловск, 1983.
4. Саидов, А.Х. Социология права как наука и учебная дисциплина / А.Х. Саидов // Право и политика. – 2007. – № 1.
5. Бабаев, М.М. Предпосылки понимания преступности как процесса / М.М. Бабаев // Современные проблемы уголовной политики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 23 сентября 2011 г. : в 2 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2011. – Т. 1.
6. Яковлев, А.М. Социальные функции процесса криминализации / А.М. Яковлев // Советское государство и право. – 1980. – № 2.
7. Шкабин, Г.С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.С. Шкабин. – М., 2004.
8. Михайлов, В. Выполнение профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния / В. Михайлов // Уголовное право. – 2002. – № 2.
9. Рабаданов, А.С. Выполнение специального задания как обстоятельство, исключающее преступность деяния / А.С. Рабаданов // Правовая культура. – 2011. – № 1 (10).
10. Радченко, Е.В. Причинение вреда при выполнении специального задания в уголовном законодательстве зарубежных стран / Е.В. Радченко // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 4 (59).
11. Нугуманов, А.Р. К вопросу об организации преступного сообщества и участия в нем / А.Р. Нугуманов // Пробелы в российском законодательстве, 2015. – № 6.
12. Пархоменко, С.В. Социально-правовое назначение нормативной основы обстоятельств, исключающих преступность деяния / С.В. Пархоменко // Российский судья. – 2004. – № 3.
13. Фефелов, П.А. Общественная опасность преступного деяния / П.А. Фефелов // Советское государство и право. – 1977. – № 5.

14. Шкабин, Г.С. Применение уголовного закона при проведении оперативно-го внедрения: методические рекомендации. – Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2014.

15. Савинский, А.В. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключающее преступность деяния / А.В. Савинский // Законность. – 2005. – № 10.

16. Савинский, А.В. О перечне обстоятельств, исключающих преступность деяния / А.В. Савинский // Российская юстиция. – 2014. – № 5.

17. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под редакцией Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М. : Русский язык. 1984.

18. Шкабин, Г.С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.С. Шкабин. – М., 2004.

19. Билык, В.И. «Мнимое соучастие» как обстоятельство, исключающее преступность деяния должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и лиц оказывающих им содействие / В.И. Билык, Н.В. Петрашева // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 1.

ПЕТРЯНИН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

Профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Уголовно-правовые аспекты оперативно-разыскной характеристики преступлений экстремистской направленности: особенности определения признаков экстремистского сообщества

Аннотация. В статье рассматривается значение уголовного права в формировании полноценной оперативно-разыскной характеристики преступлений экстремистской направленности, на примере установления признаков экстремистского сообщества. Предложена авторская идея по снятию коллизий в определении признаков экстремистского сообщества.

Ключевые слова: экстремизм, сообщество, признак, преступление, характеристика.

PETRYANIN ALEXEY VLADIMIROVICH,

Professor of department
of the criminal and criminal and executive law
of the Nizhny Novgorod academy Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of jurisprudence, associate professor

Criminal law aspects of operational-investigative characteristics of extremist crimes: peculiarities of the definition of signs of extremist community

Abstract: The article discusses the importance of criminal law in the development of the full operational-investigative characteristics of extremist crimes on

the example of the establishing of the signs of extremist community. The author suggests the idea which removes the collisions of the signs of extremist community.

Keywords: extremism, community, sign, crime, feature.

Существенный рост экстремистской активности, требует переоценки угроз этого явления, и переработки концепций по содержанию оперативно-разыскной характеристики преступлений экстремистской направленности. Уголовно-правовые аспекты, в развитии данного направления имеет существенное значение, так как оперативно-разыскная характеристика включает в себя целый комплекс признаков неразрывно связанных между собой, в том числе и уголовно-правовых.

Именно по этому, решение данного вопроса лежит в плоскости раскрытия признаков конкретного состава преступления, характеристике квалифицирующих признаков и особенностям квалификации деяния.

Одним из проблемных в этой области, является вопрос установления признаков экстремистского сообщества. Отметим, что термин «сообщество» упоминается как в нормах Общей части УК РФ (например, ч. 4 ст. 35 УК РФ), так и в статьях Особенной части уголовного закона (например, ст. 205⁴, 210 и 282¹ УК РФ). Логика подсказывает, что использование одного и того же термина в разных статьях уголовного закона предполагает одинаковое содержание характеризующих его признаков. Однако в нашем случае это правило не срабатывает.

Исследование признаков преступного сообщества, закрепленных как в статье 210, так и в части 4 статьи 35 УК РФ, позволяет констатировать, что законодатель употребляет как синонимичные категории термины *преступное сообщество* и *преступная организация* [1, с. 18–21]. Между тем в доктрине существует и другой подход, в соответствии с которым эти понятия различаются [2, с. 60–61]. Так, А.Н. Мондохонов под преступной организацией понимает объединение организованных групп, а под преступным сообществом – объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для осуществления преступной деятельности. По его мнению, такая дифференциация позволит правоприменителю четко определять указанные формы соучастия и правильно квалифицировать преступные деяния организаторов, руководителей и участников [3, с. 35–37].

Этимология данных категорий и их толкование в доктрине указывает на то, что содержание понятия «организация» включает в себя организованное, планомерное и продуманное устройство, а также внутреннюю дисциплину, а «сообщество» – это объединение людей, имеющих общие интересы, цели [4, с. 392, 649].

Как видим, указанные выше понятия принципиально отличаются, поэтому вряд ли их можно считать синонимами. На наш взгляд, совместную организованную преступную деятельность следует определять термином «сообщество».

Отметим, что одним из признаков преступного сообщества (преступной организации) является совершение в ее составе только тяжких или особо тяжких преступлений. Однако в статье 282¹ УК РФ этот признак отсутствует,

а имеется лишь указание на то, что экстремистское сообщество создается для совершения одноименной группы деяний. Это дает основание полагать, что в рамках ст. 282¹ УК РФ возможно совершение преступлений любой категории тяжести. Такое законодательное решение, является более правильным, нежели то, которое отражено в части 4 статьи 35 УК РФ и в статье 210 УК РФ. Хотя, С.А. Юдичева, выявив такое противоречие, считает, что экстремистское сообщество может выступать в качестве самостоятельной организованной формы преступной деятельности только в случае совершения тяжких и особо тяжких преступлений. С ее точки зрения, это четко будет указывать на то, что положения ч. 4 ст. 35 и ст. 282¹ УК РФ соотносятся как общая и специальная норма [5, с. 182–193].

Как конкуренцию части и целого предлагает соотносить экстремистское сообщество и банду А.Г. Хлебушкин, аргументируя свое мнение тем, что рассматриваемые формы соучастия являются лишь разновидностями организованной группы [6, с. 21–25].

Исследовав существующие дискуссии по обозначенной проблеме, хотелось бы еще раз подчеркнуть необходимость унификации российского уголовного законодательства, в том числе и при использовании идентичных дефиниций. Полагаем, что термин «сообщество» как в рамках ч. 4 ст. 35, так и ст. 282¹ УК РФ должен иметь единый смысл. Поэтому из ч. 4 ст. 35 УК РФ необходимо исключить указание на категории деяний, поскольку определять качество криминальной деятельности преступного сообщества (преступной организации) через призму тяжести совершаемых преступлений – некорректно [7, с. 39].

Еще одной особенностью построения как статьи 282¹, так и ст. 205⁴ УК РФ, отличающих их от схожих норм, является указание на то, что экстремистское сообщество и террористическое сообщество являются разновидностью организованной группы, что вытекает из законодательной формулировки. Хотя, по мнению П.С. Яни, это указывает лишь на структурированность преступного сообщества [8, с. 11–16], а В.М. Быков считает, что об этом свидетельствует профессионализм преступной деятельности [9, с. 18–21].

Не совсем определенной представляется позиция в этом вопросе В.П. Кашепова, который считает, что экстремистское сообщество является преступным сообществом, но при этом не обладает его основными признаками [10, с. 32]. Представляется, что если указанный автор констатирует отсутствие признаков, объединяющих экстремистское и преступное сообщество, то они как минимум не могут рассматриваться как общее и часть, что делает высказанную точку зрения весьма дискуссионной.

Некоторые ученые, исходя из буквального толкования диспозиции статьи 282¹ УК РФ, делают вывод о том, что экстремистское сообщество является разновидностью организованной группы, апеллируя при этом уровнем общественной опасности преступлений (ст. 15 УК РФ) и вложенными в него законодателем признаками [11, с. 195; 12, с. 12–15]. Полагаем, что констатация

различий в наказаниях, указанных в санкциях статей 205⁴, 210 и 282¹ УК РФ, не может быть безусловным основанием отнесения экстремистского или террористического сообщества к разновидности организованной группы.

Противоречивостью отличается подход к решению данного вопроса С.Н. Фридинского. В частности, предлагая авторскую редакцию статьи 282¹ УК РФ, он исключил из ее диспозиции словосочетание «организованная группа», однако в примечании к ней автор, формулируя понятие экстремистского сообщества, указывает, что им следует считать структурированную организованную группу или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности [13, с. 11]. Как видим, в этой дефиниции автор относит экстремистское сообщество к разновидности организованной группы, признаки которой закреплены в части 3 статьи 35 УК РФ.

На наш взгляд, анализ законодательной формулировки, отраженной в статье 282¹ УК РФ, позволяет констатировать, что преступное сообщество (преступная организация) – это самостоятельная разновидность соучастия, а экстремистское сообщество – лишь разновидность организованной группы. Из этого вытекает, что при установлении признаков экстремистского сообщества следует исходить из положений, закрепленных в части 3 статьи 35 УК РФ. Однако с таким законодательным решением мы категорически не согласны по причине различного уровня общественной опасности названных форм соучастия.

Анализ судебной практики по вопросу определения признаков экстремистского сообщества показал, что суды достаточно часто рассматривают и устанавливают его признаки через призму преступного сообщества. Например, в соответствии с Определением Верховного Суда РФ от 26 августа 2010 года № 9-О10-40 признаками экстремистского сообщества являются его организованность, включающая в себя совокупность таких элементов, как наличие устава, руководителя, наличие определенной структуры, символики, дисциплины, системы мер воздействия на ее нарушителей [14].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», закрепляя понятие экстремистского сообщества, также исключило из предлагаемой дефиниции словосочетание «организованная группа», предложив рассматривать в качестве такового «устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений. При этом экстремистское сообщество может состоять из структурных подразделений (частей)» [15].

Продолжая аргументацию вышеизложенных выводов, полагаем, что Верховный Суд РФ в анализируемом Постановлении не в полной мере отразил сущность экстремистского сообщества, отметив лишь некоторые из его

признаков. Причем они практически в полном объеме повторяют те, которые закреплены в части 3 статьи 35 УК РФ, определяющие организованную группу. Исключением является лишь выделение такого обязательного признака, как наличие организатора (руководителя). Хотя именно он и указан в качестве конструктивного в дефиниции, определяющей понятие преступного сообщества (преступной организации), в части 4 статьи 35 УК РФ. Такое положение не дает однозначного ответа на вопрос, в качестве какой формы соучастия рассматривается экстремистское сообщество. В.М. Быков совершенно справедливо отметил, что реализуемый законодательный подход указывает на потерю всякого юридического смысла разграничения организованной группы и преступного сообщества по признакам, закрепленным в частях 3 и 4 статьи 35 УК РФ [16, с. 1477–1484].

Считаем, что экстремистское сообщество является самостоятельной разновидностью преступного сообщества, что еще раз подтверждается судебной практикой. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 4 февраля 2010 года № 47-009-82 указано, что под экстремистским сообществом понимается преступное сообщество, созданное для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности [17]. «Преломление экстремистского сообщества через несколько различных форм соучастия представляется неприемлемым» [18, с. 275]. Эта же позиция поддерживается и рядом ученых, проводящих фундаментальные исследования в области противодействия деятельности экстремистских сообществ [19, с. 10–11].

Мы полностью солидарны с мнением А.Н. Мондохонова, отметившего, что объективные признаки, отраженные в статье 282¹ УК РФ, должны исключать неединообразное их толкование и, соответственно, применение [20, с. 38–40].

На основании вышеизложенного считаем, что необходимо убрать из диспозиции статьи 282¹ УК РФ словосочетание «то есть организованной группы лиц», что, с нашей точки зрения, снимет существующую дискуссию.

Список использованных источников

1. Отметим, что в статье 282¹ УК РФ термин «преступная организация» не используется. Это указывает на неопределенность законодателя в выборе соответствующих категорий в нормах о «родственных» преступлениях, свидетельствует о проблемах в определении их содержания и усложняет применение нормы (см.: Быков, В. Организация преступного сообщества (преступной организации) // Законность. – 2010. – № 2. – С. 18–21).

2. Агапов, П. В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности : монография / П.В. Агапов. – СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2011.

3. Мондохонов, А.Н. Преступная организация или преступное сообщество? / А.Н. Мондохонов // Законность. – 2009. – № 10. – С. 35–37.

4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: около 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М., 1985.
5. Юдичева, С.А. Актуальные проблемы юридического анализа составов преступлений организации экстремистского сообщества и участия в нем / С.А. Юдичева // Новый юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 182–193.
6. Хлебушкин, А.Г. Квалификация нападений, совершаемых членами организованных групп по экстремистским мотивам / А.Г. Хлебушкин // Законность. – 2013. – № 5. – С. 21–25.
7. Агапов, П.В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности / под науч. ред. Н.А. Лопашенко. – М., 2009.
8. Яни, П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности / П.С. Яни // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 11–16.
9. Быков, В.М. Организация преступного сообщества (преступной организации) / В.М. Быков // Законность. – 2010. – № 2. – С. 18–21.
10. Кашепов, В.П. Квалификация преступлений экстремистской направленности / В.П. Кашепов // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 32.
11. Борисов, С.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие / С.В. Борисов, А.В. Жеребченко. – М., 2010.
12. Хлебушкин, А.Г. Квалификация деятельности экстремистской организации / А.Г. Хлебушкин // Законность. – 2012. – № 3. – С. 12–15.
13. Фридинский, С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.Н. Фридинский. – М., 2011.
14. Определение Верховного Суда РФ от 26 августа 2010 г. № 9-О10-40.
15. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.
16. Быков, В.М. Постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: научный комментарий / В.М. Быков // Право и политика. – 2011. – № 9. – С. 1477–1484.
17. Определение Верховного Суда РФ от 4 февраля 2010 г. № 47-009-82.
18. Павлинов, А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Павлинов. – М., 2008.
19. Зубалова, О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества : дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Зубалова. – Н. Новгород, 2013.
20. Мондохонов, А.Н. Признаки преступного сообщества (преступной организации) / А.Н. Мондохонов // Законность. – 2010. – № 9. – С. 38–40.

ПЛЕШАКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ,
Профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор

**Невиновное причинение вреда при оперативном внедрении
(к постановке проблемы)**

Аннотация. В работе рассматривается возможность уголовно-правовой оценки причинения вреда лицом, осуществляющим оперативное внедрение, с точки зрения невиновного причинения вреда.

Ключевые слова: невиновное причинение вреда, уголовная ответственность, оперативное внедрение.

PLESHAKOV ALEKSANDR,
Professor of the department of criminal law of Moscow university of Ministry of
internal affairs of Russia named for V. Y. Kikot,
doctor of law sciences

**Innocentdamnification at operational implementation
(to statement of the problem)**

Annotation. In work the possibility of the criminal legal treatment of damnification by the person performing operational and investigation action-operational implementation, from the point of view of innocent damnification is considered.

Keywords: innocent damnification; criminal liability; operational implementation.

В настоящее время оперативное внедрение является одним из эффективных оперативно-разыскных мероприятий по предупреждению и раскрытию наиболее опасных посягательств против жизни и здоровья, общественной безопасности, конституционного строя и государственной власти. Под оперативным внедрением следует понимать ситуации, когда лицо оказывается внутри так называемой криминальной микросреды («внутри объекта оперативного интереса»), то есть тех, кто постоянно или на протяжении относительно длительного времени занимается преступной деятельностью как профессией [1, 2]. Должностные лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, или те, кто с ними сотрудничает (далее для краткости – внедренное лицо), могут находиться в различного рода преступных объединениях – в бандах, в незаконных вооруженных формированиях, в террористических или экстремистских сообществах, в преступных организациях или их структурных подразделениях и т.д. В этих условиях внедренное лицо порой вынужденно совершать деяния, причиняющие вред объектам уголовно-правовой охраны. Такая

необходимость обусловлена одновременным решением нескольких задач: разоблачением виновных, получением конфиденциальной информации о их противоправной деятельности, предупреждением опасных преступных посягательств, сохранением собственного инкогнито и т.д. В подобных случаях внедренное лицо всегда балансирует между дозволенной хитростью и запрещенным обманом, т. е. действиями, которые не должны совершаться никогда [3, с. 239]. Соответственно ситуация «нарушения баланса», безусловно, требует уголовно-правовой оценки. С прагматической точки зрения, это известная проблема, получившая условное название – необходимость выведения внедренного лица из уголовного дела (прекращения уголовного преследования). Разумеется, такой проблемы не существует, когда внедренное лицо совершает умышленное преступление, не обусловленное целями и задачами оперативно-разыскной деятельности.

В настоящее время есть несколько юридических оснований для прекращения уголовного преследования (и прекращения уголовного дела) при отсутствии в деянии лица состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Во-первых, эта оценка его поведения по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ); физического либо психического принуждения (ст. 40 УК РФ). Однако использование этих обстоятельств, исключающих преступность деяний и причинивших вред при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий, является применением закона по аналогии. Следовательно нарушается принцип законности (ч. 2 ст. 3 УК РФ), что, разумеется, является недопустимым.

Во-вторых, это возможность освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности». Однако, как показало ранее проведенное исследование, эта норма является «мертвой» и не используется в судебно-следственной практике [4, с. 138]. В данном нормативном положении скорее содержится правовая идея, общественные ожидания, чем реальное отражение социальных отношений. Статья 18 ФЗ «Об ОРД» не является установлением уголовного закона и противоречит как общим, так и специальным видам освобождения, предусмотренным в Общей и Особенной частях УК РФ.

В-третьих, освобождение от уголовной ответственности (в том числе внедренного лица) возможно, как об этом сказано в отдельных публикациях, на основании примечаний к конкретным статьям УК РФ: ст. 205, 206, 208, 222, 228 и др. [5, с. 79]. Однако в этих случаях вопрос о невиновном причинении вреда, т.е. об исключение уголовной ответственности вообще не встает. Ведь при освобождении от такой ответственности лицо всегда признается виновным, т.е. в его деяние априорно содержится состав преступления. Вполне понятно, что для уголовного права исключение уголовной ответственности и освобождение от нее – принципиально разные нормативные установления.

Перечисление форм правовой защиты внедренного лица свидетельствует, на наш взгляд, о их незавершенности и ограниченности. Подобное поло-

жение требует дальнейшего совершенствования законодательства либо более детального анализа иных вариантов уголовно-правовой оценки причинения вреда при оперативном внедрении.

На наш взгляд, частичное разрешение сложившейся ситуации можно найти в ч. 2 ст. 28 УК РФ, регламентирующей одну из форм невинного причинения вреда. Согласно положениям закона уголовная ответственность исключается, если лицо, совершившее деяние, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, но не могло предотвратить их в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Данная норма является одной из тех, которые в теории уголовного права определяются как обстоятельства, исключающие уголовную ответственность [6, 7]. В нашем случае исключается основной элемент субъективной стороны состава преступления – вина.

В юридической литературе, как в теории уголовного права, так и в оперативно-разыскной деятельности, по этому поводу нет фактически никаких рассуждений и умозаключений. В свою очередь, анализ судебно-следственной практики за последние годы показал, что ч. 2 ст. 28 УК РФ к внедренным лицам ранее вообще не применялась. Вопрос об отсутствии вины при экстремальных условиях оперативного внедрения никогда и не ставился. Видимо, предполагается, что внедренное лицо, совершившее общественно опасное деяние, виновно всегда или не виновато никогда. В силу указанных обстоятельств, а так же по причине несовершенства законодательных формулировок, их неточности и неконкретности, обоснована, на наш взгляд, постановка исследовательской проблемы, связанной с анализом невинного причинения вреда при оперативном внедрении.

В соответствие с ч. 2 ст. 28 УК РФ исключение уголовной ответственности должно базироваться на трех взаимосвязанных правовых установлениях. Во-первых, лицо не может предотвратить общественно опасные последствия своих действий (бездействия). Во-вторых, такая неспособность детерминирована его психофизиологическими качествами. В-третьих, подобные свойства должны несоответствовать: а) требованиям экстремальных условий б) нервно-психическим перегрузкам. В методических целях рассмотрим эти положения по отдельности и более детально.

При невинном причинении вреда внедренное лицо не могло (не в силах, не в состоянии, не способно) предотвратить общественно опасные последствия своего деяния. Однако, разумеется, оно предвидело возможность их наступления. Соответственно здесь присутствует интеллектуальный элемент вины – предвидение. Лицо заранее знало или предполагало о наступлении социально опасного результата (вреда общественным отношениям), т.е. независимо от того каким был состав преступления – материальным, формальным или усеченным [8, 9].

Предвидение общественно опасных последствий свидетельствует о том, что лицо понимает характер развития необходимой причинной связи между своим деянием и наступившем негативным итогом. Совершая те или иные действия (бездействие), субъект осознает, что неблагоприятные последствия были предопределены таким деянием и вызывались им с той или иной степенью вероятности. Следовательно, предвидение тесно взаимосвязано с осознанием и характеризуют отражательную и прогностическую функцию мозга [10, с. 93].

Вместе с тем, в невиновном причинении вреда нет одного из основных элементов психического отношения к содеянному – нет желания последствий. Желание – это волевой момент. Оно представляет собой психическое усилие (волю), которое прикладывает лицо в определенном направлении своего «хотения» т.е. для достижения преступного результата. Соответственно воля это лишь особый (практический) способ мышления [11, с. 68].

Однако в формуле невиновного причинения вреда нет никакого указания на необходимость волевых усилий. Лицо никак к этому не относится: не желает последствий, не допускает их наступления, не воспринимает их безразлично, не рассчитывает на их предотвращение и т.п. Перед нами разрыв между интеллектуальным и волевым отношением к содеянному. Следовательно, категория «лицо не могло» является только объективной характеристикой деяния. А объективное вменение, как известно, не допускается (ч. 2 ст. 5 УК РФ).

Объективная неспособность предотвратить общественно опасные последствия определяется психофизиологическими качествами личности. В законе нет их детального описания, поэтому мы будем раскрывать их содержание, используя положения судебной психологии.

Психофизиологические свойства – это совокупность существенных признаков, особенностей и характеристик психики и физиологии конкретного лица, которые определяют его неповторимость. В психологической структуре личности такие качества разделяются на темперамент, способности и характер индивида [12, с. 6–28].

Темперамент – это проявление в психике человека врожденного типа нервной деятельности. Различные комбинации таких типов характеризуют нервные процессы на: сильные – слабые, неуравновешенные – сбалансированные, подвижные – инертные и т.д. Разумеется, те или иные виды темперамента обычно не существуют в «чистом» виде. Соответственно и внедренное лицо, как правило, обладает смешанным темпераментом, однако тот или иной его тип остается ведущим.

Каждое внедренное лицо имеет определенные способности, т.е. совокупность врожденных анатомо-физиологических качеств нервной системы, приобретенных или развитых в процессе жизнедеятельности. Эти элементарные и сложные способности и определяют его возможности для успешного решения поставленных задач. Элементарные способности определяются

уровнем восприятия, внимания, памяти и мышления. Сложные способности – это врожденные возможности к наблюдению и анализу, к усвоению полученных данных, к умению находить новые решения, отказываться от шаблонов мышления («гибкость ума») и т.д.

В то же время, вся нервная деятельность человека, вся его природная организация обладает, так называемой пластичностью, т.е. поддается изменениям и способна приспособливаться к новым внешним и внутренним условиям. Соответственно внедренное лицо в ряде случаев может компенсировать недостатки одних своих свойств за счет развития других качеств и способностей. Мобилизация психической энергии, адаптация к экстремальным условиям позволяет развивать и способности к импровизации (артистичности), к умению ориентироваться в любой ситуации и анализировать события и факты при дефиците времени.

В психике внедренного лица существует и такая совокупность устойчивых существенных качеств как характер. Это психическое явление представляет собой общие способы взаимодействия личности и окружающей среды, приобретенные в конкретных социальных условиях. Характер, с точки зрения поведения, определяется как тип жизнедеятельности. Выделяют волевые черты характера: целеустремленность, самостоятельность, инициативность, решительность, настойчивость, самообладание и т.д. Существуют и противоположные черты характера: негативизм, т.е. противодействие любому, даже позитивному воздействию со стороны других лиц и, наоборот, повышенная внушаемость, а также эмоциональная реактивность, малодушие, постоянная неуверенность и т.д.

Приведенная структура психических свойств личности, конечно же, является схематичной. У одного человека те или иные черты могут быть ярко выражены, у других – менее, у многих – представлены в различных сочетаниях. Соответственно не существует «хороших» или «плохих» способностей, темпераментов и характеров [13, 14].

Для экстремальных условий оперативного внедрения, разумеется, предпочтительным является, так называемая, психологическая устойчивость, т.е. наиболее оптимальная динамика психических процессов – умение «владеть собой». В то же время, для профессиональной пригодности существенное значение имеют определенные общие способности: умение переключаться на различные виды деятельности; устойчивость к длительным и однообразным воздействиям и эмоциональным нагрузкам; способность устанавливать психологические контакты с людьми; личная организованность и самодисциплина и т.д.

Вместе с тем, в уголовном законе говорится не об отдельных психических свойствах личности. И даже не о тех психологических характеристиках, которые имеют нравственное содержание: чувство долга, порядочность, преданность и т.п. Речь идет одругом, о тех формах психического отражения действительности, которые определяются физиологией.

Физиология – это совокупность жизненных процессов, которые происходят в организме или его частях, это функционирование естественных систем, органов и клеток. Соответственно психофизиологические качества представляют собой психические свойства, которые обусловлены действием физиологических (нейрофизиологических) механизмов в форме сенсорных, моторных и вегетативных реакций. Психофизиологические механизмы являются врожденными (генетически запрограммированными) и зависят от так называемого генотипа, т.е. наследственной конституции организма.

Все психические явления есть результат деятельности мозга. Одному и тому же физиологическому закону (например, закон индукции нервных процессов) могут соответствовать различные психические явления, например, особенности внимания, памяти, восприятия. И, наоборот, один процесс (например, мышление) обусловлен целым рядом физиологических процессов, например, системой аналитико-синтактической деятельности мозга.

В то же время, психическое нельзя отождествлять с физиологическим. Все физиологические процессы материальны, а так называемые психические образы – идеальны и одновременно функционируют в реальности. Соответственно деятельность мозга – это физиологическая деятельность по своему биологическому (генетическому) механизму и психическая – по результатам [15, с. 49–51].

В уголовном законе указано, что признание деяния невиновным зависит от психофизиологических качеств, которые должны не соответствовать требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам. Несоответствие означает, что в конкретное время, в конкретном месте и в конкретной обстановке, лицо оказывается не готовым к принятию оптимального решения. Это обусловлено тем, что психофизиологические качества дали «сбой», вышли из под контроля, их характер изменился и они перестали отвечать насущным запросам. Возникновение такого несоответствия не зависит от психических свойств личности, т.е. от того, является ли внедренное лицо психологически устойчивым или оно реагирует на ситуацию эмоционально импульсивно, обладает ли оно сильной волей и твердым характером либо, наоборот, не достаточно уверенно в себе и имеет слабый характер.

Иными словами, психофизиологические качества являются строго индивидуальными. Следовательно и запас их прочности, т.е. соответствие требованиям, предъявляемым к экстремальным ситуациям, у каждого лица разный.

В то же время, необходимо понимать, что сам термин «требование» не имеет правового и категоричного содержания. В отношении таких требований нет никаких нормативных или законодательных установлений, они не являются бланкетными или отсылочными понятиями. По форме их наличие обязательно, но по содержанию они условны, поскольку их границы определяются совокупностью психических и физиологических качеств, а не нормой права.

Понятие «экстремальные условия» также имеет сложное юридическое содержание. Само оперативное внедрение является экстремальной ситуацией или экстраординарным, исключительным оперативно-разыскным мероприятием. В общем виде экстремальность представляет собой выход за пределы обычного, отступление от установленных правил, необычность по трудности исполнения.

В свою очередь, при оперативном внедрении могут возникать и другие крайние, необычные и сложные обстоятельства, требующие адекватного реагирования в условиях дефицита времени. Так, при осуществлении данного мероприятия контроль за внедренным лицом порой бывает ослаблен и оно начинает обладать исключительной независимостью в принятии самостоятельных решений. В этой ситуации может появиться соблазн совершения противоправных и общественно опасных деяний. Ведь внедренное лицо через какое-то время адаптируется к требованиям криминальной микросреды: оно знает все условия и хитросплетения и той и другой стороны; хорошо информировано и практически знакомо со всеми способами совершения преступлений; возможностями для сокрытия противоправной деятельности; уходом от наблюдения и т.д.

Длительная бесконтрольность поведения порождает психологическую успокоенность, беспечность. У внедренного лица притупляется чувство опасности, пропадает естественная настороженность ощущений и восприятий, поскольку оно чувствует себя «своим» и там и здесь. Возникает уверенность в безопасности и чувство вседозволенности.

В этот «спокойный» период, резкий внезапный переход от вполне комфортных условий существования к неожиданно возникшей и быстро меняющейся ситуации, способен вызвать эмоциональный срыв или сильное психическое потрясение [16, с. 142–163]. Динамика развития событий, нестандартный характер новых обстоятельств, отсутствие предыдущего опыта в принятии адекватных решений, может существенно деформировать психические качества внедренного лица. В свою очередь, эти изменения психических свойств способны кардинально влиять и на устойчивость физиологических качеств. В результате, лицо не может предотвратить общественно опасные последствия своего деяния.

Таким образом, «экстремальные условия» представляет собой объективно-субъективную категорию уголовного закона. Применительно к оперативному внедрению такие условия являются объективными, а по психическим и физиологическим реакциям они индивидуально-субъективные.

Вторая альтернативная форма объективной неспособности предотвратить преступный результат – это несоответствие психофизиологических качеств нервно-психическим перегрузкам. При осуществлении оперативного внедрения лицо одновременно старается решить несколько противоположных задач. Возникает противоречивая ситуация внутриличностного характера, когда сталкиваются разнонаправленные мотивы и побуждения. Подоб-

ное психологическое напряжение может длиться неопределенно долго. Постоянная нагрузка на психику, «борьба мотивов» и накопление отрицательных эмоций порождают психологическую усталость и интеллектуальное переутомление.

В результате психического перенапряжения перегружается и нервная система (нервно-физиологические качества). Появляются ошибки в процессах восприятия, внимания, памяти. Утрачивается гибкость мышления, эмоциональные компоненты начинают преобладать над рациональными, появляются неадекватные вегетативно-моторные реакции на внешние раздражители [17]. Снижается общая активность мыслительных процессов и внедренное лицо начинает терять чрезвычайно важный компонент психики – пластичность поведения.

Однако эти процессы не могут длиться постоянно. Психические и нервные (физиологические) системы в какой-то кризисный момент больше не могут выполнять свою работу, поскольку сильно перегружены.

Данное явление (нервно-психические перегрузки) в истории оперативно-разыскной деятельности известны давно. По этому поводу еще в царской России начальник Московского охранного отделения Департамента полиции Зубатов говорил: «в работе сотрудника, как бы он не был вам предан и как бы честно он не работал, всегда, рано или поздно, наступает момент психологического перелома. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать. Ему тяжело» [18, с. 439–440].

Логико-юридический (и частично – психологический) анализ невинного причинения вреда, предусмотренный в ч. 2 ст. 28 УК РФ, позволил нам сделать ряд выводов материального и процессуального характера. Отсутствие вины и соответственно состава преступления в действиях (бездействии) внедренного лица определяется не отсутствием тех или иных элементов психического отношения к содеянному, а объективной категорией – несоответствием психофизиологических качеств. Следовательно, закрепленные в норме закона обстоятельства относятся к объективным показателям личности деятеля и носят оценочный, индивидуальный и ситуативный характер (требования к экстремальным условиям или нервно-психические перегрузки).

Вместе с тем, отсутствие вины устанавливается не по усмотрению или избирательному решению правоприменителя – это не является его правом. Реализация обязанности по применению ч. 2 ст. 28 УК РФ по отношению к внедренному лицу в этих случаях невозможна без судебно-психологической экспертизы [19, 20]. Понимание всей ситуации в целом, критическое к ней отношение позволяет правоприменителю задавать «правильные» вопросы эксперту. В конечном итоге, от его ответов и зависит судьба внедренного лица. Ведь результат судебно-психологической экспертизы по уголовному делу, в котором фигурирует внедренное лицо, и определяет главную цель – установление материальных оснований для исключения уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Сурков, К.В. Принципы полицейской разведки / К.В. Сурков. – СПб., 1995.
2. Оперативно-розыскная деятельность / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М., 2001.
3. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / кол. авторов. 2-е изд. – М., 2000.
4. Плешаков, А.М. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве / А.М. Плешаков, Г.С. Шкабин. – М., 2006.
5. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. В.В. Нилюка [и др.]. – Омск, 1999.
6. Благов, Е.В. Классификация деяний, исключających уголовную ответственность / Е.В. Благов // Государство и право. – 1999. – № 9.
7. Дорогин, Д.А. Обстоятельства, исключające уголовную ответственность / Д.А. Дорогин. – М., 2013
8. Кузнецова, Н.Ф. Значение преступных последствий / Н.Ф. Кузнецова. – М., 1958
9. Землюков, С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда / С.В. Землюков. – Новосибирск, 1991.
10. Тер-Акопов, А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А.А. Тер-Акопов. – М., 2003.
11. Гегель, Г.Ф. Философия права (переизд.) / Г.Ф. Гегель. – М., 1990.
12. Еникеев, М.И. Основы судебной психологии. Психические свойства личности / М.И. Еникеев. – М., 1982.
13. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М., 1976.
14. Чуфаровский, Ю.В. Юридическая психология / Ю.В. Чуфаровский. – М., 1997.
15. Еникеев, М.И. Судебная психология. Часть первая / М.И. Еникеев. – М., 1975.
16. Нагаев, В.В. Основы судебно-психологической экспертизы. – 2-е изд. / В.В. Нагаев. – М., 2003.
17. Китаев-Смык, Л.А. Психология стресса / Л.А. Китаев-Смык. – М., 1983.
18. Смирнов, М.П. Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран. 2-е изд. / М.П. Смирнов. – М., 2003.
19. Сафуанов, Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе / Ф.С. Сафуанов. – М., 1998.
20. Ситковская, О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу РФ / О.Д. Ситковская. – М., 1999.

СЫСОЕВ РОМАН АНДРЕЕВИЧ,
старший преподаватель
кафедры оперативно-разыскной деятельности
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

**О наличии провокации преступления
при проведении оперативно-разыскных мероприятий**

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы провокации при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Ключевые слова: провокация преступления, оперативно-разыскные мероприятия.

SYSOYEV ROMAN ANDREEVICH,
Senior teacher
departments of investigation and search operations
Ryazan branch of the Moscow university
The Ministry of Internal Affairs of Russia of V. Ya. Kikotya,
candidate of jurisprudence

**About availability of provocation of the crime
when carrying out operational search actions**

Annotation. Problematic issues of provocation when carrying out investigation and search operations are considered.

Keywords: provocation of the crime; investigation and search operations.

В последнее время к провокации, как способу раскрытия и расследования преступлений, приковано большое общественное внимание.

В печатных изданиях продолжает дискутироваться вопрос о понятии провокации преступления, как среди ученых, так и практикующих работников правоохранительных органов, судов и адвокатуры. Проблема оценки провокации недостаточно широко освещена в теории уголовного права, она близка по своей природе к подстрекательству, но отличается от него конечной целью и задачами, а ее правовые последствия является одной из наиболее сложных проблем в современном уголовном и уголовно-процессуальном праве [1, с. 47–50; 2, с. 111–117].

В России долгое время суды лояльно относились к провокации при получении сотрудниками правоохранительных органов доказательств. Однако в связи с многочисленными решениями Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по признанию незаконным применение провокации, изменилось и мнение судов.

ЕСПЧ придерживается позиции, что провокация это создание условий для совершения лицом преступления. Оперативные сотрудники своими действиями или используя негласных сотрудников, подталкивают человека совершить преступление, искусственно создавая для этого условия. При этом необходимо учитывать, что данное преступление не было бы совершено без вмешательства со стороны правоохранительных органов.

Провокация впервые получила широкое распространение в Уголовном законодательстве США и содержит достаточно четкую правовую характеристику. Это действия должностного лица, которые побуждают или поощряют другое лицо к преступному поведению, создания заведомо ложного представления о том, что его действия не являются запрещенным или данные действия будут совершены иными лицами.

В настоящее время правоохранительные органы широко используют агентурные методы при проведении оперативно-разыскных мероприятий для выявления и раскрытия таких тяжких преступлений как незаконный оборот наркотиков и оружия, при борьбе с коррупцией и взяточничеством, так как данные категории преступлений обладает большой латентностью. При этом в некоторых ситуациях оперативники или их негласные источники выступают в роли подстрекателей к совершению преступлений, особенно при проведении таких мероприятий как: проверочная закупка, контролируемая поставка и оперативный эксперимент.

Ситуация в законодательстве России изменилась после рассмотрения ЕСПЧ 15 декабря 2005 г. жалобы Г.А. Ваньяна к Российской Федерации, о наличие провокации в действиях сотрудников органов внутренних дел при сборе доказательств виновности Ваньяна к незаконному обороту наркотических средств, в результате проведения проверочной закупки с использованием агентурного аппарата. Данные действия выразились в нарушение части первой ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека.

ЕСПЧ подчеркнул, что использование негласных сотрудников даже при раскрытии преступлений в сфере наркобизнеса не должно основываться на использовании доказательств полученных в результате провокации, так как не было других оснований полагать, что преступление было совершено при других обстоятельствах. Использование доказательств добытых в результате провокации может подорвать справедливость суда.

Вынужденной мерой Российской Федерации было внесение изменений и дополнений в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», где в статье 5 органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, запрещается «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)».

Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ от

27 июня 2012 года разъяснил, что под провокацией сбыта судам следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов или лицам, привлекаемым для проведения оперативно-разыскных мероприятий. В тех случаях, когда до проведения оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка» у правоохранительных органов не было оснований подозревать лицо в распространении наркотических средств, и сам сбыт наркотического средства явился результатом вмешательства оперативных работников, суды, как правило, признавали наличие провокации со стороны оперативных работников.

В каждом случае, когда в качестве доказательств по уголовному делу используются результаты ОРД, суды обязаны оценивать возможность использования результатов данных мероприятий в качестве доказательств по уголовному делу. При этом следует иметь в виду, что согласно статьи 7 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» основаниями для проведения оперативно-разыскных мероприятий являются, в том числе ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Следует отметить, что наличие такой информации для проведения ОРМ и предоставления ее органам следствия и суду предусмотрено п.20 Инструкции утвержденной совместным приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Следственного комитета Российской Федерации от 27.09.2013.

В соответствии с инструкцией результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств, содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

При вынесении постановления о проведении ОРМ, оперативные службы должны основываться только на проверенной оперативной информации, с достаточными основаниями для проведения ОРМ. Если данная информация не подтверждается материалами уголовного дела, или она получена после вынесения постановления о проведении ОРМ, то такое ОРМ должно быть признано незаконным. При этом в дальнейшем результаты, такого ОРМ, могут быть признаны – недопустимыми доказательствами.

При изучении статистических данных ФСКН России прослеживается тенденция к сокращению расследованных уголовных дел с 51,5 тысяч в 2012 году, до 42,7 тысяч в 2015 году. Опрос сотрудников правоохранительных органов подтвердил наличие трудностей при проведении ОРМ, связанных с возможной провокацией.

В большинстве случаев провести ОРМ невозможно без использования негласного аппарата. Соответственно для признания собранных данных доказательствами вместо агента должен выступать простой гражданин, который сам знает, кто, где и когда распространяет наркотики.

Согласно ч.2 ст.12 Закона «Об ОРД» предание гласности сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами, а в соответствии с ч. 4 ст.9 Закона «Об ОРД» по требованию судьи ему могут представляться также иные материалы, касающиеся оснований для проведения оперативно-разыскного мероприятия, за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и о тактике проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Для исключения возможной провокации, следователь или судья, при оценке доказательственной базы должен получить сведения о принадлежности лиц участвующих в ОРМ к категории негласных сотрудников, а при отсутствии «желания» у оперативных сотрудников, это становится невозможным. Так значат, при достаточной «оперативной смекалке», провокация остается возможной.

Список использованных источников

1. Бадалянц, Э.Ю. Проблемы отграничения подстрекательства к преступлению от его провокации / Э.Ю. Бадалянц // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регионального круглого стола / под ред. Е.Н. Билоуса, Г.С. Шкабина. – 2015. – С. 47–50.

2. Крыканов, В.Е. Проблемы провокации преступления при осуществлении оперативно-разыскной деятельности / В.Е. Крыканов // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию доктора юридических наук, профессора заслуженного деятеля науки Российской Федерации Льва Леонидовича Кругликова / под ред. В.Ф. Лапшина. – Рязань, 2015. – С. 111–117.

ТОПИЛЬСКАЯ ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА,
Доцент кафедры уголовного права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»
(Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук

Уголовно-правовая оценка действий членов организованных преступных групп, привлеченных к сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации действий членов организованных преступных групп, привлеченных к сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, на разных стадиях уголовного процесса, на условиях сохранения конфиденциальности и без сохранения конфиденциальности, а также вопросы назначения наказания таким лицам.

Ключевые слова: организованная преступность, квалификация, назначение наказания, оперативно-разыскная деятельность.

TOPILSKAYA ELENA VALENTINOVNA,
Associated professor of the criminal law department
of the North-West branch
of Russian State University of Justice
(Sankt-Petersburg),
candidate of law sciences

**Legal appraisal of actions of members of organized criminal groups,
cooperating with the police**

Annotation. The article deals with the legal appraisal of actions of members of organized criminal groups, cooperating with the police during the different stages of trial, confidentially or not, and issues of sentencing.

Keywords: organized crime, legal appraisal, sentencing, intelligence and undercover investigation.

Организованная преступность занимает место в числе наиболее опасных угроз безопасности человечества на международном уровне, и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, отмечено обострение угроз, связанных с транснациональной организованной преступностью. Кроме того, одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности в Стратегии названо противодействие деятельности преступных организаций и группировок. Сложность осуществления такого противодействия обусловлена

особенностями криминологической характеристики организованной преступности: длящейся групповой преступной деятельности, как правило, – хорошо законспирированной, неизменными атрибутами которой являются насилие и использование административного ресурса коррумпированных должностных лиц, входящих в преступные группы и сообщества или содействующих им. Принцип разработки организованных преступных групп (как говорят практики борьбы с организованной преступностью, – «от человека к преступлению») отличается от принципа раскрытия прочих преступлений («от преступления к человеку, его совершившему»). Разрабатывая участника организованного преступного объединения, можно получить информацию о которых еще не известно правоохрнительным органам, а также о готовящихся преступлениях; и обойтись без привлечения к сотрудничеству отдельных членов организованных преступных групп в борьбе с организованной преступностью невозможно.

Европейский Суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что рост организованной преступности и трудности, с которыми сталкиваются правоохрнительные органы в выявлении и расследовании преступлений, требуют принятия адекватных мер, в связи с чем «полиция все чаще должна использовать негласных агентов, информаторов и тайные практики, особенно в борьбе с организованной преступностью и коррупцией» [1]. Однако нужно понимать, что число участников организованных преступных формирований, которые искренне раскаялись и готовы к сотрудничеству в силу своей гражданской позиции, весьма невелико. В большинстве случаев для вербовки таких лиц необходим серьезный стимул, не приглашающий, а вынуждающий их к сотрудничеству. Это не противоречит требованиям статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» о том, что отдельные лица могут привлекаться к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий только на добровольной основе, с их согласия. Под добровольностью в данном случае понимается «осознанное волевое поведение» субъекта, мотивы же такого поведения не имеют значения. Например, по одному из дел о торговле наркотиками приговор был основан, в частности, на показаниях свидетельницы, привлеченной к участию в оперативно-разыском мероприятии «проверочная закупка» наркотических средств: в качестве «закупщика» она приобрела у осужденной К. наркотическое средство, которое добровольно выдала сотрудникам органов внутренних дел. Адвокат осужденной К. настаивал на недопустимости этого доказательства, ссылаясь на то, что свидетельница принимала участие в оперативно-разыском мероприятии не по своей воле, а вынужденно, поскольку сама до этого была задержана за незаконное хранение наркотических средств, и сотрудники органа, осуществляющего ОРД, предложили ей в целях облегчения ее участи оказать им содействие в изобличении лица, сбывающего наркотические средства. Как разъяснил Санкт-Петербургский городской суд в кассационном определении, по смыслу закона под содействием граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, следует понимать осознанное волевое поведение субъектов, заключающееся в получении оперативно значимой информации и передаче ее представителю органа, осуществляющего ОРД, или осуществление конкретных действий по решению оперативно-разыскных задач борьбы с преступно-

стью по инициативе субъектов ОРД при условии доверительности отношений. Свидетельница написала заявление о добровольном согласии участвовать в проведении проверочной закупки, какого-либо давления на нее со стороны оперативных сотрудников не оказывалось, поэтому ссылки адвоката на вынужденный характер ее участия в проведении проверочной закупки являются неубедительными. Суд отметил, что оперативно-разыскное мероприятие проведено в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», и нарушений уголовно-процессуального законодательства оперативными сотрудниками также допущено не было [2].

Именно желание облегчить свою участь почти всегда лежит в основе согласия на сотрудничество со стороны участника организованного преступного объединения. Если такое сотрудничество осуществляется без сохранения конфиденциальности, то уголовный закон предлагает известный набор поощрительных мер: возможность, в обмен на деятельное раскаяние члена преступной группы, существенно понизить верхний предел наказания (ч. 1 и 2 ст. 62, ч. 1 ст. 64 УК РФ), или полностью освободить от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ, примечание к ст. 210 УК РФ). Необходимым условием применения этих мер являются документально оформленная явка с повинной, подписанное прокурором досудебное соглашение о сотрудничестве, зафиксированные в материалах уголовного дела показания о преступных деяниях соучастников, об имуществе, добытом преступным путем, и прочие формальные подтверждения активного содействия раскрытию и расследованию преступлений со стороны участника преступной группы. Такого рода содействие наиболее часто имеет место уже после возбуждения уголовного дела, в ходе предварительного расследования, и для правовой оценки этого поведения участника преступной группы вполне достаточно вышеперечисленных норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ. Основная проблема уголовно-правовой оценки такого содействия носит, как нам представляется, не тактический, а стратегический характер. Результаты криминологических исследований личности участников организованных преступных объединений, равно как и опыт следственной и оперативной работы, показывают, что наиболее охотно идут на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и на фиксацию элементов деятельного раскаяния самые опасные члены организованных групп – именно те, кто обнаруживает признаки профессионального, или, по другой терминологии, особо злостного типа личности преступника. Дефектность социально-ценностных установок таких типов, необратимая деформация личности, искаженное моральное и правовое сознание обуславливают возможность пренебрежения не только общечеловеческими моральными нормами, но и принятыми в криминальной субкультуре квази-моральными стандартами. Так, например, в Санкт-Петербурге был привлечен к уголовной ответственности член организованной преступной группы Г. за преступления, совершенные им не в составе группы, а индивидуально: убийство человека, которому он должен был крупную сумму денег, и покушение на убийство двоих свидетелей этого преступления (один из которых был его близким другом), насилие в отношении сотрудников полиции, незаконное приобретение и ношение огнестрельного оружия, покушение на дачу взятки [3]. Будучи задержанным, он почти сразу изъявил желание сотрудничать с органами, осуществ-

ляющими ОРД, и готовность сообщить сведения о преступлениях, совершенных организованной группой, и начал активно изобличать своими показаниями нескольких лиц. В ходе расследования были установлены факты совершения обвиняемым Г. и других тяжких преступлений. Его длительная преступная деятельность и определенные обстоятельства преступлений (хладнокровная попытка убить, с целью сокрытия другого преступления, человека, который, по его же собственным словам, был его другом), дача изобличающих показаний о тяжких преступлениях в отношении лиц, находившихся с ним в дружеских отношениях (при том, что не все показания подтвердились: один из тех, кого Г. активно изобличал, был оправдан судом, в отношении другого дело было прекращено следствием по реабилитирующим основаниям) говорят о том, что Г. представляет собой особо злостный тип личности преступника. Это тип, ищущий и создающий криминогенные ситуации, беспринципный, лживый и изворотливый, готовый на предательство, и кроме того, самый опасный из членов группы, несмотря на то, что не занимал в преступном объединении лидирующей позиции. Тем не менее, в силу применения поощрительных норм уголовного закона, окончательно назначенная ему по совокупности преступлений и приговоров мера наказания оказалась значительно ниже меры наказания, избранной другим членам группы, совершившим не столь тяжкие преступления, как Г.

Судебная практика содержит значительное количество примеров назначения опасным членам организованных групп, заключившим сделку с правосудием, относительно мягких, по сравнению с другими осужденными, наказаний. Например, приговором Челябинского областного суда от 4 июня 2015 года Волошин признан виновным в незаконном сбыте наркотических средств с использованием электронных, информационно-телекоммуникационных сетей, в значительном размере, организованной группой, в контрабанде наркотических средств в крупном размере, совершенной организованной группой, и в приготовлении к совершению сбыта наркотических средств с использованием электронных, информационно-телекоммуникационных сетей, в крупном размере, организованной группой; приговорен к 12 годам лишения свободы, апелляционной инстанцией приговор смягчен с учетом содействия Волошина в раскрытии преступлений [4], и это наказание намного ниже, чем наказания, назначенные его соучастникам.

Приговором Воронежского областного суда от 10 июня 2013 г. Серов, ранее судимый, освобожденный условно-досрочно и продолживший преступную деятельность, осужден к 14 годам лишения свободы за создание и руководство преступным сообществом (преступной организацией) в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, и за 57 незаконных сбытов наркотических средств, из которых 38 в особо крупном размере, за 23 покушения на незаконный сбыт наркотических средств, из которых 8 в особо крупном размере, и за 24 приготовления к незаконному сбыту наркотических средств, из которых 18 в особо крупном размере, совершенных в составе преступного сообщества; апелляционной инстанцией приговор смягчен с учетом досудебного соглашения о сотрудничестве до 11 лет лишения свободы [5], в то время как членам руководимого им сообщества назначены более суровые наказания. Продолжное, то есть неоднократно предпринимавшееся в течение длительного

времени интервьюирование сотрудников уголовного розыска Санкт-Петербурга и Ленинградской области показало, что многие из них готовы идти на предоставление дополнительных льгот и благ, связанных с режимом и условиями содержания под стражей, лицам, привлеченным к уголовной ответственности и оказывающим содействие органам, осуществляющим ОРД, независимо от того, насколько достоверна предоставляемая ими информация. Забывая о том, что определяющее значение должен иметь не сам факт сотрудничества, а его результативность в раскрытии преступлений, выявлении и изобличении лиц, причастных к их совершению [6], сотрудники органов, осуществляющих ОРД, подчас оказываются заложниками доверительных отношений с членами преступных групп.

Таким образом, анализ следственной и судебной практики выявляет тенденцию создания режима максимального благопритворования и назначения наиболее мягких наказаний самым опасным членам организованных преступных формирований, в том числе руководителям организованных групп и сообществ, что, на наш взгляд, дискредитирует саму идею противодействия организованной преступности.

Если содействие органам, осуществляющим ОРД, оказывается членом преступной группы еще до возбуждения уголовного дела, в ходе разработки этой группы или ее лидера, наиболее часто отношения с сотрудниками оперативных служб строятся на конфиденциальной основе. В ряде случаев возникает оперативная необходимость сохранить конфиденциальность на неопределенный период времени, и это может повлечь сложности в оценке преступных деяний завербованных лиц, особенно когда эти деяния связаны с легендированием. Под легендой в теории понимаются специально подобранные факты и вымышленные сведения, которые используются при подготовке и осуществлении дезинформирующих действий и мероприятий, для того, чтобы продемонстрировать свою солидарность с действиями преступников, принадлежность к уголовным элементам, создать видимость совершения преступлений где-то на стороне для завоевания доверия разрабатываемых и получения необходимой информации [7]. Но на практике легендирование при подготовке оперативного внедрения или оперативного эксперимента может быть связано не с видимостью совершения преступлений, а с реальным совершением уголовно-противоправных деяний. Например, для внедрения лица, негласно сотрудничавшего с уголовным розыском Кировского района Санкт-Петербурга, в организованную группу преступников, специализировавшихся на квартирных разбоях, агенту пришлось совершить несколько разбойных нападений. В Дзержинском районе Санкт-Петербурга органы, осуществляющие ОРД, подвели к участнику организованной группы агента с целью выявления местонахождения скрывающегося соучастника, и агенту для поддержания легенды пришлось совершить хищение наркотических средств и передать их разыскиваемому лицу. В таких случаях преступные действия лиц, участвующих в оперативно-разыскных мероприятиях, следует оценивать в аспекте положений ст. 39 УК РФ о крайней необходимости: умышленное причинение вреда, который равен или более значителен, чем вред предотвращенный, влечет уголовную ответственность на общих основаниях, но с учетом смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Такой подход соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от

23 декабря 2014 г. № 2980-О: «Проведение проверочной закупки или контролируемой поставки предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативного эксперимента или оперативного внедрения должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а равно лиц, оказывающих им содействие, на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (часть седьмая статьи 8), служит условием обеспечения законности и обоснованности проведения этих оперативно-розыскных мероприятий, участие в которых может содержать объективные (формальные) признаки преступления. Данные нормы, хотя и не регламентируют уголовно-правовые отношения, основания уголовной ответственности либо освобождения от нее, вместе с тем не могут не учитываться при оценке, в том числе судом, действий лиц, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий» [8].

Список использованных источников

1. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 октября 2014 г. Дело «Носко и Нефедов (NoskoandNefedov) против Российской Федерации» (жалобы №№ 5753/09 и 11789/10) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2015. – № 4 ; Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2008 г. Дело «Раманаускас против Литвы» [Ramanauskas v.Lithuania] (жалоба № 74420/01) (Большая Палата) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2008. – № 8, и др. – Доступ из СПС «Гарант».
2. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11 апреля 2011 г. № 22-2047/2011. – Доступ из СПС «Гарант».
3. Архив Санкт-Петербургского городского суда за 2011 г. Уголовное дело № 2-63/11.
4. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 августа 2015 г. № 48-АПУ15-32. – Доступ из СПС «Гарант».
5. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 октября 2013 г. № 14-АПУ13-8. – Доступ из СПС «Гарант».
6. Киселев, А.П. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / А.В. Киселев, О.А. Васильев, Ю.В. Белянинова. – Специально для системы ГАРАНТ, 2016. – Доступ из СПС «Гарант».
7. Бертовский, Л.В. Расследование преступлений экономической направленности: научно-практическое пособие / Л.В. Бертовский – Проспект, 2016.– Доступ из СПС «Гарант».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2014 г. № 2980-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дворянкина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8, статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из СПС «Гарант».

ЧЕЧЕТИН АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,
Профессор кафедры
оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел
Санкт-Петербургского университета МВД России,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

**О некоторых проблемах применения оперативного эксперимента
в оперативно-разыскной деятельности**

Аннотация. Статья посвящена проблемам обеспечения законности при проведении оперативного эксперимента и ограничении этого оперативно-разыскного мероприятия от провокации преступления.

Ключевые слова: оперативный эксперимент, провокация преступления, оперативно-разыскная деятельность.

CHECHETIN ANDREY EVGENYEVICH,
Professor of the Department of
operational-investigative activity of law enforcement bodies
St. Petersburg University of MIA of Russia
Honoured Lawyer of Russia
Doctor of Law, Professor

**About some problems of application of operational experiment
in operational search activity**

Annotation. Article is devoted to problems of law enforcement when carrying out operational experiment and the otgranicheniya of this operational and investigation action from provocation of the crime.

Keywords: operational experiment; provocation of the crime; investigation and search operations.

Особое место в арсенале оперативно-разыскной деятельности (далее ОРД) занимает оперативный эксперимент, применение которого вызывает больше всего проблем в практике, поскольку это оперативно-разыскное мероприятие (далее ОРМ) основано на действиях, схожих с некоторыми формальными признаками объективной стороны уголовно наказуемой провокации. О реальности этих проблем свидетельствует, прежде всего, серия скандальных уголовных дел, возбужденных в 2014 году в отношении руководства и оперативных сотрудников Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД России за превышение должностных полномочий при проведении оперативных экспериментов. Кроме того, практика применения оперативного эксперимента получила негативную оценку и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который уже

в двух постановлениях по жалобам российских граждан установил нарушение их прав [1; 2]. О наличии провокации преступлений при проведении оперативных экспериментов утверждается и в целом ряде жалоб в Конституционный Суд Российской Федерации на нормы Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (Закон об ОРД).

Проблемы обеспечения законности при проведении оперативного эксперимента, на наш взгляд, можно разделить на две группы: объективные, связанные с недостатками правового регулирования данного ОРМ, и субъективные, обусловленные непрофессионализмом оперативных служб.

В числе недостатков правового регулирования оперативного эксперимента следует, прежде всего, упомянуть отсутствие в Законе об ОРД определения данного ОРМ, которое раскрывало бы его содержание и делало единообразным его применение всеми субъектами ОРД. Поскольку содержание оперативного эксперимента законодатель не раскрывает, то каждый орган, осуществляющий ОРД, истолковывает его по-своему в ведомственных нормативных актах и, при этом, далеко не самым оптимальным образом. Так, в подзаконном нормативном акте об основах оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел определение оперативного эксперимента сформулировано настолько многословно и громоздко, что не позволяет понять его суть, характерные признаки и допустимые пределы. При этом, из пяти пунктов, посвященных регламентации данного ОРМ, два воспроизводят законодательные нормы, а три других носят технический характер и не закрепляют никаких правил поведения участников оперативного эксперимента. При таком правовом регулировании оперативные сотрудники чувствуют себя достаточно свободно в выборе тактических приемов и способов своих действий.

К чему приводит такая свобода усмотрения наглядно видно из Постановления ЕСПЧ по делу «Александр Новоселов против России». Заявитель по этому делу стал объектом оперативного эксперимента, в ходе которого он был похищен действующими под видом частных охранников сотрудниками полиции, вывезен в лес и под пытками принуждался к даче показаний о своей причастности к преступлению. Как установлено ЕСПЧ, действия оперативных сотрудников были санкционированы руководителем органа внутренних дел, который в силу своих обязанностей не мог не понимать характер действий своих подчиненных, но видимо посчитал их допустимыми в рамках оперативного эксперимента.

Серьезным недостатком правового регулирования оперативного эксперимента является отсутствие в законе объективных критериев разграничения правомерных действий при его осуществлении от уголовно-наказуемых деяний: провокации взятки (ст. 304 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Недостаток законодательства в части отграничения правомерного оперативного эксперимента от провокации взятки частично подправил Верховный Суд Российской Федерации, который в Постановлении Пленума от

9 июля 2013 года № 24 разъяснил, что от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо на принятие взятки. Отсюда следует, что даже подстрекательские, т.е. незаконные действия при проведении оперативного эксперимента не могут квалифицироваться как провокация взятки. Однако этого разъяснения оказалось недостаточным для рассмотрения уголовных дел в отношении бывших сотрудников ГУЭБиПК МВД России, которые были привлечены к ответственности, в том числе, по ст. 304 УК РФ.

Что касается отграничения правомерного оперативного эксперимента от признаков объективной стороны деяния, предусмотренного ст. 286 УК РФ, то никаких разъяснений по этому поводу Верховный Суд не дает. Анализ же судебной практики показывает, что в качестве критерия такого отграничения используется положение ч. 8 ст. 5 Закона об ОРД, которое запрещает подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Такого рода действия законодатель называет провокацией, что вносит путаницу в правовую терминологию, поскольку подстрекательство, т.е. склонение другого лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом признается уголовным законом в качестве формы соучастия в преступлении, а провокация взятки, согласно диспозиции ст. 304 УК РФ, предполагает попытку передачи должностному лицу без его согласия денег, ценных бумаг и т.д. в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа. Отсюда видно, что содержание термина «провокация», использованного в Законе об ОРД, отличается от уголовно-правового понятия провокации, но при этом объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, имеет внешнее сходство с действиями, составляющими содержание оперативного эксперимента. Такая терминологическая неопределенность требует внесения ясности в законодательные нормы.

В качестве одного из вариантов корректировки закона можно предложить уточнить понятие провокации, закрепленное в ст. 5 Закона об ОРД, отнеся к ней действия по склонению к совершению преступления лишь такого лица, которое не обнаружило противоправных намерений. При наличии же сведений о том, что лицо замышляет, подготавливает и совершает преступления обращение к нему с предложением взятки не должно квалифицироваться законодателем как уголовно-наказуемое деяние.

Существенным недостатком законодательного регулирования оперативного эксперимента, по мнению ЕСПЧ, является отсутствие его независимого санкционирования. Как известно, Закон об ОРД в качестве обязательного условия проведения оперативного эксперимента предусматривает необходимость вынесения постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД. Это положение закона оспаривалось в Конституционном Суде РФ, который не усмотрел в деле заявителя нарушения его прав [3]. В то же время ЕСПЧ считает такой порядок недостаточной гарантией от злоупотреблений со стороны правоприменителей, полагая, что разрешение на оперативный эксперимент должны давать независимые должностные лица: прокурор либо судья,

как это делается в большинстве европейских государств. Представляется, что к такому мнению российскому законодателю следовало бы прислушаться, поскольку существующая система контроля за ОРД, как показывает анализ практики, не обеспечивает надежной защиты от провокации при проведении оперативного эксперимента, а если ничего не менять, то ЕСПЧ в силу прецедентного характера своих решений и дальше будет их выносить не в пользу России.

Тактика же проведения оперативного эксперимента, не допускающая провоцирования не причастных к противоправной деятельности лиц, должна быть детально урегулирована на уровне подзаконного нормативного акта в виде межведомственной (либо ведомственной) инструкции, согласованной с Генеральной прокуратурой РФ.

Вторая группа проблем применения оперативного эксперимента связана с непрофессионализмом сотрудников оперативно-разыскных служб, имеющимися недостатками в организации и тактике данного ОРМ, приводящими к нарушению закона.

Одной из типичных причин признания оперативного эксперимента незаконным является его проведение при отсутствии для этого оснований. На практике часто приходится решать проблему правильности толкования характера и достаточности сведений о признаках подготавливаемого или совершаемого преступления, дающих право на проведение ОРМ. В частности, возникает вопрос о том, может ли основанием для оперативного эксперимента выступать конфиденциальная информация? Анализ судебной практики показывает, что такая информация может выступать основанием для проведения ОРМ, но только при условии, что она должна проверяться и подтверждаться другими данными. Так, в одном из своих решений Верховный Суд признал обоснованным проведение оперативного эксперимента, поскольку первоначальная оперативная информация о противоправной деятельности подсудимой проверялась с помощью других негласных источников и нашла свое подтверждение [4]. Такой же позиции придерживается и ЕСПЧ, который неоднократно отмечал допустимость использования в борьбе с организованной преступностью и коррупцией анонимных информаторов, подчеркивая при этом необходимость их соответствующей проверки [2, п.п. 51 и 58]. В то же время голословные заявления оперативных сотрудников о наличии некой секретной информации не признаются судами доказательством наличия оснований для проведения оперативного эксперимента [5].

Второй типичной причиной признания незаконности оперативного эксперимента выступает провоцирующее поведение участника оперативного эксперимента, выражающееся в активном склонении и побуждении проверяемых лиц к совершению преступления. Так, в последние годы достаточно распространенной причиной отмены приговоров с прекращением уголовных дел становится вывод суда, что действия сотрудников полиции при проведении оперативного эксперимента были направлены на склонение подсудимых к получению незаконного вознаграждения при обстоятельствах, свидетельствующих, что без вмешательства сотрудников правоохранительного органа умысел на преступление не возник бы и оно не было бы совершено [6].

Достаточно распространены на практике нарушения процедуры принятия решений на проведение оперативного эксперимента, которые нередко оформляются постановлением лишь после фактического начала их осуществления. Речь идет о таких случаях, когда оперативные сотрудники, получив информацию о конкретном лице, занимающемся взяточничеством, вначале направляют к нему лиц, оказывающих содействие, с предложением взятки, а когда получают на это согласие – выносят постановление и завершают задуманное. Такую последовательность действий вряд ли можно признать правомерной, поскольку проводимые по инициативе оперативной службы предварительные встречи и переговоры с проверяемым лицом свидетельствуют об уже начавшемся оперативном эксперименте без получения официального разрешения на это уполномоченных руководителей. Вызывает большие сомнения и законность проведения на основании одного постановления такого оперативного эксперимента, в ходе которого предмет взятки проходит через цепочку нескольких посредников, каждому из которых предлагается оказать содействие правоохранительному органу. Такого рода действия, на наш взгляд, представляют собой ряд самостоятельных, хотя и взаимосвязанных оперативных экспериментов, а потому требуют получения разрешения руководителя на всю последовательность действий путем вынесения отдельных постановлений. В порядке исключения можно допустить разрешать такие действия в одном постановлении при условии, что в нем будет описан каждый планируемый эпизод реализации общего замысла.

Немало нарушений закона допускается оперативными сотрудниками на завершающей стадии оперативного эксперимента при задержании взяточников с поличным и обнаружении предметов взятки. Поскольку Закон об ОРД не предусматривает таких принудительных действий как задержание и личный обыск, то они должны проводиться в порядке, предусмотренном УПК РФ. На практике же нередко для обнаружения предмета взятки фактический обыск в помещении оформляется как осмотр места происшествия или оперативно-разыскное обследование, а фактический личный обыск оформляется личным досмотром. Такая подмена предусмотренных законом следственных действий их оперативно-разыскными или административно-правовыми аналогами дает стороне защиты формальные основания для оспаривания в суде допустимости использования в доказывании результатов таких действий.

В заключение следует подчеркнуть, что оперативный эксперимент является особо острым оперативно-разыскным мероприятием, а потому обуславливает необходимость совершенствования его правового регулирования как на законодательном, так и подзаконном уровне, обязывает руководителей органов внутренних дел строже контролировать его проведение, а от исполнителей требует более высокого уровня профессионализма и знания судебной практики.

Список использованных источников

1. Постановления Европейского суда по правам человека от 28 ноября 2013 года по делу «Александр Новоселов против России» и от 30 октября 2014 года // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Носко и Нефедов против России» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 года № 2400-О // СПС «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное определение Верховного Суда российской Федерации от 9 июля 2013 года № 46-АПУ13-13 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 31 января 2012 года № 11-О12-1 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2013 года № 51-АПУ13-4; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2013 года № 45-АПУ13-15; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2013 года № 11-Д13-33 и др. // СПС «КонсультантПлюс».

ЧИСТЯКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

Профессор кафедры уголовного права и криминологии
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

Общие начала уголовной ответственности за провокационно-преступную деятельность

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки действий провокатора преступления. Поднимается проблема исключения уголовной ответственности или освобождения от нее спровоцированного лица. Приводятся примеры из зарубежного уголовного законодательства.

Ключевые слова: провокация преступления, провокационно-преступная деятельность, уголовная ответственность.

CHISTIYAKOV, ALEKSEI,

Professor of the department of criminal law and criminology
of the Ryazan branch of Moscow university of Ministry of internal affairs of
Russia named for V. Y. Kikot,
Doctor of Law, Professor

The general beginnings of criminal liability for provocative and criminal activity

Summary. In article questions of the criminal legal treatment of actions of the provoker of the crime are considered. The problem of the exception of criminal liability or release from it of the provoked person rises. Examples from the foreign penal legislation are given.

Keywords: provocation of the crime; provocative and criminal activity; criminal liability.

Введение в текст Уголовного кодекса Российской Федерации (1996 г.) норм, ранее не известных российскому уголовному законодательству, безусловно, открывало самые широкие перспективы для исследования новых

уголовно-правовых институтов. Но мы не стали свидетелями сравнительно многочисленного количества работ, посвященных абсолютно новой тематике. В большей или меньшей степени это относится к уголовно-правовой оценке такого явления, как провокация преступления.

Наличие в действующем Кодексе норм, предусматривающих уголовную ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ), в полной мере не решают эту проблему по ряду следующих обстоятельств. Во-первых, следует ли введение указанной нормы рассматривать только как частные случаи фальсификации доказательств, результатов оперативно-разыскной деятельности или заведомо ложного доноса, соединенного с искусственным созданием доказательств обвинения? Во-вторых, не совсем понятно, почему речь идет об установлении уголовной ответственности только за провокацию совершения взятки или коммерческого подкупа? В-третьих, не совсем понятно соотношение между провокацией и подстрекательством к совершению преступления. Наконец, в рассматриваемых ситуациях неясна дальнейшая судьба спровоцированного: будет ли он освобожден от уголовной ответственности, будет ли смягчена в отношении него уголовная ответственность, что следует предпринять уголовной юстиции далее, если совершенное спровоцированным преступление является следствием только единственно действий провокатора, до каких пределов распространяется действие оперативного эксперимента и тому подобных мероприятий, допустимо ли правоохранителю не пресекать готовящееся преступление, а ожидать его начала для получения весомых доказательств, позволяющих привлечь виновного к уголовной ответственности и т.д.

Попытка ответов на обозначенные вопросы, думается, возможна при проведении исследований в рамках института уголовной ответственности за преступно-провокационную деятельность.

Как свидетельствует судебная практика, зачастую в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, используются результаты такого оперативно-разыскного мероприятия, как «проверочная закупка». Она предусмотрена п. 4 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», как один из видов оперативно-разыскных мероприятий, проводимых при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Все дело в том, что поводом и основанием для возбуждения уголовных дел по данной категории преступлений зачастую является именно проведение соответствующих оперативно-разыскных мероприятий.

Однако при проведении оперативно-разыскных мероприятий соответствующими органами выявлялись многочисленные ошибки; в том числе отмечались и недопустимые с точки зрения соблюдения законности провокации на совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В связи с этим Пленум Верховного суда РФ в п. 14 соответствующего поста-

новления от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (с изм. от 23.10.2010 г., внесенными Постановлением Пленума ВС РФ № 31), разъяснил, что результаты оперативно-разыскных мероприятий только тогда могут быть положены в основу приговора, когда они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ. Этот умысел должен сформироваться у виновного независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений. Кроме того, в этом случае подлежит обязательной фиксации факт проведения виновным всех подготовительных действий, необходимых для совершения преступления. Соответствующие изменения, касающиеся рассматриваемой проблемы, были внесены в известный Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, в новой редакции ст. 5 этого закона гласила, что при осуществлении оперативно-разыскной деятельности запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий.

Однако, несмотря на внесенное изменение в закон и соответствующие разъяснения Пленума ВС РФ, а также отдельные определения Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ по конкретным уголовным делам, представители следственных и судебных органов продолжали допускать ошибки при квалификации действий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. В связи с этим ВС РФ принял утвержденный Президиумом ВС РФ от 27.06.2012 «Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ». Ценность этого документа в первую очередь состоит в том, что судам даны разъяснения по поводу того, в каких случаях результаты оперативно-разыскной деятельности, использованные органами предварительного расследования для доказывания вины конкретных лиц в совершении действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, подлежат признанию недопустимыми доказательствами. Кроме того, впервые в судебно-следственной практике было дано определение провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов при осуществлении оперативно-разыскной мероприятий по выявлению лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств. Указано, что под провокацией сбыта судам следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов или лицам, привлекаемым для проведения оперативно-разыскных мероприятий. То есть в тех случаях, когда до проведения оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка» у правоохранительных органов отсутствовали основания подозревать лицо

в распространении наркотических средств, а сам сбыт наркотического средства явился результатом вмешательства оперативных работников, суды должны признавать наличие провокации со стороны оперативных работников.

Смысловым содержанием провокации признается подстрекательство кого-либо к заведомо вредным для него действиям [1, с. 410]. В уголовном праве дореволюционного периода под провокатором преступления понимался «тот, кто возбуждал к преступлению с целью предать совершителя правосудию и подвергнуть его ответственности» [2, с. 769; 3, с. 389; 4, с. 215; 5, с. 499].

Следует, хотя и не бесспорно, согласиться с мнением некоторых ученых, что основной целью провокатора преступления является склонение провоцируемого к совершению преступления для того, чтобы предать его в руки правосудия [6, с. 33].

В связи с этим следует, безусловно, признать, что фигура провокатора к совершению преступления по своему объективному «обрамлению» весьма схожа (да практически идентична) с подстрекателем. Но в отличие от подстрекателя провокатор «руководствуется не стремлением в своей деятельности причинить вред объекту, на который направлено действие исполнителя, а стремлением изобличить преступника и передать его в руки государственной власти» [7, с. 573].

Нельзя отрицать, что настоящее время полицейские органы во всем мире широко используют различные агентурные методы для выявления таких преступлений, как терроризм, экстремизм, наркоторговля, коррупция. Предварительная деятельность этих преступных деяний носит латентный, завуалированный и специально законспирированный характер. И потому, осуществляя соответствующие оперативные мероприятия (контрольная закупка или оперативный эксперимент), полицейские и их агенты выступают в роли инициаторов совершения преступных действий «разрабатываемыми» лицами, воздействуя на их волю путем подстрекательства. Такие методы вызывают возражение у значительной части юридического сообщества, полагающей, что задачей полиции является предотвращать преступления, а не подталкивать морально неустойчивых лиц к их совершению. Первой законодательной системой, в которой провокация преступления была признана обстоятельством, устраняющим виновность спровоцированного лица, является система США. Именно в этой стране в XX веке была разработана теория, в соответствии с которой провокация со стороны сотрудников правоохранительных органов делится на правомерную и неправомерную.

К неправомерной провокации относятся только те ситуации, в которых сотрудник правоохранительных органов (или его источник) с целью возбуждения уголовного преследования активно побуждает провоцируемого к совершению преступления. При этом оговаривается, что лицо, провоцируемое к совершению преступления, до провокации совершить преступление не намеревалось. В этом случае действия провокатора рассматриваются как «вовлечение в ловушку» и объявляются противоправными.

Указанные результаты позитивного права были перенесены в соответствующие документы рекомендательного характера. В частности, Примерный уголовный кодекс США провозглашает в одной из статей следующие положения:

«1. Публичное должностное лицо, осуществляющее исполнение закона, или лицо, действующее в сотрудничестве с таким должностным лицом, совершает провокацию, если с целью получения доказательств совершения посягательства оно побуждает или поощряет другое лицо к поведению, составляющему это посягательство, путем либо: а) создания заведомо ложного представления о фактах, которое рассчитано на то, чтобы вызвать предположение, что такое поведение не является запрещенным; либо б) применения методов убеждения или побуждения, создающих существенный риск того, что такое посягательство будет совершено иными лицами, помимо тех, которые готовы его совершить.

2. За исключениями, предусмотренными пунктом 3 настоящей статьи (к существу рассматриваемой проблемы не относится), лицо, подвергнутое уголовному преследованию за посягательство, подлежит оправданию, если оно докажет путем представления более веских доказательств, что его поведение явилось результатом провокации. Вопрос о провокации рассматривается судом без присяжных».

Указанные положения Примерного УК США получили свое дальнейшее развитие и закрепление в законодательствах отдельных штатов. Например, Уголовный кодекс штата Нью-Йорк закрепляет положение, согласно которому «в любом преследовании за посягательство утверждающей защитой является то, что обвиняемый совершил запрещенное поведение в силу того, что его побудил или подстрекал к этому публичный служащий или лицо, действующее совместно с публичным служащим, стремящимся добыть доказательства, направленные против него, с целью уголовного преследования, если способы получения доказательств были такими, что создали значительный риск того, что это посягательство было бы совершено лицом, в противном случае не склонным его совершить.

Побуждение или подстрекательство к совершению посягательства означает активное побуждение или подстрекательство. Поведение, которым просто предоставляется лицу возможность совершить посягательство, не составляет вовлечения в ловушку».

А уголовное законодательство штата Техас относит вовлечение в ловушку к общим основаниям защиты от уголовной ответственности: «Является защитой против преследования то, что деятель осуществил поведение, вменяемое ему, поскольку его склонил поступить так сотрудник правоохранительного органа, используя убеждение или другие способы, которые могли бы заставить человека совершить данное посягательство. Поведение, просто дающее возможность лицу совершить посягательство, не является вовлечением в ловушку».

В уголовном праве Великобритании провокация к совершению преступления не является эффективным способом защиты по делу, но обязывает судью прекратить рассмотрение дела ввиду злоупотребления процессом (то есть в отношении подсудимого уголовное преследование прекращается) или исключить доказательства, полученные в результате провокации (зачастую это влечет вынесение оправдательного приговора «за недоказанность»). В Канаде установление факта «вовлечения в ловушку» имеет не материально-правовое, а процессуальное значение, поскольку не признается защитой, но влечет остановку судопроизводства по делу. На практике это равносильно оправданию лица, поскольку уголовное преследование прекращается. Любопытное положение относительно рассматриваемой проблемы содержит уголовное законодательство Республики Зимбабве. Правовая система этой страны вобрала в себя элементы сразу трех правовых семей – романо-германской, англо-саксонской и традиционной. Так вот, в Законе о кодификации уголовного права Зимбабве (в ст. 260) указывается, что вовлечение в ловушку не является защитой от обвинения, но суд может смягчить приговор, если найдет, что правоохранительные органы или иные лица для такого вовлечения использовали нечестные или нежелательные методы. Понятие нежелательных методов включает в себя аморальные либо противозаконные (на грани закона) действия. Прямое указание на провокацию, как обстоятельство, которое в полной мере должно быть использовано защитой, содержит УК Бутана.

На европейском континенте наиболее весомой судебной практикой по разрешению дел, связанных с провокацией преступлений, обладает ФРГ. Правовая доктрина и судебная практика разделяют провокацию преступлений на допустимую и недопустимую.

Допустимые провокации – это провокации преступлений, которые не расходятся с нормами правового государства. Эти провокации должны иметь своей целью уличение лиц, уже обоснованно подозреваемых в совершении преступления. У правоохранителя при этом должны иметься обоснованные предположения, что преступник и без провокации совершит противоправное действие. Цель провокации в этом случае является лишь направление вектора протекающего преступления в выгодное для обнаружения доказательств русло.

Вместе с тем федеральный Верховный Суд расценивает даже допустимую провокацию только как смягчающее обстоятельство, которое в обязательном порядке должно отражаться на реальном смягчении наказания. Верховный Суд в этом случае исходит из того, что спровоцированное преступление представляет собой незначительную опасность, поскольку совершается под контролем полиции.

Недопустимой, т.е. преступающей принципы правового государства (а значит – нарушающей Конституцию ФРГ) признается провокация, когда лицо принимает решение совершить преступление под влиянием этой самой

провокации, которая осуществлена сотрудником правоохранительных органов или иным лицом, но опять же по заданию этих органов. Конституционный Суд ФРГ при такой провокации считает возможным, хотя и в исключительных случаях, прекратить судебное разбирательство, «принимая во внимание достоинство человека и принципы правового государства». Федеральный Верховный Суд в последнее время придерживается мнения, что такая провокация должна в каждом конкретном случае расцениваться лишь как «веское, не зависящее от вины основание для определения размера наказания», что при определенных предпосылках (например, при особенно сильном воздействии агента-provokatora на исполнителя преступления и незначительной тяжести преступления) может даже привести к прекращению судебного разбирательства в связи с малозначительностью преступления. Но это, скорее, исключение. Основное правило состоит в том, что наличие провокационной деятельности, под воздействием которой виновный совершает преступление, не является обстоятельством, однозначно освобождающим его от уголовной ответственности.

Проблема влияния провокации совершения преступления на вопросы привлечения виновного к уголовной ответственности стала предметом рассмотрения в Конституционном Совете Литвы. Рассмотрев материалы дела и складывающуюся судебную-следственную практику, Конституционный Суд Литвы вынес постановление (от 8 мая 2000 г.), в котором указал, что не может быть установлено такое правовое регулирование применения (субъектами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность) модели, имитирующей преступную деятельность, которое сохраняло бы за специальными службами государства возможность подстрекать, провоцировать лицо на совершение преступления и, таким образом, создавать основу для его наказания.

Провоцирование преступления и другие злоупотребления в подобных случаях, по мнению Конституционного Суда, делают указанную модель антиконституционной, а собранная в результате ее применения информация не является доказательством, имеющим уголовно-процессуальное значение.

Далее было указано, что суды в каждом уголовном деле, в котором применяется указанная модель, должны устанавливать, не было ли провокации или подстрекательства к совершению преступления. При установлении таких злоупотреблений собранная подобным образом информация не считается доказательством по делу.

Необходимо отметить, что в большинстве стран евразийского континента суды любых уровней долгое время вполне терпимо относились к полицейской провокации как методу получения доказательств. Более того – метод провокации как способ добывания доказательств по делу, оправдывался и некоторыми классиками советского и российского уголовного права: «С точки зрения этики агент-provokator – фигура, имеющая мало общего с моралью. Однако не следует забывать, что борьба с преступностью – это самая настоящая война, а на войне иногда приходится действовать вразрез с нормами по-

ведения, свойственными мирному времени. Думается, что в крайне редких случаях провокация допустима, если нет других способов доказать виновность преступников. Особенно это относится к случаям борьбы с организованной преступностью, которая в России в настоящее время развернула свою деятельность на полную мощь и представляет реальную угрозу самому существованию нашего государства. Если подстрекатель, будучи секретным агентом спецслужбы, участвовал в акте возбуждения решимости на преступление среди членов преступной группировки по плану и под контролем правоохранительных органов, он не может в этом случае нести уголовную ответственность, так как выполнял приказания своего руководства» [8, с. 87-89].

Из контекста сказанного следует, что в указанном случае никакого снисхождения к спровоцированным быть не должно. Легко заметить, что соглашаясь с возможностью применения провокации преступления, М.И. Ковалев вполне обоснованно обозначает рамки этого возможного: во-первых, такое возможно только в отношении лиц, уже участвующих в организованной преступной деятельности; во-вторых эта деятельность должна быть особо агрессивной, ставящей под угрозу существование самого государства; в-третьих, провокация должна быть не просто редким, а крайне редким случаем; наконец, провокация должна быть заранее спланирована и одобрена сотрудниками правоохранительных органов, осуществляться под их контролем.

Однако стоит обратить внимание, что приведенное нами мнение бытовало в странах Европы до середины-конца 90-х годов прошлого века. Уже в начале 21 века ситуация стала меняться. Особенно она изменилась с появлением соответствующих прецедентов Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), признавшего использование методов провокации нарушением права на справедливое судебное разбирательство. По сути дела с начала 2000-х в своих решениях ЕСПЧ стал указывать на недопустимость использования провокаций со стороны полиции в качестве доказательств в суде по делам против Португалии, Швейцарии и Великобритании [9, с. 34–39]. 15 декабря 2005 г. постановлением ЕСПЧ, вынесенным по жалобе Г.А. Ваньяна к Российской Федерации, было установлено нарушение части первой ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и его основных свобод в части привлечения Ваньяна к уголовной ответственности и последующего его осуждения в результате провокации преступления, совершенной сотрудниками органов внутренних дел. ЕСПЧ указал, что «использование тайных агентов должно быть запрещено, и меры ограждения от них приняты даже в делах, касающихся борьбы против наркоторговли. Из требований справедливого суда по статье 6 вытекает, что общественные интересы в борьбе против наркоторговли не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации полиции.

Когда случается, что действия тайных агентов направлены на подстрекательство преступления, и нет оснований полагать, что оно было бы совершено без их вмешательства, то это выходит за рамки понимания «тайный агент» и может быть названо провокацией. Такое вмешательство и его

использование в разбирательстве уголовного дела может непоправимо подорвать справедливость суда».

После принятия вышеуказанного решения ЕСПЧ российской судебной практикой стала усваиваться американская доктрина «вовлечения в ловушку». Однако проблема рассматривается (как и в других странах Европы) с чисто процессуальной точки зрения допустимости и недопустимости доказательств. До настоящего времени российская наука уголовного права даже в постановочном плане не обозначила перспективы доказательства двух научных гипотез в рамках рассматриваемого института: первое – правомерна ли постановка вопроса о полном освобождении от уголовной ответственности лиц, спровоцированных на совершение преступления сотрудниками правоохранительных органов или лицами, действующими по заданию этих сотрудников? Второе – каковы пределы уголовной ответственности лиц, провоцирующих иных субъектов в целях их привлечения к уголовной ответственности?

Иными словами, мы предлагаем рассматривать обозначенную проблему в двуаспектном варианте: провокатор и провоцируемый. Отсюда следуют предварительные ответы на вопросы, поставленные нами в самом начале этой статьи, а именно: бесспорно, что нормы, регламентирующие уголовную ответственность за провокацию взятки или коммерческого подкупа, являются частными случаями института уголовной ответственности за фальсификацию доказательств. Установление уголовной ответственности за подобные деяния исторически обусловлено недопустимой практикой нарушений законности в рассматриваемой сфере.

Обладая массой сходств по объективной стороне, подстрекательство к совершению преступления и провокация к совершению преступления различны по субъектно-субъективному составу: цели, которые ставят перед собой провокатор и подстрекатель – различны. Подстрекатель стремится через действия подстрекаемого им исполнителя причинить вред конкретному объекту будущего посягательства. А провокатор осуществляет свои действия единственно для того, чтобы изобличить преступника и передать его в руки правосудия.

В указанной ситуации полное освобождение от уголовной ответственности спровоцированного возможно только в одном случае: если провокатор является сотрудником правоохранительных органов, проводящим оперативно-разыскные мероприятия в пределах своей оперативно-служебной деятельности. При этом у него отсутствуют фактические данные об осуществлении провоцируемым определенных преступных намерений. Наконец, если действия, являющиеся следствием провокации, представляют собой единственные обстоятельства, доказывающие преступную деятельность провоцируемого. В остальных случаях можно рассматривать только возможность смягчения наказания виновному.

Что касается возможностей освобождения от уголовной ответственности или наказания провокатора, либо о рассмотрении возможностей применения института обстоятельств, исключающих преступность или общественную опасность деяния, то, думается, это является проблемой дальнейших разработок в рамках рассматриваемого института или смежных с ним уголовно-правовых проблем.

Список использованных источников

1. Словарь иностранных слов. – М., 1990.
2. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право / Н.С. Таганцев. – Т. 1. – СПб., 1902.
3. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права / С.В. Познышев. – М., 1912.
4. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Киев, 1904.
5. Пусторослев, П.П. Русское уголовное право / П.П. Пусторослев. – Т. 1. – Юрьев, 1907.
6. Glaser, J. Zum Lehre von dolus bei Anstifter, G. 1858. S. 33
7. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М., 1961.
8. Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении / М.И. Ковалев. – Екатеринбург, 1999.
9. Арутюнов, А.А. Институт соучастия: исторический экскурс / А.А. Арутюнов // Российский следователь. – 2007. – № 5.

ШКАБИН ГЕННАДИЙ СЕРГЕЕВИЧ,

Доцент кафедры уголовного права и криминологии
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Уголовно-правовая категория вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности

Аннотация: Статья посвящена значению уголовно-правового понятия вреда, причиненного при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Дается классификация норм Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», в которых говорится о причинении вреда.

Ключевые слова: уголовное право, вред, оперативно-разыскные мероприятия, оперативно-разыскное законодательство.

SHKABIN GENNADIY,

associate professor of the department of criminal law and criminology of the
Ryazan branch of Moscow university
of Ministry of internal affairs of Russia named for V. Y. Kikot,
candidate of law sciences

Criminal and legal category of harm at implementation of investigation and search operations

Annotation: article is devoted to value of criminal and legal concept of the harm done when carrying out investigation and search operations. Classification of

regulations of the Federal law «About operational search activity» in which it is told about damnification is given.

Keywords: criminal law; harm; investigation and search operations; operational and investigation legislation.

Термин «вред» употребляется достаточно часто. Он имеет широкое распространение как в быту, так и в научном языке и в законодательной практике. Однако в зависимости от различных обстоятельств это слово может пониматься как в отрицательном, так и в положительном смысле. Этот термин встречается в Конституции Российской Федерации. Непосредственно слово «вред» применяется только однажды. Так, согласно ст. 53 «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». В свою очередь об ущербе, как синониме вреда, идет речь в ст. 36, 42 и 52 Конституции РФ.

Под вредом в уголовном праве, на наш взгляд, следует понимать такие изменения объективной действительности, возникшие вследствие совершения общественно опасного или полезного (социально допустимого) деяния, которые выражаются в прерывании (разрушении) или деформации общественных отношений, охраняемых уголовным законом. В целом рассматриваемую категорию нельзя однозначно отнести исключительно к негативным правовым явлениям. Содержание вреда относительно и зависит от множества факторов. В зависимости от материального и формального содержания вред в уголовном праве следует классифицировать на два основных, но противоположных вида: преступный и не преступный. В свою очередь, последний может быть как общественно опасным, так и социально полезным или допустимым (правомерный вред).

Оперативно-разыскная деятельность является априори правомерной и социально полезной. Однако при ее осуществлении возможно причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны. Следовательно вред, причиненный при соблюдении правовых условий, будет правомерным. Такой вред является базисной точкой соприкосновения уголовного права и оперативно-разыскной деятельности. Под ним следует понимать вред, который имеет внешнее сходство с преступлением (преступным вредом), но не признающийся таковым в силу исключения противоправности и общественной опасности. По своему содержанию он носит общественно полезный и социально допустимый характер [1, с. 12].

На схожесть правомерного вреда с преступными деяниями неоднократно указывалось в специальной литературе [2, с. 23–24; 3, с. 21]. Подтверждением тому служит то, что каждая статья гл. 8 УК РФ начинается со слов «не является преступлением», то есть обращается внимание на отсутствие именно социально-негативного характера вреда. В связи с этим употребление в тео-

рии уголовного права формулировки «деяние, внешне схожее с преступлением» [4, с. 4–5] вполне применимо, на наш взгляд, к правомерному вреду.

Если говорить об отраслевой принадлежности юридической категории правомерного вреда, то следует отметить, что данный вопрос достаточно подробно исследовался в уголовном праве [5, с. 31–131; 6, с. 97; 7, с. 98–119]. С формальной точки зрения такой вред и условия его причинения должны быть предусмотрены уголовным законом. Как правило, речь идет об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, закрепленных в главе 8 УК РФ, либо о примечаниях к статьям Особенной части (например, в примечании к ст. 151 УК РФ).

Однако факт уголовно-правовой принадлежности не всегда является совершенно очевидным. Так в оперативно-разыскном законодательстве неоднократно упоминается о возможности причинения правомерного вреда. В зависимости от характера регламентации в Федеральном законе «Об ОРД» ситуаций причинения вреда следует выделить три группы норм. Во-первых, это статьи, в которых описывается детальный порядок причинения вреда. Во-вторых, нормы, о причинении вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. В-третьих, правовые установления, прямо не предусматривающие возможность причинения вреда, но при реализации которых может возникнуть такая ситуация.

Первую группу составляют нормы, которые сочетают в себе процессуальный и материальный характер. Они раскрывают определенный порядок совершения представителями государства действий, фактически выражающихся в причинении вреда объектам уголовно-правовой охраны. К ним относятся, например, нормы о проведении некоторых оперативно-разыскных мероприятий, проведение которых, как правило, влечет причинение вреда: прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи (п. 9, 10 ч. 1 ст. 6, ст. 9 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об оперативно-розыскной деятельности» – далее – ФЗ «Об ОРД» или Федеральный закон «Об ОРД») и др. Отличительной чертой таких действий является то, что они, достаточно подробно регламентируются в соответствующем законе и должны сопровождаться санкцией (согласием или разрешением) либо суда, либо руководителя соответствующего органа или его подразделения.

По нашему мнению, такого рода нормы в своей основе фактически сочетают процессуальные и материальные начала, а значит, встает вопрос об их соотношении с уголовным правом. К сожалению, в отечественном уголовном праве вопросы уголовно-правовой природы процессуальных норм, предусматривающих возможность причинения вреда, не получили должного научного обоснования. По результатам проведенного нами экспертного опроса следует вывод, что на практике такой проблемы также не существует (по вопросам уголовно-правовой оценки причинения вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности нами в 2009–2015 гг. был проведен экспер-

ный опрос 327 сотрудников полиции, ФСКН, следственного комитета, прокуратуры и судей в семи субъектах Российской Федерации (Московской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Тюменской областях и городе Москве). Подавляющее большинство респондентов (более 90 %), считает, что действия должностных лиц, выполняющих, процессуальные действия не вызывают сомнений в уголовно-правовой правомерности.

Вместе с тем этот аспект проблемы является предметом исследования в немецком уголовном праве. Так, по мнению У. Хелльманна, при расследовании уголовного дела правоохранительные органы, заключая обвиняемого под стражу или проникая в жилое помещение, нарушают правоохраняемые блага. В соответствии с уголовным законодательством Германии такие действия содержат признаки соответствующих составов преступлений. Однако ввиду их закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве они становятся дозволенными. Как пишет немецкий ученый, в таких случаях «уголовно-процессуальные нормы являются уголовно-правовыми основаниями, исключаящими преступность деяния» [8, с. 404–406]. Основой допустимости таких мер будет их соразмерность с предотвращаемым вредом [9, с. 73–75].

Вторая группа норм из других отраслей законодательства фактически вторгается в сферу действия уголовного права путем его дополнения собственными установлениями о правомерном вреде. Таким образом, возникает конкуренция норм разных отраслей. К числу таких юридических определений можно отнести ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об ОРД» – о правомерном вреде при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

В соответствии с общепринятыми теоретическими и законодательными положениями об источниках уголовного права подобного рода коллизии должны решаться в пользу материального права. Заключение о приоритете уголовного законодательства в этом вопросе можно сделать, если использовать аналогию постановления Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». В нем подтверждается конституционность приоритета норм Уголовно-процессуального кодекса над нормами конкурирующих с ним иных федеральных законов и подзаконных актов, что предусмотрено в ч. 1, 2 ст. 7 УПК РФ. В основу данного решения положен в том числе и предмет правового регулирования, который является критерием построения российского законодательства (п. «о» ст. 71, ч. 1 ст. 76 Конституции РФ).

Предложенный вывод подтверждается и юридической практикой. Так, согласно ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об ОРД» при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам. Подобные вредоносные действия возможны со стороны должностного лица органа, осу-

ществляющего оперативно-разыскную деятельность, либо лица, оказывающего ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении последним своего служебного или общественного долга. По своей юридической сути данная норма представляет собой обстоятельство, исключающее преступность деяния при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, которое однако и до настоящего времени не нашло отражения в уголовном законе [10, с. 153; 11; 12, с. 301–305].

По результатам проведенного нами опроса более 80 % респондентов дали отрицательный ответ на вопрос о возможности использования ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об ОРД» для правовой оценки действий лица, осуществляющего оперативное внедрение и умышленно причиняющего вред объекту уголовно-правовой охраны. Примерно такое же количество (около 80 %) практических работников фактически воспринимают эту норму как правовую декларацию, как формальность, то есть как законодательную дефиницию, не имеющую прагматического содержания.

Анализ правоприменительной практики также показал, что это правоположение почти не применяется. Нам удалось обнаружить лишь один случай использования этой нормы. В принципе его можно было бы не упоминать и списать на допустимую погрешность при исследовании проблемы. Однако субъект, применивший ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об ОРД», заставляет обратить внимание на этот факт.

23 августа 2011 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ вынесла кассационное определение № 48-О11-81 на приговор Челябинского областного суда, которым был осужден Лаврентьев за получение взятки в крупном размере (п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ). При выявлении данного преступления проводилось оперативно-разыскное мероприятие – оперативное внедрение. Внедренным лицом являлся сотрудник милиции Л., представлявший организацию, от которой Лаврентьев пытался получить взятку. В ходе проведения оперативного внедрения Л., по поручению Лаврентьева, вносил ложные сведения в договоры, подписывал фиктивные заявки на участие в открытых конкурсах от имени компании. Позднее Лаврентьев был признан виновным и осужден.

Однако в ходе судебного заседания представители защиты поставили перед судом вопрос о правовой оценке незаконных действий внедренного лица. На это Судебная коллегия в своем определении ответила, что «Л. при проведении оперативно-разыскного мероприятия выполнял указания и рекомендации Лаврентьева, в том числе по составлению необходимых документов задним числом. Данные действия допустимы частью 4 статьи 16 Закона «Об оперативно-разыскной деятельности»». Иными словами, была признана законность поведения внедренного лица, причинившего вред охраняемым интересам.

Defacto здесь имеет место аналогия закона, формально недопустимая в уголовном праве. Суд при возникновении уголовно-правовых отношений,

ввиду отсутствия в уголовном законодательстве соответствующей правовой конструкции, применил норму другой отрасли права. Однако возникает вопрос: насколько верно законодателем определена отраслевая принадлежность этой статьи? Ответ, на наш взгляд, представляется следующим: содержание ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об ОРД», исходя из предмета регулирования, носит уголовно-правовой характер. Следовательно, имеет место своего рода коллизия: во-первых, отношения, связанные с причинением вреда объекту уголовно-правовой охраны, не урегулированы собственно уголовным законом, а, во-вторых, существующая в другом законе норма, фактически имеющая уголовно-правовой характер, не применяется по причине иной отраслевой принадлежности. Решение данной проблемы, на наш взгляд, видится в исключении из оперативно-разыскного законодательства рассматриваемых положений и дополнении Уголовного кодекса РФ новой нормой. Delegeferenda предлагается ст. 39¹ УК РФ «Причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия» [13, с. 419–421].

К сожалению, случай с «обстоятельством, исключаящим преступность деяния в оперативно-разыскном законодательстве», далеко не единственный. Аналогичные по правовой природе положения содержатся и в других нормативных актах [14, с. 200–204].

Сложившаяся в законодательстве ситуация по данному вопросу свидетельствует о возникновении негативной тенденции. Она связана с дестабилизацией системы построения отрасли уголовного права, что выражается в появлении норм, имеющих уголовно-правовой характер в других отраслях права.

Третья группа – это нормы о деяниях, при совершении которых причинение вреда является альтернативой: он либо причиняется, либо нет. В такого рода нормах не предусмотрены конкретные действия. Прямо в них не идет речь о допустимости вреда, но ввиду отсутствия детальной регламентации такая возможность существует в потенциале, т.е. вполне вероятна. Здесь прежде всего следует говорить об оперативно-разыскных мероприятиях, проведение которых при определенных условиях может состоять в причинении вреда объектам уголовно-правовой охраны. В таких ситуациях лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, совершают действия, имеющие внешнее сходство с преступлением. Например, получение оружия при проверочной закупке (п. 4 ч. 1 ФЗ «Об ОРД») имеет внешние признаки его незаконного приобретения (ст. 222 УК РФ); разрешение перемещения наркотиков через Государственную границу РФ при контролируемой поставке (п. 13 ч. 1 ФЗ «Об ОРД») схоже с их контрабандой (ст. 229¹ УК РФ); передача денег взяточполучателю при оперативном эксперименте (п. 14 ч. 1 ФЗ «Об ОРД») близка по содержанию даче взятки (ст. 291 УК РФ); нахождение оперативного сотрудника в криминальной среде при оперативном внедрении (п. 12 ч. 1 ФЗ «Об ОРД») с объективной стороны тождественно участию в банде (ч. 2 ст. 209 УК РФ) и др.

Мы считаем, что во всех приведенных и иных аналогичных случаях действия лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, имеют для общества полезный либо допустимый характер. Однако мы точно также уверены, что материальной основой такого поведения должны быть нормы уголовного законодательства. К сожалению, на сегодняшний день, прямое уголовно-правовое регулирование описанных деяний отсутствует. Не является достаточно разработанным этот вопрос и в теории уголовного права.

Современное отечественное уголовное законодательство не содержит понятия обстоятельства, исключающего преступность деяния, оно только использует его форму (название). Существование такой общей нормы позволило бы решить подобные ситуации, которые, несомненно, еще будут возникать в дальнейшем. Поэтому в ее отсутствие, на наш взгляд, логичным и практически необходимым выходом является применение по аналогии уголовно-правовой нормы об одном из закрепленных обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеющего наибольшее сходство.

Несмотря на существующий запрет применения аналогии в ч. 2 ст. 3 УК РФ, такое решение проблемы является, по нашему мнению, «меньшим злом» по сравнению с полным отсутствием правового регулирования данного вопроса. Аналогия в нашем случае выступает в качестве механизма воспроизведения в последующем из института обстоятельств, исключающих преступность деяния, новых норм о правомерных деяниях и лежит в основе репродуктивной функции уголовного права [15, с. 9, с. 43–62].

Список использованных источников

1. Дмитренко, А.П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.П. Дмитриенко. – М., 2010. – 51 с.

2. Орешкина, Т. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» / Т. Орешкина // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 23–28.

3. Блинников, В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России / В.А. Блинников. – М., 2014. – 216 с.

4. Кадников, Н.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Н.Г. Кадников. – М., 1998. – 65 с.

5. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю.В. Баулин. – Харьков, 1991. – 360 с.

6. Пикуров, Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров. – Волгоград, 1998. 220 с.

7. Пархоменко, С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости / С.В. Пархоменко. – СПб., 2004. – 267 с.

8. Хелльманн, У. Уголовно-процессуальные полномочия как уголовно-правовые основания исключения противоправности / У. Хелльманн // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (24–25 января 2013 г.). – М., 2013. – С. 404–406.

9. Hellmann. Strafprozessrecht. – Springer-Lehrbuch, 2006. – 416 p.

10. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности» / отв. ред. А.Ю. Шумилов. – М., 1997. – 208 с.

11. Вагин, О.А. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности» (постатейный) / О. А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечетин. – М., 2009 – СПС «КонсультантПлюс».

12. Милюков, С.Ф. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние / С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко. – СПб. – 2015. – 560 с.

13. Шкабин, Г.С. Уголовно-правовое регулирование оперативного внедрения в борьбе с организованной преступностью / Г.С. Шкабин // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. Ряз. гос. ун-та им. С. А. Есенина (4 ноября 2013 г.) / отв. ред. А. В. Малько. – Рязань, 2013. – Вып. 2. – С. 419–421.

14. Орешкина, Т.Ю. Соотношение ряда положений Федерального закона «О противодействии терроризму» и некоторых других федеральных законов с нормами Уголовного кодекса об обстоятельствах, исключающих преступность деяния Т.Ю. Орешкина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 января 2007 г.). – М., 2007.

15. Шкабин, Г.С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук / Г.С. Шкабин. – М., 2004. – 191 с.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материалы Межведомственного круглого стола
(Рязань, 14 апреля 2016 г.)

Под редакцией *Г.В. Ищука, Е.Н. Билоуса, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина*

Верстка *Э.И. Поднебесная*

Подписано в печать 15.10.2016. Бумага офсетная. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 8,77. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 500 экз. Заказ № 26.

Общество с ограниченной ответственностью
«Издательство «Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1
Тел. 8(4912) 99-21-97

Отпечатано в ООО «Издательство «Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1
Тел. 8(4912) 99-21-97

